

[Polaris]

ТАНК

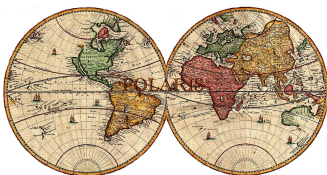

СМЕРТИ

Советская оборонная фантастика

1928 — 1940

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

ХС

Salamandra P.V.V.

ТАНК СМЕРТИ

Советская оборонная
фантастика
1928-1940

Salamandra P.V.V.

Танк смерти: Советская оборонная фантастика 1928-1940.
Сост. М. Фоменко. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2015. — 223 с.,
илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика.
Вып. XC).

В антологии «Танк смерти» собраны некоторые из наиболее показательных произведений советской военной или «оборонной» фантастики конца 1920-1930-х годов — от детских агитационных стихов до «завиральных» предложений инженеров и изобретателей, фантазий о легких победах над фашистской Германией или императорской Японией и мрачных военных абстракций.

© Авторы, переводчики, 2015
© М. Fomenko, состав, примечания, 2015
© Salamandra P.V.V., оформление, 2015

Владимир Динзе

ТЕХНИКА БУДУЩЕЙ ВОЙНЫ

(1928)

Все говорит за то, что мы на грани совершенно новых приемов вооруженной борьбы. Близится столь же резкий перелом в способах войны, какой уже переживался в конце средних веков, когда блестящая рыцарская кавалерия всюду заменена была вооруженной ружьями пехотой. Порох пришел на смену мечу и копыю.

Мировую войну недавнего прошлого решала пехота и артиллерия. Кавалерия несла разведочную службу и только изредка схватывалась с врагом в лихой атаке. Равным образом и немногочисленные еще самолеты несли все ту же разведочную службу. Исход сражений определялся густым артиллерийским обстрелом неприятельских позиций, которые брались затем атакующей их пехотой. И так губителен был огонь винтовок, пулеметов и пушек, таким сплошным дождем лился свинец, что единственной защитой были окопы. Человек стал зарываться в землю, чтобы спастись от усовершенствованных орудий истребления.

Диким кошмаром, кровавым адом становился бой, когда противник начинал окуривать окопы ядовитым газом, одновременно открывая по ним ураганный артиллерийский огонь, и атаковал медлительными, но грозными танками. Вот этот, самый жуткий момент боя и получил за последнее время свое наибольшее развитие. Вся военная техника именно на него обратила все свое внимание. Так в современных орудиях истребления начинает проглядывать облик будущей войны.

Пехота механизмуется; место живых бойцов занимают все больше машины-танки. Большие танки, похожие на самодвижущиеся форты, обслуживаются 6-8 бойцами, маленькие же теперь строятся уже для одного бойца. И если одноместный танк не останавливается ни канавой, ни колючей проволокой, то большой танк, с пятью-шестью башенками для артиллерийской стрельбы, легко преодолевает и куда более серьезные препятствия на своем разрушительном пути.

Те же танки заменяют собой и кавалерию, ибо они могут уже теперь идти со скоростью 30 км в час, т. е. передвигаться в 5-6 раз быстрее, чем в мировую войну.

Танки являются не только механизированной пехотой и кавалерией, но они же становятся и чудовищными по своим размерам плугами, чтобы прорывать в земле огромные окопы в самый кратчайший срок. Да и будут ли вообще удовлетворяться в будущей войне одними окопами? Молниеносно развивающаяся техника отравления ядовитыми газами заставит человека совсем уйти в землю, скрыться в подземных туннелях и под землей же строить целые крепости. Конечно, эти крепости будут связаны между со-

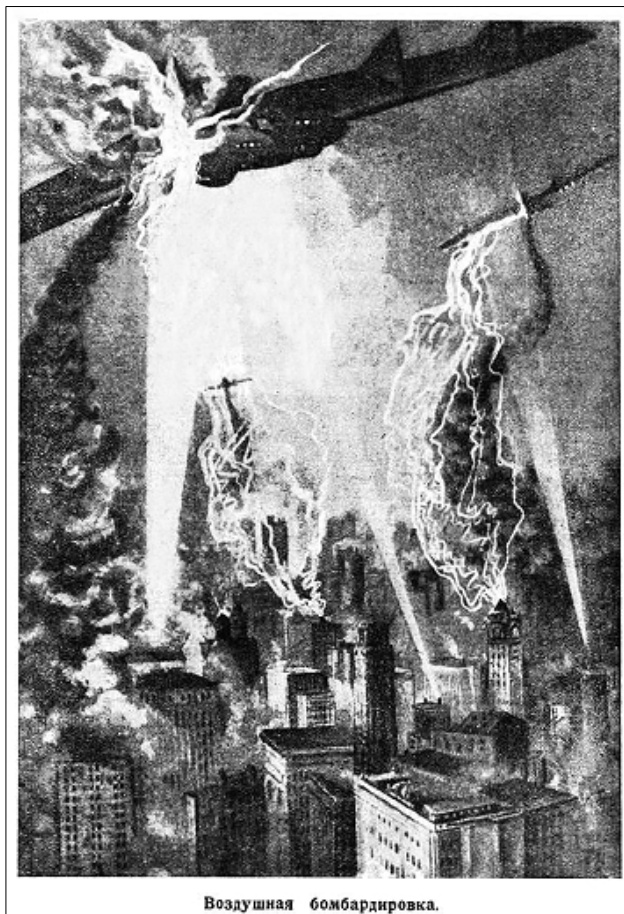
бой целой системой подземных ходов, по которым в любой момент в нужное место будет подаваться весь технический и людской материал. Эти подземные туннели со своими разнообразными ходами будут иметь, конечно, и выходы на поверхность земли (особенно многочисленные у границы), чтобы выбрасывать отсюда в огромном количестве ядовитый газ в наступающего врага. Само собой разумеется, что система таких туннелей явится в каждой стране такой же военной тайной, как пограничные крепости на поверхности земли в настоящее время.

Если страх перед отравой заставит человека уходить под землю, то опасность воздушных атак многих наводит на мысль о необходимости замены пороха. В минувшую войну множество военных складов со взрывчатыми веществами уничтожалось воздушными нападениями, а потому современная военная техника вплотную занялась патронами, которые заряжались бы сжатым воздухом. Такие заряды значительно безопаснее уже потому, что свои взрывчатые свойства они приобретают только перед самым употреблением.

Не подлежит никакому сомнению, что в будущей войне не будет забыт и ток высокого напряжения. Он уже и в прошлую войну применялся для защиты слабых мест; так, например, различные участки своего бельгийского фронта немцы затащили колючей проволокой, по которой пускали ток напряжением в 14.000 вольт. А разве можно отрицать, что дальнейшее изучение электричества позволит, наконец, вызывать искусственную молнию, удары которой будут направляться на вражеские склады с продовольствием и амуницией? Как уберечься тогда от неизбежных пожаров? А ведь уже и теперь в лабораториях создаются искусственно длинные молнии, в несколько миллионов вольт.

Воздушный флот в будущей войне уже не ограничится разведкой, а будет выполнять самостоятельные и очень важные боевые задачи. «Не пройдет и 10 лет, — говорилось на заседании английского научного общества, — как появятся огромные самолеты, крылья у которых будут в 67 кв. м., а весь корпус займет до 2.000 кв. метров. В каждом толстом

крыле будет установлена машина в 6.000 л. с. Когда подобный самолет (моноплан) поднимется в воздух, достаточно будет и 60% общей силы его двух машин, чтобы сообщить ему самую полную скорость. Эти самолеты будут иметь две палубы и помещение для 100 и более человек». Так гово-

рилось в Англии, а тем временем Америка уже строила свой знаменитый «Циклоп». Этот огромный самолет способен поднять на себе до 3.000 кило бомб и взрывчатых веществ, а кроме этой огромной грузоподъемности, он еще

более страшен своей «невидимостью», когда особым аппаратом выбрасывает густые газовые облака, скрывающие как самый самолет, так и выбранное им направление.

Всюду идет лихорадочная постройка воздушных машин. Франция располагает более 6.000 аэропланов последних конструкций и особенно гордится своими ночными бомбовозами, из которых составляются целые эскадрильи, главным образом, для сбрасывания удушливых и зажигательных бомб. Англичане во время своей недавней войны в Ираке успешно воспользовались своим воздушным флотом в качестве транспортного средства; а теперь дело дошло до того, что 400 самолетов могут перевезти решительно все вооружение для целой дивизии пехоты. Самолеты-разведчики развивают ныне скорость до 500 км в час. Но все-го этого мало и поставлена новая техническая задача: освободить самолеты как от громоздких двигателей, связанных с потреблением горючего, так и от самих управляющих ими летчиков. Самолет должен управляться издали, т. е. на расстоянии, с помощью радиоволн. Тогда будет происходить сражение двух воздушных флотов, которые лишены экипажей и послушно выполняют все приказы, которые передаются им на расстоянии нескольких сот километров.

Американец Г. Гернсбек (известный редактор «Radio-News») уверен даже в скором появлении самолетов, которые будут снабжены особыми механическими глазами, чтобы все замечать и обо всем сообщать по радио отправившей его и им управляющей станции. «Если такой военный самолет поднимется и направится к вражеской территории, — продолжает Гернсбек, — инженер на станции управления, находясь на расстоянии хотя бы в 500 км, будет видеть в каждую секунду полета решительно все, что окружает самолет и что к нему приближается; он будет видеть все это с такой отчетливостью, словно он сам находился бы в кабинке. Он будет видеть даже лучше, глядя одновременно по всем шести направлениям, которых не мог бы охватить своим прямым наблюдением. А если самолет будет открыт врагом, то короткий нажим на определенный

рычаг управления разом выбросит густую дымовую завесу. Равным образом и сбрасывание бомб в подходящий момент с самолета производится все той же центральной станцией управления. А если враг настолько захватит управляемый самолет, что бегство станет невозможным, центральная станция может зажечь его и огненной массой низвергнуть на врага».

А что же несут в будущую войну всевозможные газы? Стоны и крики тысяч ослепленных и сожженных. Правда, употребление на войне всевозможных ядовитых газов запрещено Вашингтонской конференцией, но в той же Америке известный Эджвудский арсенал ежедневно выбрасывает не только по 2.000 противогазовых масок, но также и 80 тонн фосгена, 960.000 куб. футов ацетилен (являющегося исходным продуктом для ужасных газов — горчичного и люизита), 48 тонн самого горчичного газа, 70,000 фунтов (1 америк. фунт = 450 гр.) хлоропикрина и 50 тонн хлора. А каково действие хотя бы люизита, ясно видно из следующего подсчета: если 12 начиненных люизитом бомб

сбросить на такой огромный город, как Берлин, то в несколько секунд замрет в этом городе вся жизнь. Этот тяжелый газ забирается в сточные каналы и источники, он отравляет собой водопроводы и почвенные воды. Равным образом и отравленный, например, фосгеном воздух, обрекает на смерть взрослого человека, если он подышит с минуту отравленным воздухом и введет в себя всего 3,6 миллигр. фосгена.

Минувшая война знала только 30 удушливых газов, в настоящее же время их насчитывают более 1.000. Разделяются они теперь на следующие группы: 1) газы, вызывающие удушье, чиханье и слезотечение; 2) ядовитые газы, вызывающие немедленную смерть; 3) удушливые газы, действующие на легкие; 4) вдыхаемые через нос газы, уничтожающие наружные покровы и глаза.

Международное запрещение пользоваться всеми этими газами в военных целях превратилось в жуткое издевательство над человечеством. Вся Европа боевой газ считает глав-

ной частью своего вооружения, Америка же считает применение их делом гуманным и экономически выгодным: ядовитый газ якобы рассчитан на умерщвление всего 2% бойцов, у остальных он должен убить только психику, стоимость же его производства весьма незначительна.

Должна измениться, конечно, и картина морских сражений. Теперь уже не удовлетворяются постройкой военных кораблей из легких металлов, чтобы добиться подвижности и быстроходности. Стремятся надводные суда заменить подводными, за постройку которых принялись как в Европе, так и в Америке. В этом случае осложняются задачи и воздушного флота, который столкнется не только с надводными судами, но и с подводными; они внезапно могут вынырнуть из глубины и залпом своих орудий сбить не один самолет. Борьба с этими подводными крейсерами выпадет, вероятно, на долю юрких подводных лодок и небольших гидропланов, снабженных магнитными и радиоактивными аппаратами. Эти аппараты позволят точно установить местонахождение подводных крейсеров, чтобы сбрасывать на них или обстрелять их в морской глубине особыми бомбами.

Как выглядит этот подводный крейсер, будет разъяснено, наглядно и с исчерпывающей полнотой, в одном из ближайших номеров нашего журнала.

Развитие военной техники идет вперед громадными шагами. Полную картину будущей войны показать сейчас невозможно. Ясно только, что огнем сражений будет охвачена вся территория воюющих стран от пограничной полосы до самого глубокого тыла, и война будет неизмеримо разрушительней и ужасней последней мировой бойни 1914-18 г.г. Почему же не остановиться, наконец, на пути всех этих гибельных и все время растущих вооружений? Почему не прекратить подготовку к самому зверскому истреблению человека? Каждому хорошо известны социальные причины этой бешеной погони за вооружением. Капитализм, оставаясь самим собой, не может заняться собственным разоружением. Разоружить мир может одна только мировая революция.

Василий Левашов

ТАНК СМЕРТИ

Рис. Г. Фитингофа

(1928)

Во всем мире только я один знаю тайну полковника С.

Публикации в газете говорят о том, что на Урале, в Н. районе, недалеко от деревни «Бугры», в глухом, мало проходимом месте, найдены остатки странного автомобиля, похожего на военный танк, но имеющего приспособления, нарушающие это сходство. Это и есть танк полковника С. — «Танк смерти», стяжавший себе, в свое время, ужасную известность и таинственно пропавший.

Там, где лежат остатки этого удивительного автомобиля, несомненно нашли и кости его изобретателя, потому что танк погиб вместе с его творцом и я был виновником их гибели.

Случай иногда ставит двух человек лицом к лицу, предоставляет им право суда друг над другом, и это правосудие не знает другого приговора, как смерть. Так было и тогда: полковник С. погиб, а я остался жив. Останься он жив, его проклятая машина продолжала бы делать свое дьявольское дело.

Я знаю, что мне осталось недолго жить. Те страдания, которые выпали на мою долю, привели меня к концу. Я скоро умру и поэтому буду совершенно объективен. Для меня безразличен суд людей и не для этого я нарушил молчание.

Постараюсь быть краток.

Совершенно не важны географические и хронологические объяснения, описания и ссылки; поэтому я не буду их касаться.

Я познакомился с полковником С. в не обычной обстановке. Отряд, в котором я находился, был разбит и мы, восемь человек, взяты в плен. Расправа была короткая: за старым сараем нас поставили к стенке и взвод спокойных, хмурых людей приготовился стрелять.

В последний момент из-за сарая прозвучал резкий голос:

— Не стрелять!

Вот тогда я, первый раз, увидел полковника С. К нам приближался быстрыми шагами человек средних лет, полный и высокий. Манера держаться неуловимо обнаружила в нем недавнего штатского, но жест был по-военному отчетлив и резок.

— Есть среди вас шофер? — обратился он к нам.

Никто не ответил. Полковник нахмурил брови:

— Нет, значит? — повторил он вопрос.

Я — техник-автомобилист, прекрасно знаю автомобиль, но все это вылетело у меня из головы в эту минуту. Вероятно, потому, что я считал себя уже умершим, безразличным к обыденным явлениям, к обыкновенным вопросам и словам.

И только тогда, когда полковник сделал нетерпеливое движение, я сказал:

— Я знаю машину.

— Как знаешь? Шофером был или кем?...

— Я — техник... Знаю машину... ездили много... и если ремонт...

— Отойди в сторону! — скомандовал он.

Я отошел.

— Иди вперед!

Я повиновался и пошел, как в полусне. Мы завернули за сарай и в это время грянул залп. Я остановился, задыхаясь. Тяжелая рука легла мне на плечо:

— Вперед и не останавливаться!

Я пропущу совершенно неинтересные подробности о том, как прошел месяц и я, из простых шоферов, превратился в сотрудника полковника С. Мой опыт принес ему пользу, меня же полковник, в свою очередь, увлек необык-

новенной широтой своих идей, своими обширнейшими познаниями. К тому же мы занимались мирной работой и я, пленник, не мог упрекнуть себя в измене делу, за которое боролся. Работал со спокойной совестью, надеясь, что плен не будет продолжительным.

Полковник не был ни политическим авантюристом, ни слепым ненавистником враждебного ему класса, но для него не было выбора. Он был слишком заметен и не мог бросить дело, за которое взялся. Он дорогой ценой заплатил за возможность осуществить свое изобретение, и для него не было отступления. Трагически одинокий, он был рад свежему человеку, который не только понял его, но и существенно облегчил его задачу.

Авторитет его был велик, и я сам присутствовал при его разговоре с лицом, которое, по отношению к нему, стояло, как прежде царь по отношению к министру. И тот, старший, терялся перед ним и, любезно соглашаясь со всеми доводами полковника, расспрашивал — скоро ли окончится постройка танка, который произведет революцию в деле военного автомобилизма.

Но при всем его доверии ко мне, он не забывал, что я — человек другого лагеря и использую малейшую возможность освободиться из плена. Он как-то просто сказал мне:

— Я прошу вас запомнить, что я могу убить вас без всякого суда, без малейшей необходимости отвечать перед кем-либо за это убийство, и сделаю это, если вы не будете пассивно послушны. От вас зависит уехать за границу, когда наступит время. Уехать хорошо обеспеченным. Выбирайте и помните, что в обоих случаях я сдержу слово.

И я твердо помнил.

В первый раз, когда я увидел мастерскую, где происходили работы, я поразился той энергии, с которой этот человек, в невозможных условиях, при рухлом фронте и таком же правительстве, организовал мастерскую с новенькими станками, прекрасными инструментами, горой материала.

Мастерская делилась на две части. В одной работало под руководством старика-техника трое рабочих. Вторую комна-

ту полковник открыл сам и жестом приказал мне войти. Посреди обширной комнаты стоял обыкновенный гусеничный танк, в полусобранном состоянии. Первой особенностью была несоразмерная длина и, если можно так выразиться, «суставность».

Я стоял, ожидая приказаний.

— Осмотрите его как следует.

В этой машине все было обычно, но мощные стойки впереди и рельсовый путь, идущий по шасси и состоящий из разборных гибких рельс указывали на то, что какие-то усовершенствования, какие-то новые принципы введены в эту машину.

— Ваше место будет здесь! Вы будете вести машину. Я полагаю, что недели через две мы произведем испытание. За это время вы должны ознакомиться с машиной, потому что, кроме вас и меня, на ней никого не будет. Я вас пока запру. Там на столе приготовлен ужин. Познакомьтесь с танком и постарайтесь усвоить его особенности.

Я остался один.

В комнате горели две большие лампы. Было светло и спокойно. Но оттого ли, что я находился во враждебном лагере, оттого ли, что сюда доносились свистки паровозов, крики автомобилей, голоса людей, особенные, напряженные, «военные», оттого ли, что стоял перед неразрешенной загадкой, но я был крайне взволнован.

Влез на машину и стал ее рассматривать. Прежде всего меня удивило то, что три мотора, находящиеся на машине, не были укреплены стационарно, а получали особое движение по шасси. Зачем это было нужно? Дальше: установки для орудия (их было четыре) также были подвижны и скользили по особым направляющим. Это было еще понятно: вероятно, этим достигался обстрел с одной стороны, группировка всех орудий по одному направлению. Я подлез под автомобиль и, положительно, стал в тупик: колеса и оси были сконструированы так, что их можно было поднимать на автомобиль, то есть машину можно было приводить в «бесколесное» состояние.

На миг мне показалось, что я разгадал секрет этого необыкновенного танка; очевидно, колеса снимаются и танк получает плавучесть: старая мысль, кажется, давно осуществленная за границей: автомобиль для земли и воды. Но ничто не указывало на присутствие каких-либо приспособлений для плавания, а они должны были быть значительны, принимая во внимание вес танка. Я вылез из-под танка и беспомощно уставился на него.

В эту минуту щелкнул замок и вошел полковник:

— Ну? — спросил он меня.

Я развел руками.

— Ничего не понимаю! Очевидно только одно, что танк должен легко разбираться и собираться. Но цель, цель? Легкость транспортирования? Не может быть. Потом рельсовый путь, три мотора. Что это?... Зачем?... Здесь что-то сложное, чего я не могу понять.

Я продолжал говорить, приводя различные соображения, а полковник стоял около меня, не спуская глаз и, кажется, наслаждался моей беспомощностью.

— Вы совершенно правильно установили (да этого нельзя и не заметить), что танк должен легко разбираться и собираться. Но мало этого: все части его — каждая в отдельности — должны получить движение.

— Куда же им нужно двигаться?.. Зачем... — почти закричал я.

— Вверх, вниз, прямо! — сказал полковник.

Я остолбенел. «Сумасшедший», мелькнуло на секунду у меня. Но нет! Он стоит уверенный, спокойный, как человек, достигший своей цели.

Мой взгляд был слишком красноречив и я смутился:

— Танк-аэроплан?.. — пробормотал я.

Полковник улыбнулся:

— Нет, и не это! Завтра я объясню вам некоторые детали и все особенности. Эти две недели вы будете работать здесь, а на сегодня довольно.

Я до сих пор не знаю, был ли я его собеседником в тот вечер, когда закончилась наша работа. На некоторое время он как бы снял маску. А может быть, только переменил ее. В той же мастерской он стоял перед столом и горячо говорил о своем совершенно простом, но, по моему, удивительном изобретении:

— Сначала вы предположили, что это — конструкция земноводного танка. Отсутствие необходимых приспособлений подтвердило вашу ошибку. Затем остается комбинация танка с аэропланом. Это слишком рано. Эта мысль (вполне реальная) не может быть еще осуществлена в силу коренного различия основных принципов строения и назначения аэроплана и танка.

Когда я думаю о танке, передо мною не громадный, малоподвижный сухопутный броненосец, разрешивший трагедию Западного фронта в последнюю войну, а легкий, подвижный автомобиль, не знающий никаких преград на земле. Никаких преград на земле! — повторил полковник. — Не исключаются громадные водные пространства, пески, болота, горы. Все это должен преодолеть автомобиль. Я предвижу три, много, четыре основных типа и первый — это тот, который я построил здесь. Я был вынужден применить его для военных целей. Иначе моя идея осталась бы неосуществленной.

— Какой же ценой куплено это осуществление? — не мог не спросить я.

Полковник пожал плечами:

— Ценой жизни нескольких сотен людей, в большинстве незначительных.

— Но ведь это...

— Довольно! Я не могу позволить вам касаться этой области. Вы не скажете мне больше того, что я знаю сам.

Я замолчал.

Продолжал уже ровным, спокойным голосом:

— Слушайте дальше. История развития военного автомобилизма...

Незаметно для себя я увлекся беседой с ним и мы проговорили до глубокой ночи. И все-таки я до сих пор не уве-

рен в том, был ли я его собеседником в тот вечер, или он просто говорил при мне, желая высказать все то, что накопилось в нем за его некороткую и не совсем обыкновенную жизнь.

Наступил день испытания. Мы выехали по плохой весенней дороге. Танк был замечательно легок на ходу и повиновался управлению безупречно.

Полковник сидел рядом со мною. Он был совершенно спокоен и странно задумчив, в то время как я волновался и не мог скрыть этого.

Дорога круто повернула вправо и пошла небольшой ложбинкой. По одной стороне возвышались невысокие скалы, по другой шел лес — обычная картина этого края.

Впереди темной лентой упала быстрая неширокая речонка. Мы подъехали к берегу и я остановил машину.

— Сходите и наблюдайте.

Я сошел. Полковник пустил в ход один из моторов и то, что представляло из себя рельсовый путь, стало медленно подниматься вверх, буквально как выдвижная пожарная лестница, только сильная и гибкая. Теперь танк походил на гусеницу, которая, встретив препятствие, поднимает переднюю часть туловища, нащупывая дорогу. Мотор не оставался и «шея» гусеницы стала медленно склоняться над речонкой, опускаясь концом на берег, пока не легла легким сильным мостом.

— Идем на ту сторону! Проверяйте по часам каждую операцию и включите скрепы.

Он вернулся к машине и сел за мотор, находившийся на хвосте танка.

То, что произошло вслед за этим, было до смешного просто и... необыкновенно: танк стал частями переправляться на мою сторону. Сначала, слегка покачиваясь, поползли передние колеса, неся на себе ту часть, на которой обыкновенно устанавливается мотор, затем легко сползли

на рельсы и двинулись ко мне, подчиняясь управлению с танка, орудийные установки; так же легко вползли и стали на свои места самые орудия и так дальше, пока на том берегу не осталась небольшая площадка с мотором, за которым сидел полковник. Мотор гудел и площадка двигалась по мосту. Дошла, примкнулась к остальным частям и танк стоял собранным, готовый к дальнейшему путешествию. Полковник проверил скрепления, двинул танк и рельсовый путь остался позади. Выскочили какие-то крючья, захватили рельсовый путь и он начал сзади втягиваться в танк.

Переправа была окончена. Я не мог не зааплодировать.

— Сколько? — коротко спросил полковник.

— Двадцать восемь минут.

— Черт! Это много, это очень много! Возвращаемся обратно.

Мы вернулись другой дорогой и все время полковник был задумчив. Видимо, он высчитывал, комбинировал, а впрочем, кто знает, что крылось за этими серыми, холодными глазами.

В нашей мастерской, которая за последнее время стала нашей квартирой, я за ужином решил спросить полковника:

— Какое предельное время вы считаете возможным для переправы?

— Десять минут! И это будет сделано. На любую операцию: переправу, подъем, спуск — десять минут. Не больше!

— Вы дадите ему какое-нибудь название?

— Здесь его, вероятно, станут называть «танк смерти».

Он говорил холодно и отрывисто. Холодок пробежал по моей спине и я вспомнил залп, который уничтожил моих товарищей, а меня сделал соучастником полковника, его помощником.

Я подходил к грани и должен был начать действовать.

Это произошло через два дня.

Я проснулся ночью от тихого разговора в нашей комнате. Я прислушался и, вероятно, пошевелился, потому что сразу услышал окрик полковника.

— Вставайте!

Интуитивно почувствовав, что я не должен вставать, я не пошевелился, а только сонно вздохнул.

Голос «правителя» заканчивал фразу:

— ... И вы должны это сделать. Обстоятельства заставляют нас торопиться. Я тре... я прошу вас... конца фразы я не расслышал.

Наступила пауза. Потом прозвучал спокойный голос полковника:

— Хорошо, дайте мне карту!

— Василий Васильич, карту!

Кто-то звякнул шпорами. Молчание и потом третий голос начал объяснять:

— Вот до этой деревни, потом влево, до разрушенного здания, здесь верста, отсюда...

Соблюдая все предосторожности, я повернул голову. За столом сидел правитель, а по обе стороны склонились две фигуры: полковника и того, третьего. Как я пожалел, что у меня не было в эту минуту револьвера: головы находились на одном уровне и, при удаче, это был бы эффектный выстрел. Нечаянно я сделал неосторожное движение. Койка заскрипела. Я постарался отвернуть голову и зачмокал губами, как спящий. Быстрые шаги направились ко мне и сухая тяжелая рука потрясла меня за плечо:

— Вставайте!

Я вскочил.

— Спокойно. Стойте здесь.

Я вытянулся у койки. Две головы повернулись в мою сторону, но я был скрыт темнотой и стоял неподвижно. Полковник вернулся к столу.

— Через час я буду готов. Результаты, — он щелкнул крышкой часов, высчитывая время, — около восьми утра.

Он приложил руку к козырьку и пошел провожать уходящих.

Я стоял и ждал. Он вернулся и крикнул от стола:

— Идите сюда. Через час мы выходим. Осмотрите машину и приготовьтесь.

— Опять испытание?

— Мы идем через час и... никаких вопросов!

В этой машине, как в живом организме, было все гармонично и целесообразно. Можно было ее не проверять: она работала как сердце здорового человека.

Темная ночь. Я веду танк. Полковник сидит рядом со мною в странной задумчивости.

Прибыли в деревню. Здесь, вероятно, нас ждали. Кто-то звякал шпорами, кто-то докладывал полковнику, вышедшему из автомобиля, какие-то тени осматривали, ощупывали машину. Я не знал, куда мы идем, но понимал, что сегодня будет уже не испытание, а «работа». Я не видел для себя выхода и должен был выпить чашу до конца.

Двинулись дальше. Дорога привела нас к маленькому плато. Кругом высились горы. Полковник поднял руку и я остановил машину.

— Выходите! — скомандовал он солдатам и они, сопя и стараясь не греметь винтовками, сползли на землю.

— Эх, ночка-то какая! — вырвалось у одного.

— Тише ты с ночкой. Даст он тебе ночку...

— Поставьте машину лицом к скале! — сказал полковник.

Фонари бросали ослепительный свет на бурый массив камня.

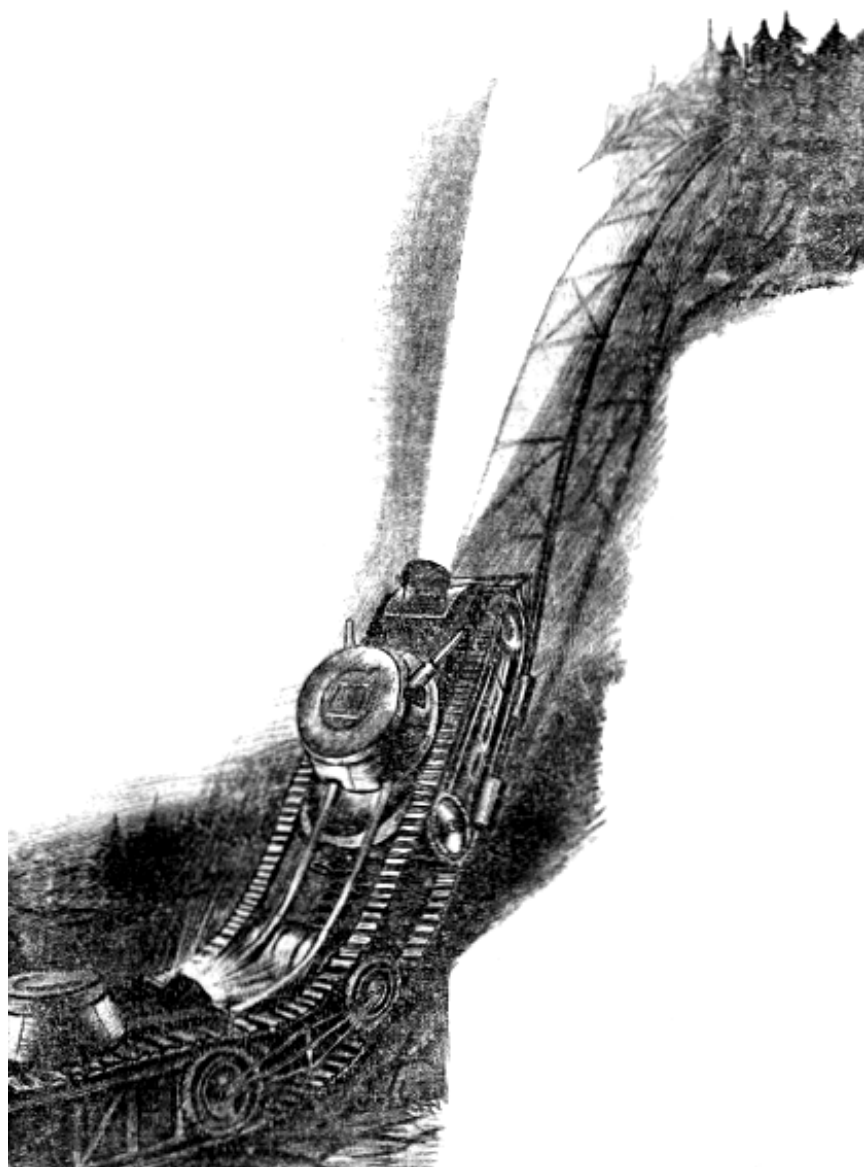
Полковник сел к мотору и опять гибкая сильная лестница поползла вверх.

— Свет, свет!..

Я направлял свет за ползущей лестницей и остановился, когда увидел темную зелень елок, венчающих площадку скалы.

Ломая гибкие елки, лег на площадку край лестницы и она остановилась,

— Сядьте сюда и возьмите одного из них! — приказал полковник. Я занял место над переднею осью танка. Рядом со мной, бледный и растерянный, сел молодой солдат. Он

укрепил между ног винтовку и вцепился обеими руками в борта.

— Держитесь. Я веду!

Под нами вздрогнула площадка и подчиняясь силе, направленной снизу вверх, мы поползли туда, где из-под конца лестницы белели сломанные елки. Вверх и вверх, пока мы не достигли площадки.

— Приехали! — прошелестел солдат, поспешно слезая на землю.

Я склонился вниз.

— Закрепите первый мотор, я направляю! — послышался глухой голос полковника.

Словом, произошло все то, что было тогда, на речке, с той разницей, что теперь весь танк вполз на скалу. Все это было настолько удивительно просто, что даже солдаты — эти простые люди — повеселели. Вот только что стояла эта странная машина внизу, а вот уже здесь. И нет ничего таинственного, ничего страшного.

— Здорово! Теперь куды хошь ползи...

— Никаких тебе...

— Тихо! — сказал полковник и голоса замолкли. — Майчук, вперед!

С потушенными огнями мы двинулись дальше, а за нами и впереди росла темнота и весь мир, казалось, прислушивался к нашим движениям, нашим шагам. Мы преодолели еще два больших подъема. Полковник посмотрел на карту.

— Правее! Стоп! — Майчук, пойдешь со мной. Вы останетесь здесь! — обратился он ко мне и, подойдя ближе, сказал вполголоса:

— Я не буду подвергать вас испытанию. Вы останетесь только зрителем. Но никаких безумств! Поняли? Мною отданы приказания на этот случай.

Я молчал и ждал.

Полковник скрылся во тьме и скоро вернулся:

— Вперед!

Мы не прошли и двухсот шагов, когда Майчук сполз с передка и приложил руку к козырьку:

— Так точно, здесь.

Я остановил машину. За деревьями мутнело небо. Мы подошли к самому обрыву. Внизу мирно спали какие-то постройки. Пять огней, только пять огней я насчитал в этом маленьком местечке, но я сразу узнал его: станция Н., до сих пор неприступная позиция, удерживающая напор неприятеля, путающая его карты. Мишка Зверев — почти легендарный герой, засевший здесь, со своим отрядом, под надежной защитой высоких скал. Теперь эта защита рухнула. Танк полковника С. свел ее на нет.

Огненные мысли рождались и гасли в моей голове. Передо мною разворачивалась трагедия, а я мог быть только зрителем, только зрителем!

Огненный дьявол кинул во тьму блистающие огни. Они развернулись пышными цветами и осветили станцию. Вон сломанная будка, около нее лафет и человек с винтовкой, застывший в недоумении. Люди, еще люди. Крики и одинокие выстрелы.

— Огонь!

Одно, второе, третье, четвертое — заговорили орудия своим беспощадным, убедительным языком. Они громили, разносили в прах старенькое здание и маленькие сараи. Полковник сам управлял орудиями. Я сидел, не зная — живу ли я или весь этот ужас порождение ночного кошмарного сна.

Сколько времени продолжалась эта гекатомба?

Меня привел в сознание окрик полковника:

— Финита! По местам!

Я механически взялся за руль и на мои глаза упали капли пота, сбегаящие с моего лба. Солдаты, веселые, задорные, толпились у машины.

Мы тронулись обратно. Я поставил танк на месте и, отказавшись от завтрака, упал на койку. Сна не было. Его сменили странные видения, полубред.

Наступили сумасшедшие дни. Лишенный возможности какого-либо активного протеста, я сопровождал полковника в его экспедициях и скоро наш танк стали называть «танком смерти».

Сколько раз я искал случая уничтожить эту проклятую машину, погибнуть вместе с ней; сколько раз я подстерегал полковника. Напрасно! Он был осторожен и внимателен. Но развязка приближалась и я ждал ее. Полковник как будто потерял чувство меры. Я видел, как у него превращается в спорт это уничтожение противника, как он пускается в опаснейшие авантюры, без всякой надобности. Что могло произойти с этим уравновешенным человеком? Хотел ли он получить полное признание его изобретения или он топил в угаре войны поднявшийся в нем протест культурного человека?

Однажды я сказал ему:

— Отпустите меня. Я имею право на это. Сдержите свое слово.

— Еще немного. Вы мне еще нужны. А слово свое я сдержу!

Вероятно, мое расстроенное воображение подсказало мне, что в последних словах была какая-то зловещая нотка. А может быть...

Медлить было нельзя.

Мы разбили небольшой отряд и, чтобы до конца насладиться этой дешевой победой, полковник направил танк через горный перевал, наперерез отступающему отряду. На этот раз мы были одни. Майчук, легко раненый, вернулся в часть.

Дорога была совершенно незнакома, да собственно, дороги-то и не было, а мы прокладывали ее среди низкорослого кустарника. По крутому подъему и по некоторым особенностям я определил, что подъем скоро кончится обрывом.

Внезапно я остановил машину. Полковник обернулся ко мне и сразу почувствовал опасность. Он выхватил револьвер, но я вышиб его и мы схватились грудь с грудью.

Молча, на пространстве одной сажени, ударяясь о разные рукоятки, колеса и углы, мы продолжали борьбу. Он был достаточно силен. Смертельная опасность придавала ему силы и я с ужасом почувствовал, что слабею. Мы катались по полу, рыча, как звери, и в эту минуту спасительная мысль прорезала мой мозг: если погибать, так вместе. Сохраняя остаток сил, я улучил момент и дернул рычаг. Машина дрогнула и медленно поползла вперед, туда, к обрыву. Я торжествовал: мы погибнем вместе с этой проклятой машиной и я буду отомщен.

Полковник был от бешенства. Я вторил ему. Страшная картина. Как часто ночью я вскакиваю в ужасе и предо мной опять этот танк, злобное лицо полковника и наша последняя борьба.

Машина двигалась неуправляемая и вдруг сильно накренилась. Толчок отбросил полковника в угол. Я прижал его там и цепко схватил за горло. Он бил меня по голове, но я сжал ему горло из последних сил и задушил, как зверя.

Теряя сознание, я перевалился через борт и упал среди тишины, вдруг объявшей меня.

Я очнулся, когда синие сумерки обволакивали горы, а воздух был холоден и крепок, как вино.

Вечерняя тишина и ни звука кругом.

Шатаясь, я добрел до обрыва и свесился вниз.

Там, у подошвы, темнела громада танка. Я, не отрываясь, смотрел на него.

И вдруг мне показалось, что он шевелится, поднимается и сейчас поползет сюда, управляемый, как «Летучий Голландец», своим мертвым капитаном. Ужас был так велик, что я закричал.

Эхо коротко вернуло мне мой крик и снова наступила тишина.

Я встал и побрел прочь, в полусознании, без цели, без желаний, безразличный.

Только бы скорей отсюда, от этого проклятого места.

Я знаю, что скоро умру. Никакое чудо меня не спасет.

У меня на руках все чертежи, которые я составил по памяти, все описания, по которым можно построить танк полковника С.

Пусть они принесут пользу моей стране, которая в огненных страданиях рождает миру новый мир.

Линард Лайцен

**ГИБЕЛЬ БРИТАНСКОГО
СРЕДИЗЕМНОМОРСКОГО
ФЛОТА**

(1928)

В течение шести месяцев все приключения в 315-й камере были рассказаны и вечером после переключки наступала томительная скука. Не помогала тайная игра в карты, происходившая по темным углам вопреки воле большинства; не помогали дискуссии и обсуждения самых разнообразных животрепещущих вопросов. Нужна была перемена, — это было единственное средство. Приходилось искать выхода. Необходимость заставляла, и в конце концов временный выход был найден.

Приведенный в камеру последним инвалид войны Земран, потерявший почти половину трудоспособности, провел наиболее богатую приключениями пору своей жизни бок о бок со старым коммунаром Лепином, который уже рассказал свою историю. Таким образом, Земрану оставалось либо повторить уже рассказанное, либо ограничиться передачей личных психологических моментов. Так как он не хотел делать ни того, ни другого, то ему пришлось первому сделать почин в новом начинании: рассказать выдуманную историю. Благодаря тому, что в молодости он был моряком, подобная задача не представляла для него особых затруднений. Создание канвы рассказа стоило ему только одного дня беспрестанного расхаживания взад и вперед по камере.

— Мой рассказ будет утопическим, невероятным, но в то же время правдоподобным, — заявил Земран.

— Несовместимые вещи! — раздались голоса, но Земран, не обращая на них внимания, продолжал:

— А назову я его: «Британская морская база или гибельный путь». Немедленно после заглавия следует рассказ.

Это было в один из тех годов после войны, когда мне в качестве офицера армии спасения пришлось предпринять сравнительно продолжительное путешествие по европейскому континенту и островам, за исключением Британских. Нагрузив себя множеством саквояжей и чемоданов, наполненных главным образом воззваниями нашей организации и другой литературой, я в ветреный январский день покинул на товаро-пассажирском пароходе «Капитан Кук» устье Темзы.

Несмотря на то, что мундир офицера армии спасения в фуражке с красным околышем открывал передо мной двери всех судовых помещений, мою работу на корабле нельзя было назвать успешной. Пассажиры откупались от меня несколькими жалкими грошами и для вида брали мою литературу, чтобы потом выбросить ее за борт. Матросы же отказывались принимать даже малейший обрывок бумаги, да еще преследовали меня колкими замечаниями. Особенно отличался молодой матрос военного флота, следовавший из отпуска к месту службы на острове Мальте и извергавший целые потоки кощунственных речей против господ нашего Иисуса и святого спасения.

При виде этого я пришел к заключению, что никто так не нуждается в проповеди спасения, как моряки, в особенности матросы военного флота и главным образом на острове Мальте. Поэтому еще в самом начале путешествия я решил изменить намеченный маршрут и отправиться прямым путем на Мальту — базу британского средиземноморского флота. Несколько тысяч сосредоточенных там моряков представляли собою в высшей степени благодарный материал для моей деятельности. Если б мне удалось обратить из них хоть одну сотню, я мог бы рассчитывать на повышение, увеличение жалованья и приобретение более высокого положения, так как семья моя была обеспечена далеко не блестяще, а мой собственный образ жизни ни в коем случае не мог считаться достойным богатого заслугами и солидного человека.

В Генуе пришлось покинуть пароход и отправиться в распоряжение итальянского отдела нашей армии, чтобы поработать некоторое время среди итальянцев, но после длительного объяснения, подкрепленного целым рядом веских доводов, мне удалось получить командировку непосредственно на Мальту.

После долгого и утомительного странствования по итальянским городам я в один прекрасный вечер сел в Сиракузах на итальянский пароход, — английских судов в гавани не было, — и отправился в путь. Пароход, поддерживавший сообщение между Неаполем, Сиракузами и Три-

поли, был небольшой и ветхий. Чтобы заранее освоиться с предстоящими тяготами и обстановкой будущей работы, я ехал не в каюте второго класса, а во внутрипалубном помещении, где собрались искатели удачи, рассчитывавшие разбогатеть в Африке, фашистские милиционеры, отправлявшиеся туда на службу, и новобранцы-матросы, отбывавшие воинскую повинность в колониях. Эти люди шумели и галдели целые ночи напролет, распевая или наигрывая на гармониках первые аккорды фашистского гимна, приставая друг к другу, вступая один с другим в единоборство и вопя во всю мочь своих легких.

Под утро, когда судно сильно раскачивало, меня разбудил ударом кулака в бок долговязый чернорубашечник, заявляя, что я украл у него шапку. Узнав во мне англичанина, представителя зажиточной нации туристов, он старался излить на меня весь свой гнев. Однако, когда утром пароход подходил к Мальте и вдали обрисовались освещенные солнцем скалистые черные гребни острова, я пришел к заключению, что поступил правильно, добровольно подвергнув себя подобному испытанию, так как член армии спасения должен уметь переносить любое унижение и со смирением в сердце выслушивать самые грубые оскорбления. Успокоив себя этой мыслью, я стоял на палубе под лучами южного солнца, не раскаиваясь в своем решении поселиться среди этих людей, валявшихся теперь на истоптанных мешках железных нар.

Многим кое-что известно о Мальте и рыцарях Мальтийского ордена, но крест его знаком всем, кто видел крест рыцарей Ливонского ордена.

Остров представляет собою оголенную желтовато-серую массу, — таково первое впечатление при приближении к нему. По обеим сторонам узкого канала, соединяющего гавань с открытым морем, у входа в бухту высятся на высеченных в скалах позициях чудесные крепостные орудия нашей могущественной родины Великобритании с их стройными подвижными стволами. При виде их мой мозг осенила возвышенная мысль: если бы я мог уподобиться одному из этих сорока или шестидесятисантиметровых ору-

дий, если бы я был в состоянии громить ураганным огнем божьего слова каждое судно, приближающееся к крепости господа бога.

В то время как я рассматривал батареи и жерла орудий, пароход, миновав канал, в котором едва могли разойтись два крупных судна, вошел в обширную, защищенную со всех сторон скалами гавань, где его встретил катер портовой полиции.

Подняв глаза, я одним взглядом охватил поле своей будущей деятельности: оно было громадно. Ряды крейсеров, ряды миноносцев, ряды подводных лодок, разукрашенных флагами, с дымящимися трубами, иссиня-серые, стояли на якоре. На них кишели люди: здесь происходило строевое обучение на палубе, там занимались сигнализацией, еще дальше шли гребные состязания со вздымающимися в такт рядами весел. Лишь через некоторое время я заметил, что некоторые крейсера приветствовали наш пароход поднятием и спуском флага.

Не обращая внимания на облепившие итальянский пароход лодки мальтийских торговцев табаком, открытками и напитками, я распорядился перегрузить мои чемоданы с литературой на одно из суденышек, поддерживавших сообщение с городом, и сам съехал на берег.

Валетта, столица Мальты, со своим восьмидесятитысячным населением существовала, по-видимому, лишь благодаря тому, что существовали корабли, транспорт и моряки. Гавань Мальты не минует ни одно судно, направляющееся из Адриатического моря в Африку, как не минуют корабли, держащие путь от Гибралтара на Восток — в Босфор, Афины, Александрию. В Мальту вынуждены заходить также суда, плывущие в Бомбей и Шанхай.

Взобравшись наверх по извилистой, как бы многоэтажной дороге, я поселился в одной из центральных гостиниц, откуда был намерен начать свою работу.

В чем она заключается — вам известно, но начало ее не так уж просто, как может показаться с первого взгляда. В первую очередь я обратился к морскому начальству с просьбой узаконить мои посещения военных кораблей, чтобы

войти в непосредственное соприкосновение с матросами и раздать им наши брошюры и листовки. К величайшему моему удивлению, морской офицер, к которому я обратился, не только отказал в моей просьбе, но дал еще понять, что не советует пытаться вести работу среди моряков. Он заявил, что эти люди слишком глубоко погрязли в разгуле и разврате, вследствие чего нуждаются не в духовном врачевании, а в помощи научной медицины.

Подобная история случалась со мною впервые. Правительственные учреждения всюду охотно шли навстречу армии спасения, так как государства считали нашу деятельность в высшей степени полезной, находя, что она способствует удержанию простонародья и толпы в границах порядка и в повиновении существующему государственному строю, являясь противоядием против агитации и влияния социалистов и трэд-юнионов. Поэтому необъяснимое поведение морского офицера не только огорчило меня: я почувствовал себя оскорбленным, и во мне поднялось известное упрямство. Результатом этого упрямства явилось то, что я обратился к своему непосредственному начальству и в Лондоне с ходатайством выхлопотать для меня в адмиралтействе необходимое разрешение, независимо от личных взглядов и настроений местного морского командования.

В ожидании ответа в моем распоряжении оказалось достаточно времени для ознакомления с городом и окрестностями, а также для наблюдения над уличной и портовой жизнью. Город Валетта разбросан на нескольких скалистых хребтах. Вследствие недостаточной влажности почвы деревья в городе встречаются редко, и пальмовая аллея составляет единственное зеленое насаждение.

Это было место прогулок граждан по вечерам и праздничным дням. По аллее прохаживались мальтийские дамы, одетые во все черное, с широкой полосой черной материи на голове и веером в руке, речью и внешностью напоминавшие итальянок. Однако, благодаря своим костюмам, они скорее могли сойти за монахинь какого-нибудь средневекового ордена, чем за современных дам. Даже нищенки у дороги не расставались с типичным убором мальтий-

ской женщины — выцветшей и изношенной полосой материи на затылке. Если буржуазные женщины скрывались и прятались под черной материей, то в портовых кварталах женская нагота — во всем своем искустельном бесстыдстве.

Так как портовый район представлял собою поле моей будущей деятельности, я начал ближе приглядываться и подробнее изучать его. Прежде чем перейти к дальнейшему, я должен рассказать следующий характерный случай. Ознакомившись в течение трех дней после прибытия с главными центральными улицами, я решил спуститься к гавани и на перекрестке обратился к краснолицему полисмену с вопросом, каким образом пройти туда кратчайшим путем. Приложив руку к козырьку, полисмен ответил:

— Кратчайшим путем, сэр, вы пройдете по улицам, идущим влево от вас, но я советовал бы вам избрать окольный путь, сэр. Поэтому поверните, пожалуйста, вправо.

Я послушался указания полисмена и, не требуя дальнейших разъяснений, двинулся в указанном им направлении, но, пройдя некоторое расстояние, задал себе вопрос: почему кратчайший путь — лучший. И почему именно полисмен советовал избегать его. Нужно было удостовериться.

Обойдя полисмена, я углубился в один из переулков и вышел на улицу, которой должен был избегать. Однако, не прошло и десяти минут, как я очутился в районе, где ничего не было, кроме кабаков и таверн в каждом доме, в каждом из бесчисленных переулков.

Был воскресный вечер и улицы кишели народом, так что я с трудом протискивался сквозь толпу. Всюду были матросы, матросы и женщины. Женщины посреди улицы, женщины на тротуарах, женщины в дверях таверн, женщины в окнах, за столиками, за буфетами. Двери таверн были устроены таким образом, что верхняя часть их на высоте человеческого роста оставалась открытой, что давало прохожим возможность заглянуть внутрь и убедиться, имеются ли еще свободные места и как обстоит дело с женщинами.

Матросы плясали под завывающие звуки гармоник, потрясая широчайшим штанами, — плясали в одиночку, плясали парами, плясали с женщинами. Матросы распевали посреди улицы, распевали хором, распевали с женщинами, распевали в одиночку. Матросы переругивались между собой, переругивались с женщинами, переругивались с прохожими. Матросы сидели в тавернах за столиками, курили, напивались — в одиночку, вдвоем, компаниями по десять человек, с женщинами. Матросы расходились по коридорам, комнатам, кроватям — с опиевыми сигаретами, виски, с женщинами.

О, женщины, о, матросы, о, развлечения моржа! Каких только женщин там не было: с обнаженными руками, ногами, грудью, напудренные и раскрашенные в белый, красный, розовый, синеватый, зеленоватый цвета. Какие невероятные положения принимали их усталые ноги, как они кокетничали своими обведенными черными глазами. Пылающие сигареты в алых губах, пылающие сигареты в матросских губах, дымящие беспрестанно...

Освещенные и кипящие народом вечерние улицы казались окутанными розоватыми испарениями виски, огня, измызанной любви и дымом сигарет. Таково было мое первое впечатление от портового района, этого матросского рынка любви.

Прошло не меньше двух часов, прежде чем я выбрался из этого квартала и достиг набережной. Теперь я понял, что полисмен, действительно, указал мне кратчайший путь. Однако, я отнюдь не раскаивался, что не последовал совету полисмена: я увидел вблизи поле моей деятельности. Нужны были целые легионы закаленных бойцов армии спасения, способные вести наступление день и ночь в течение многих месяцев и лет.

— Господи, боже, небесный отец наш! — воскликнул я мысленно. — Да грянет глас твоей боевой трубы из моих чемоданов с литературой, да засвистят снаряды моих брошюр из рук моих помощников и да загрохочут пушки моего слова, уничтожая человеческую мерзость!

С тех пор я ежевечерно посещал эту базу моряков, и в конце концов мне стало казаться, что в процессе разведки и подготовки наступления я даже полюбил эти улицы. Несмотря на то, что в будние дни народу было несравненно меньше, чем в день господень, музыка, ругань, песни, пляски, визг и крик продолжались далеко за полночь. Еще после трех часов можно было наблюдать запоздалых гуляк, пробиравшихся вдоль стен, обмякших, в сдвинутых набок фуражках и измятых блузах. Время от времени, напоминая кошачьи крики, раздавались протестующие вопли обиженных женщин, павших жертвами обмана и не получивших платы за любовь. Иногда они раздражались потоком бесстыдной брани или принимались плакать навзрыд, причем слезы, катясь по густо напудренным и окрашенным щекам, причиняли такие опустошения на лице, которые можно сравнить только с разрушениями, причиняемыми обвалами в горах. Впрочем, возможно, что души их, — я пользуюсь этим словом за неимением другого, — возможно, что души их подвергались опустошениям не меньшим, чем тела.

Вам, конечно, неизвестны быстрота и уверенность, с какими действует наш штаб. Я не успел еще как следует осмотреться в квартале матросских увеселений, как получил из Лондона приказ: военных кораблей не посещать, организовать отряды в городе и действовать по собственному усмотрению применительно к обстоятельствам.

Я чувствовал себя задетым тем, что морской офицер одержал верх надо мной — офицером армии спасения. И эта-то обида явилась причиной, заставившей меня взяться за работу с утроенной энергией, благодаря чему я в течение одной недели успел организовать несколько сторожевых постов, а через полгода мог с уверенностью говорить о целом корпусе армии спасения на улицах Валетты.

Мой корпус состоял из самых разнообразных людей; были молодые и старые, мужчины и женщины, не исключая даже детей. Вначале бойцы прогуливались попарно по наиболее благополучным улицам, как бы подготавливаясь к атаке, но пока еще не заходя в матросский квартал. Лишь

после того, как закончилось формирование первого полка и из Лондона поступили достаточные средства, я предпринял свой наступательный маневр в полной боевой готовности. С барабанным боем под звуки труб и литавр мы маршировали по главным улицам Валетты, а в один воскресный вечер прорвались сквозь толпы гуляющих в портовый район. С громкими песнями, барабанным боем и музыкой ринулись мы вдоль рядов таверн, разбрасывая наши воззвания. Песня, сочиненная мною специально для этого похода, начиналась словами:

«Божий дредноут рассечет ваши сердца, как океанские волны...»

Первое впечатление от нашего выступления получилось поразительное. Пляски и песни мгновенно прекратились, матросы выстроились вдоль улицы, женщины облепили окна таверн напудренными лицами с полуоткрытыми от изумления алыми губами. Мне казалось, что пары алкоголя и мерзости сразу рассеялись. Как бы то ни было, но замешательство достигло такой степени, что позже, когда мы поодиночке возвратились для разведки, оказалось, что вместо того, чтобы предаваться пляскам и разврату, большинство женщин читало разбросанную нами литературу.

Демонстрация удалась, а за ней последовало самое главное: по целым ночам наши бойцы переходили из улицы в улицу, от дверей к дверям, из одной таверны в другую, от матроса к матросу, от одной падшей к другой. Какие только унижения, насмешки и издевательства не пришлось перенести нашим воинам! Невинность и целомудрие наших женщин подвергались грозной опасности на каждом перекрестке. После ударной и ожесточенной борьбы, длившейся несколько месяцев, некоторые из увеселительных заведений вынуждены были закрыться за недостатком посетителей. Зато в остальные таверны бойцы нашей армии имели возможность проникнуть только в сопровождении полисмена.

Но по мере того, как росли затруднения и сопротивление становилось упорнее, росла и моя настойчивость. Каждое воскресенье мы устраивали на перекрестках в матрос-

ском квартале лекции в сопровождении световых картин на стенах домов. Эти картины изображали вредные последствия пьянства и разврата, а также умиротворенность человека спасенного. Каждую ночь патрули наших бойцов дежурили на улицах, у ворот, у входов в таверны, под окнами, около пристаней, — всюду, где собирались или проходили моряки. Они распевали песни спасения и неустанно призывали к обращению. Наши барабаны грохотали, беспреестанно призывая, напоминая, пугая, предостерегая. Наши научно обоснованные лозунги отличались грубостью: «Спасение зависит от состояния твоего желудка», «Ты болен, если тебя рвет от виски и опиевых сигарет».

Мы считали своим долгом подчеркивать, навязывать с корректным нахальством и беззастенчивостью нашу литературу всякому, у кого ее не было в руке. Не будем говорить о всевозможных тактических приемах, выработанных практикой нашей армии, но продолжающих оставаться тайной нашего штаба, разглашение которой не допускается. Замечу лишь мимоходом, что противники наши называют эти приемы мошенничеством и околпачиванием людей. Рассуждая таким образом, наши противники глубоко ошибаются. Чтобы доказать это, я перейду непосредственно к результатам деятельности нашей армии на улицах Валетты.

Если б я хотел похвастаться, то мне следовало бы начать с самого себя и подчеркнуть, что скоро я стал генералом и командиром корпуса, быстро достигнув, таким образом, поставленной сначала цели. Казалось бы, что в таком случае стремление к другим целям явилось бы ханжеством. Подобная оценка вполне возможна, если б не результаты моей деятельности, свидетельствующие об обратном.

В течение года наш корпус достиг того, что в квартале матросских увеселений, как я его прозвал, совершенно прекратились песни, пляски, пьянство, драка и другие гнусности. Многие из падших женщин этого квартала работали в нашей армии в качестве бойцов, а некоторые были возведены даже в звание офицеров. Окна таверн оставались день и ночь с закрытыми ставнями и затянутыми паутиной две-

рями либо обратились в честные квартиры, заселенные семьями рабочих и торговцев. В сохранившихся кабаках проводили время уже не матросы местной эскадры, а только проезжие, сходявшие на берег временно.

Противники наши утверждали, что причиной наших успехов явились не спасательная сила божьего слова, раскаяние в прошлом и убеждение в гнусности пьянства и разврата, а просто тот шум, который мы поднимали на улицах Валетты и особенно в матросском квартале, а также навязчивость и нахальство наших бойцов. Они уверяли, что только наши барабаны и трубы прогнали радость и веселье с этих улиц. Возможно, конечно, что они до известной степени правы, так как мало приятно веселиться под укоризненными взглядами наших бойцов, среди грома наших песен и музыки, заглушавших неорганизованные проявления радости моряков. В общем же нет никакой надобности доискиваться причин наших успехов и взаимной их связи. Достаточно того, что мы знаем результаты нашей деятельности.

Но тут возникает другой вопрос: какое направление приняла наша дальнейшая работа после того, как вражеский фронт был прорван, а противник рассеян и разгромлен? В ответе на этот вопрос и заключается самое главное. Вы, конечно, уверены, что по воскресеньям храмы наши ломились от наплыва обращенных и раскаявшихся моряков, а господне стадо возросло на десяток тысяч новых членов. Однако, ничего подобного не было.

Среди моряков не оказалось никого, кто бы пожелал стать нашим последователем. Отказавшись от разгула, пьянства, улицы, публичных домов, эти юноши и мужи бросились в бездну другого бедствия и постепенно прониклись учением социалистов, синдикалистов и коммунистов. Свое свободное время они стали посвящать всевозможным собраниям, читали коммунистические газеты и литературу и насмехались над армией спасения и даже над самим спасителем.

Мне неизвестно, какими путями в сердца их проникли первые семена этих мерзопакостных учений, но результа-

ты не заставили себя долго ждать. Сначала они выдвинули требование об улучшении питания и невмешательстве начальства в их личную жизнь, т. е. добивались права читать вредную литературу. Затем отказались отправиться в Индию на подавление восстания и, наконец, побросали в море высших офицеров, повернули жерла пушек против дома коменданта Валетты и разгромили его в отместку за то, что комендант угрожал восставшим судом и расстрелом. Потом, — вероятно, опасаясь, что из Лондона может прибыть более сильная эскадра и, заперев вход в гавань, вынудить их к сдаче, — они в полной боевой готовности, с развевающимися красными флагами уехали на восток и, как выяснилось впоследствии, прошли через Босфор в Черное море.

Описывать дикий восторг, с каким их встретили в Одессе, я воздерживаюсь из опасения, что меня может поразить удар. Волосы мои поседели под впечатлением этого потрясающего события, последствия которого грозят развиваться в самом неожиданном для нас направлении. Но может ли быть что-либо тягостнее сознания, что моя деятельность послужила причиной столь грустных происшествий!

Несмотря на случившееся, я все же не утратил способности подвергнуть анализу результаты моего злого дела. Во-первых, не подлежит сомнению правота морского офицера, воспротивившего мне организовать проповедь среди матросов эскадры. Он был умный человек, не лишавший матросов возможности пользоваться удовольствиями жизни.

Во-вторых, я убедился, что страстная проповедь слова божьего и агитация за необходимость раскаяться и заслужить царство небесное зачастую может привести к результатам, совершенно противоположным поставленной цели, ибо нам некуда направить активность обращенных. Мне пришлось быть свидетелем того, как моя благонамеренная деятельность содействовала потрясению основ существующего строя нашими противниками.

Во избежание того, чтобы случившееся не повторилось в другом месте, я в настоящее время отказался от работы в армии спасения, стал убежденным противником борьбы с

пьянством и ратую за публичные дома и кабаки не только в портовых кварталах и рабочих районах, но и на кораблях, на заводах, в церквях. Однако, даже эта деятельность не дает мне полного удовлетворения, ибо я опасюсь, что слишком поздно сделал свои выводы. Боюсь, что в скором времени у меня останется два выхода: либо удариться в социализм, либо покончить самоубийством.

— В твоём рассказе, товарищ, ты выдвинул проблему о положительных результатах отрицательного действия. Сейчас мы ждем от тебя рассказа об отрицательных результатах положительного действия, — проговорил старый Лепин.

— Это чревато опасными последствиями! — заметил кто-то из угла. — Что если учение социализма в результате приведет к армии спасения?!

Ответ Земрана был краток:

— Это невозможно. Так полагается только в утопическом произведении... В моих рассказах не принят в расчет экономический базис. Фантазии — это влияние тюрьмы.

Ольга Гурьян

**РАССКАЗ 3-й.
ВОЙНА БУДУЩЕГО**

Из книги «Война»

Рис. М. Недбайло

(1930)

20 коп.

О. ГУРЬЯН

ВОЙНА

государственное
издательство
1930

РАССКАЗ **3-й**

Воина будущего

Предсказывать будущее нельзя,
и чтоб не болтать наобум и зря,
я просто намечу вехи.

Итак: сперва о технике.

Дальнобойность особо мощных орудий
до двухсот километров и более.

Отсюда ясно, волей-неволею,
что фронта вообще не будет,
тем более, что к моменту объявления войны
воздушный флот каждой страны —
от трех тысяч до пяти тысяч аппаратов —
вылетит в срок и в аккурате.
Мощное развитие моторизации...

А там, где может река оказаться
и танки из строя бы выбыли,
их заменят земноводные амфибии.
Бросание бомб — зажигательных, дымовых,
ядовитых, удушливых и других...
Мобилизация всей производительной силы.
Итак, не будет ни фронта, ни тыла.
Затем — процесс машинизации приводит
к вовлечению в войну все больших масс.

И ясно, что в этой борьбе народов
неминуемо восстанет класс на класс.
Но если вам эти явления ясны,
то понятен и вывод из этих явлений.

**«МЫ ГОВОРИМ — ВЫХОД ИЗ ЭТОЙ ВОЙНЫ
ТОЛЬКО В РЕВОЛЮЦИИ».**

ЛЕНИН, т. XIV, стр. 314.

Маргарита Ивенсен

ЕСЛИ БУДЕТ ВОЙНА

Рис. Мих. Гуревича

(1932)

Если волной дымовых завес
война над Союзом нависнет,
каждый рабочий, каждый боец
крепче винтовку стиснет.

Двинем тогда на врага полки,
выдвинем танки, броневики, —
и поможет успеху атак
разведка военно-служебных собак
и часто страна благодарна псу
за то, что он жизнь спас бойцу.

Смотри: это Гун, Ахим и Джим
У каждой собаки — прозвище.
Такая собака не задрожит
в самый большой морозище.

Их не спугнет боевая гроза —
ни Ахима, ни Гуна, ни Джима.
Чутье — начеку, и зорки глаза,
а ноги — четыре пружины.

Если будет война,
такая собака нужна.

Если война; огонь и дым;
ты ранен, лежишь один;
бинтов нет, свои далеко —
неужто могилой будет окоп?

Нет, в окопе тебя тогда
четвероногий найдет санитар.
Он побежит, не жалея ног:
дорога жизнь красноармейца;
он побежит, не жалея ног,
чтобы кровью ты не истек.

Если война; огонь и дым;
ты ранен, лежишь один;
бинтов нет; свои далеко,—
неужто могилой будет окоп?

Нет, в окопе тебя тогда
четвероногий найдет санитар.
Он побежит, не жалея ног:
дорога жизнь красноармейца;
он побежит, не жалея ног,
чтобы кровью ты не истек.

„В сумке бинт; расстегни, возьми,
а я скорей побегу за людьми“.

«В сумке бинт; расстегни, возьми,
а я скорей побегу за людьми».

Если война; кольцо железное;
Враг наступает, как зверь, разъярясь,
Красная часть от своих отрезана, —
Как со своими наладить связь?

Каждую тропку враг сторожит,
в небе парят самолеты вражьи.
Кто на виду у врага пробежит?
храбрый из храбрых под пулей ляжет.

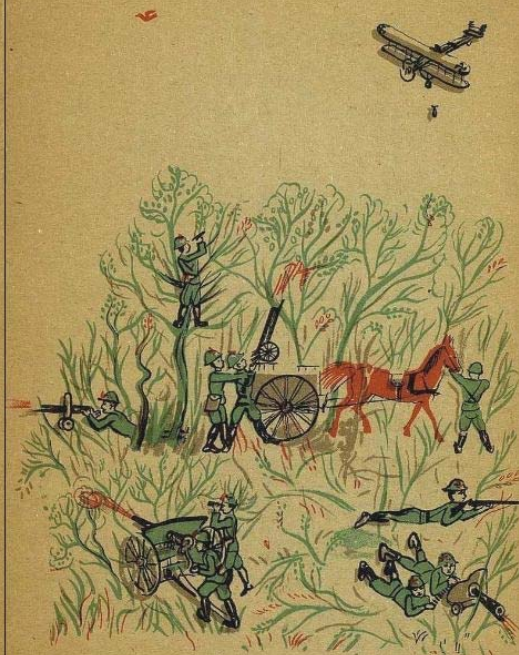
Кто на виду у врага пробежит?
Храбрый из храбрых, Джим побежит.

Он побежит по любому пути;
дорога жизнь красноармейцев;
он побежит по любому пути,
чтоб красную часть спасти.

В Красной армии много собак
таких, как Ахим и Джим.
Но и в мирное время не дремлет враг.
Тогда, защищая советский флаг,
они сторожат рубежи.

Они сторожат советских границ
каждый вершок и пядь,
чтоб ни один в Союз не проник
белогвардеец опять.

«Эй, пограничник, Гун заворчал:
хрустнул валежник, шурша.
Эй, пограничник, Гун заворчал:
слышит шпионский шаг.
Ты не один, пограничник: с тобой
собака разделит опасность и бой».

Но Союза враги рыщут
не только у рубежей.
Потому-то у нас тыщи
четвероногих сторожей.

Сторожевые заняв посты,
они охраняют советский тыл;
в далеких степях — стада,
магазины — в больших городах;
красноармейцам в помощь
сторожат гаражи, ипподромы,
и склады, в которых порох
готов к обороне страны,
потому что быть может скоро
мы услышим сигнал войны.

Винтовку тогда стиснет
Каждый честный боец;
Винтовку тогда стиснет
Накрепко твой отец.

И если отец твой будет ранен,
В крови упадет под откос,
Помни: вернет его Красной армии
И тебе вернет его — пес.

Сагтар Ерубаев

О БУДУЩЕЙ ВОЙНЕ

(1934)

Один из моих товарищей, бывало, удивлял и поражал нас своей необычной, довольно своеобразной точкой зрения на что-либо, своими неожиданными и, в общем-то, интересными рассуждениями. Да вы знаете его, я говорю о Рахмете.

За его увлеченность, умение затевать необыкновенные и горячие споры мы прозвали Рахмета философом. Да он в какой-то мере и был фантазером-философом. Особенно любил он доказывать, что главным законом познания нужно, якобы, считать метод сравнения. Всякую вещь, все жизненные явления он как бы подводил под категорию сравнения. Такой категории я что-то не встречал в философии и к тому же думал, что в науке и жизни далеко не все нуждается в сравнении и поддается сопоставлению. Но Рахмет все-таки отстаивал свое.

— Подумай сам, — говорил он, — как ты: к примеру, узнаешь, насколько хороша наша сегодняшняя жизнь? Разве можно обойтись без ее сравнения с нашей прошлой жизнью? Если даже, скажем, покупаешь кило хлеба, так ведь его обязательно взвешивают, сличая с килограммовой гирей. Вот перед тобой две палки. Которая из них длиннее? Попробуй не сравнить. Ну и так далее. Конечно, это элементарные, так сказать, примитивные формы сравнения. Но не с них ли пошла в науке одна из сложнейших абстракций?

Рахмет приводил много примеров. Из нашей повседневной жизни, из области политики, из различных сфер науки. «Вроде бы одноцветен солнечный луч, — говорил он. — Белый, прозрачный. Но вот оказалось — этот самый белый пучок света состоит из семи цветов: красного, оранжевого, желтого, зеленого, голубого, синего, фиолетового».

Известно, например, что красный цвет преломляется и распространяется в воде и воздухе быстрее, чем синий цвет. Чтобы доказать это, наверное же, необходимо было сравнить скорости их волн в той или иной среде, узнать длину волны светового потока, которая, кстати, не превышает одной миллионной части миллиметра (миллимикрон). Или взять химические элементы. Атомный вес азота — 14.007,

неона — 20.183, радия — 225.97. Определение такого различия в весах тоже ведь потребовало какого-то сопоставления.

— В жизни нет ничего, что было бы не подвластно сравнению. Прогресс, регресс, всякое движение и развитие — все это познается через сравнение, — говаривал Рахмет.

В прошлом году Рахмет, Лиза, Иван и я побывали в Ленинграде в гостях у академика Вознесенского — отца Лизы. Он, хотя и намного старше нас, а обращался с нами всегда как-то по-свойски, словно был нашим ровесником. Кто не знал нашего академика, человека с мировым именем и мировой славой, человека величайших знаний? Он — известный металлург, но, что удивительно, преуспел и в области авиации, будучи учеником «отца русской авиации» знаменитого профессора Жуковского.

Чтобы не надоедать чересчур академику, мы с его согласия сняли себе номер в гостинице, но часто бывали у него дома. Однажды, когда мы гуляли по улицам Ленинграда, Рахмет завел разговор о «категории сравнения», высказав по этому поводу свое мнение. Аркадий Евгеньевич, сдвинув очки на лоб, и, взглянув на нас, рассмеялся.

— Ой, друзья вы мои, до чего же это интересно! Да-да... Ну, а красоту моей вот Лизы как и с чем можно сравнить? — сказал он весело, взглянув на дочь. Мы тоже рассмеялись.

Накрапывающий дождь вдруг усилился, пошел белым ливнем, наполняя бурлящим потоком асфальтовую улицу. Академик стоял, не обращая на это внимания.

— В самом деле, интересно, а? — повторял он, протирая платочком очки и, видать, о чем-то раздумывая. — Ну вот что, друзья мои, — сказал он потом. — Приходите-ка завтра ко мне. Я вам покажу кое-что. На том и договорились.

Академик ушел, обняв за плечи дочь. А мы еще долго смотрели им вслед, спрятавшись за угол дома. И академик, и его светлюшечка, прекрасная дочь Лиза были для нас очень дорогими людьми.

На следующий день мы застали академика в его лаборатории. Он взглянул на нас поверх сдвинутых на кончик носа очков. Обняв нас, он с улыбкой обратился к Рахмету:

— Ну, так что, философ, ты доказывал вчера?

— На мой взгляд, в жизни нет ничего, что не поддавалось бы сравнению. Только так мы и познаем ее, — сказал Рахмет.

— Что ж, — произнес академик и попросил нас сесть в кабину небольшого самолета, стоявшего у стены. Мы и раньше видели его, и все время принимали за очень удачно скроенный макет.

Как только захлопнулась дверца кабины, сразу же стало темно. И в самолете, и в самой лаборатории. Такое чувство, будто мы взлетели, хотя и не слышно никакого гула мотора. Но самолет явно набирает высоту, рассекая крыльями летний воздух. Над нами открылось звездное небо, а внизу — убегающая земля. Вон серебристая змейка Невы и дома — все меньше и меньше, как спичечные коробки.

— Что за чудеса? — вздрогнул я. — Как взлетели, куда летим?

— Мы летим в завтрашний день, — ответила Лиза, сидевшая за штурвалом самолета.

В какой-то момент издалека-издалека, вроде бы из недостижимых глубин, похоже, из-за тех вон, оставшихся внизу черных гор, раздался голос академика, гулкий и странный. Этот голос увлек меня неожиданно в необыкновенные фантастические дали...

* * *

Жизнь в Токио, всего минуту назад бурлившая, как кипящая вода в горячем котле, вдруг, в один миг, оборвалась и заглохла. Люди на только что кишевших как муравейник улицах и площадях, в битком набитых парках, как по команде, остановились разом, онемели и замерли. В самый разгар дня, неизвестно отчего, все живое в Токио впало в

мгновение ока в падучую дрему. Впало в глубокий сон. Группа полицейских, мчавшаяся куда-то, будто сраженная одним резким ударом, сникла тут же на мостовой. Несколько мелких торговцев, так ошалело гнавшихся за воришкой и наконец нагнав его, повалились вместе с ним и, заключив его в тесные объятия, погрузились в сладкий сон. Остановили свой бег трамваи, машины. Токио, этот громадный город, застыв в изнеможении, прекратил свое дыхание, окаменел, став похожим на безжизненно-мертвую гряду черных гор. Премьер-министр и военный министр Асахи уснул в своем кабинете за столом с надкушенным бутербродом во рту. Генерал Курава, пробравшийся украдкой в резиденцию министра финансов к его жене, так и заснул в неприглядном виде, целуя ее ножку чуть повыше колена.

Так вот и заснули враз жители Токио — два миллиона двести тысяч человек. Не уснули в городе только двое. Один из них, начальник городской полиции Цусимото, раздраженно вскочил с места, увидев, как перед самым его носом, потеряв всякое почтение к нему, растянулись на полу его подчиненные. Но, почуввав что-то неладное, в ужасе схватился за голову и, спотыкаясь о спящих, пулей вылетел из кабинета. А в коридоре... Кто-то, скрючившись, лежит на боку, кто-то уткнулся головой в пол, кто-то, с удовольствием раскинув руки и ноги, громко похрапывает. Это видение еще больше потрясло начальника полиции. Теряя сознание, вытянув руки вперед, он бешено носился по коридору, как слепой натыкаясь на стены и бревнами лежащих людей. Взглянул было из окна на улицу, но тут же отпрянул в испуге, увидев невероятно-жуткую картину. Будто беспощадно-страшный мор напал на людей, подкосив всех одним махом.

— Встать! — заорал он по своей обычной привычке. Но никто из полицейских, всегда в страхе трепетавших перед ним, не соизволил даже шевельнуться. Они продолжали лежать, так неучтиво вытянув перед ним свои ноги.

Напуганный до смерти, с вытаращенными в ужас глазами, он нырнул в большой железный шкаф. Через три минуты жизнь в Токио возобновилась снова. И никто, кроме

начальника полиции, не знал об этом негаданно-тайнственным усыплением. Дочь великого императора, принцесса Цюжукай, пробудившись, некоторое время сладко зевала и нежилась в постели. Потом поднялась и, мягко ступая, направилась в свою зеркальную комнату, как это проделывала она ежедневно после сна. Без всякого стеснения, ленивым движением скинула с плеч атласно-шелковый халат, и тотчас все четыре стены из ярких зеркал отразили обнаженное, грациозно-гибкое тело юной красавицы. Потягиваясь и кокетничая, поглядывая то вправо, то влево, весьма довольная собой, она долго красовалась перед зеркалами. Все крутилась и смеялась, становилась в жеманные позы, любуясь бархатистой белизной своего тела, нежно льющимися изгибами тонкой талии и красотой стройных ног.

В эти самые минуты в одной из комнат своего обветшало-старинного дома на окраине Токио сидел, уставившись в зеркальце, профессор империи Куяси. Могучий телом, лег тридцати пяти человек. Маленькое круглое зеркальце умещалось в его ладони, и он, не отводя глаз, смотрел в него с особым сладострастием. Куяси видел обнаженную принцессу Цюжукай. Вот на всю площадь зеркальца ее округло-белая, трепетно вздымающаяся грудь.

Куяси облизнул сухие губы, сжал ладонь и, жарко дыша, снова разжал ее, повернул зеркальце и в нем Цюжукай уже в другой позе. Близко, совсем близко ее припухло-алые, вздрагивающие, так и притягивающие к себе губы. Не выдержав, вздохнул, повернул еще, и зеркальце показало изнывающему профессору всю нежную шелковистость ее нетронутой солнцем шеи. У Куяси помутнело в глазах, голова пошла кругом, и он, ваяясь набок, забился в жгучей дрожи, прижимая к груди зеркальце. Ему чудилось, что он в ласкающих объятиях красавицы-принцессы. А когда поднял голову и снова жадно взглянул в зеркальце, в нем уже не было никакого изображения. Встал, недовольно вздохнул, поправил сползший в сторону галстук, подошел к телефону.

— Полиция? — спросил со всей важностью.

Начальник полиции генерал Цусимото сидел, нахохлившись, в своем кабинете и, никого не впуская к себе, все еще с каким-то страхом думал о недавнем, так потрясшем его событии. Его так и подбросило в кресле, когда раздался неожиданно-резкий телефонный звонок. Он схватился за трубку.

— Говорите... Говорите же, что надо? — произнес он с дрожью в голосе и так торопливо, будто за ним гнались враги.

— Начальник, — сказал профессор, — когда народ Токио уснул на три минуты, бодрствовали только вы. Не вздумайте сообщать. Никто не должен знать об этом, в противном случае не ждите от меня пощады.

У начальника затряслись руки и губы, не то от страха, не то от гнева. Он выронил трубку. «О, упаси всевышний!..» — забормотал он, будто охваченный приступом лихорадки. Человек, который усыпил весь город, выходит, здесь?! Начальник поднял трубку.

— Вам известно, по какой причине вы не спали, когда спал весь Токио? — спросил профессор.

— Нет, — сказал начальник, меняясь в лице.

— Взгляните на свою ладонь...

«О-о, почему я этого не заметил?» — содрогнулся начальник, увидев на ладони маслянисто-желтое шершавое пятно, наподобие пылицы, остающейся на пальцах от крылышек мотылька или бабочки. Стараясь успокоить себя, начальник уселся поглубже в кресло и задумался. Постепенно начал настраивать себя на мысль, что теперь вся судьба Токио в его руках. Это приободрило его и несколько рассеяло его испуг. А вскоре он и вовсе заважничал:

— Кто же, если не я, ответит за это безобразие в Токио?! — вскинулся он, словно готовый к любым чрезвычайным действиям. — Нужно немедленно найти его!

Вошел, низко кланяясь, секретарь.

— Сейчас же собери у меня всех агентов и сыщиков. Есть срочное... Да-да, государственной важности дело, — сказал начальник, сурово сдвинув брови. Секретарь выскользнул за дверь.

Генерал вспомнил о ладони. И снова в него вселился угнетающий страх. Пугаясь, старается не смотреть на свою правую руку, отодвигает и прячет ее за спину. Она кажется ему чужой и даже не рукой, а какой-то чертовщиной, пиявкой, присосавшейся к его телу. «Ай-яй, так немудрено превратиться и в ребенка», — отгоняет он от себя страх. Но из этого ничего не получается. «Сегодня я пожимал руку только одному человеку. Кто же... Кто же это?» Нет, не может вспомнить. Не дает думать, не дает сосредоточить мысли ладонь. Мешает и наводит ужас.

— Надо найти, надо найти!

Голова вспухла от всего этого. Да и сердце не на месте. Начинает мучительно вспоминать, кому он пожимал сегодня руку, а то, вздрогнув, похолодев весь, косится на свою ладонь...

— Воды, воды, дайте воды! — вскричал, задыхаясь, генерал.

* * *

Момодзо, бывший секретарь короля химии Тоямы, был человеком, который нередко загорался довольно странными желаниями. Еще пять лет назад, когда он служил в банке, им овладела грандиознейшая мечта: «Эх, окажись в моих руках все богатства Японии...» — думал он. Пустые, несбыточные грезы. Однако они превратились в навязчивую мысль и преследовали его всегда и всюду, что он даже стал верить в их осуществление.

В эту самую перу, когда Момодзо витал в своих умопомрачительных мечтах, он неожиданно возвысился, став секретарем короля химии. Случилось это потому, что Тояма сблизился с его сестрой Сада-сан — актрисой императорского театра. Узнав, что тепленькое место досталось ему только из-за того, что его сестра, соблазнившись толстым кошельком Тоямы, продала себя этому плотоядному старику, он поначалу вспыхнул было, возмущившись, но не ожи-

данная мысль о том, что богатства, высокое положение и влияние Тоямы как раз-таки могут оказаться полезными в осуществлении его мечты, моментально погасила в нем возмущение, стыд и гнев. Он даже обрадовался, чувствуя, как счастливо стучит его сердце.

Еще мальчишкой ему приходилось каких-то дней пятнадцать заниматься физикой. С той поры он считал себя знатоком этой науки. Как-то осмелился даже заявить королю химии: «Мы физики, а потому в химии мало что смыслим». К тому же Момодзо волей случая был хорошо знаком с профессором Кувяси. В какой-то мере знал, чем он занимается, видел некоторые опыты, которые ставил Кувяси. Все это вызывало интерес и увлекало Момодзо. Он поражался, но порой пугался невообразимо смелых и, как ему казалось, очень уж опасных опытов и коварных замыслов Кувяси. И в дом-то его Момодзо входил всегда осторожно, со страхом, озираясь по сторонам, будто здесь его подстерегает что-то страшное или же кто-то выслеживает и наблюдает за ним. Но все же не переставал приходиться к профессору и как-то раз заверил его:

— Ничего, ничего... Мы в любое время раздобудем нужную сумму для опытов. Мне поможет Тояма.

Но князь Тояма не только не помог, а, вызвав однажды к себе Момодзо, объявил о его увольнении.

— Ты не годишься в секретари, — сказал он. — Мне нужен человек, который хотя бы мог отличить белое от черного, иприт от кислорода...

Момодзо ушел, как побитый. Но все-таки теплилась маленькая надежда: «Стоит ли беспокоиться, когда у меня есть такая сестра?..» И он, вернувшись через некоторое время, чуть-чуть приоткрыв дверь, заглянул в кабинет Тоямы. То, что он увидел, обожгло ему кровь. Его сестра, красавица Сада, актриса императорского театра, раскинувшись в сладкой истоме, лежала на широком диване. Бесстыдно обнаженная по пояс, она, кокетливо посмеиваясь, поигрывала со стариком, а он, опьяненный князь Тояма, прикрыв глаза, повизгивал и обнюхивал ее, лаская пышную грудь актрисы. Потом она, слегка подняв ногу, грациозно опустила

ее на спинку дивана. Шелк платья скользнул с колена... С покрасневшими от соблазна глазами Тояма накинулся на свою любовницу. И в этот момент Момодзо, не стерпев позора, с силой распахнул дверь. Красавица Сада приподняла голову и возмутилась:

— Убирайся!.. Убирайся вон, негодяй!..

Растерянный Момодзо захлопнул за собой дверь. И после этого случая он никогда больше не появлялся здесь.

В числе тех, кто неожиданно уснул на улице, был и он, Момодзо, бывший секретарь короля химии. Проснувшись, с недоумением заметил поднимавшихся с мостовой людей: «Что это?» — подумал он, не чувствуя и не подозревая, что и сам всего секунду назад оторвал свое тело от земли. Лишь потом обратил внимание на свою испачканную одежду. Удивился и этому. «Откуда пыль и грязь?..» Отряхнувшись, влез в трамвай и покатил к западной окраине города. Сойдя с трамвая, оказался вскоре у небольшого двухэтажного дома. Осторожно вошел, боязливо оглядываясь. Заглянув в одну из комнат, повертев головой, увидел растянувшегося на полу профессора Кувяси. Никак мертвый? Подходить не стал, испугавшись, спрятался за стену. После услышал, как профессор, встав, взялся за телефонную трубку. Момодзо оказался невольным свидетелем разговора профессора с начальником полиции. Моментально представил себе с ужасом ту картину на улице, вспомнил о своем испачканном костюме, когда до него донеслись эти жуткие слова: «Когда народ Токио уснул на три минуты, бодрствовали только вы...» У Момодзо, казалось, волосы встали дыбом, какой-то удушающий ком, подкатив к горлу, удерживал его от крика.

«Никто не должен знать об этом, в противном случае не ждите от меня пощады», — долетело до ушей Момодзо. И он еще больше испугался. Его охватила страшная мысль: «Уничтожит ведь меня профессор, уничтожит... За то, что я узнал про все. Беги, Момодзо, пока цел». И он, сдерживая дыхание, неслышно выскользнул из дома профессора Кувяси.

Момодзо торопливой трусой продвигался по улице и думал о начальнике полиции генерале Цусимото. «Бедняга, наверное, мечется сейчас в своем кабинете, не зная, куда девать себя». И от этой мысли Момодзо вдруг проникся жалостью к начальнику. Как-никак он знает этого генерала. В прошлом году Цусимото тоже некоторое время ходил по стопам его сестры, и тогда он познакомился с ним. Правда, в ту пору генерал еще не был начальником полиции Токио. А став начальником, предложил ему: «Что, если ты перейдешь к нам, Момодзо?» Теперь, когда он оказался без работы, Цусимото непременно поможет ему. Как жаль, что такой хороший человек попал в ужасный переплет. Эх, свалилось же на его голову, а! Э-эх!.. Момодзо замедлил шаги, забыл о трамвае, шел не спеша, обдумывая ситуацию и ненароком вспоминая, как рождались и жили в его душе когда-то несбыточно-сладкие мечты. Банки Японии... заводы, шахты... женитьба на принцессе... В какое-то мгновение его мысль озарилась яркой вспышкой и безудержно заколотилось сердце, глаза наполнились светом и он счастливо заулыбался.

— Эй, Момодзо, а ну соберись-ка да сфокусируй свои мысли. Что имеешь, чего нет?..

Но, начав заново «взвешивать мысли», он никак не находил достаточных причин для веселья. Они, эти маленькие свидетельства радости, словно юркие хвосты, не давались ему в руки, дразнили и исчезали, не оставляя следа. И Момодзо, не зная, за что бы ухватиться, терял нить своих рассуждений. Угасла на лице улыбка, омрачились глаза. Но через минуту-другую он был уже совсем другим. «Расскажу... расскажу! Он одарит меня за это!..» Как быстро у Момодзо меняется настроение. Снова весел, бодр, разудал, и такими милыми кажутся ему прохожие. Мимо прошла какая-то старушка с мешочком риса на плечах и он успел шепнуть ей: «Ах, какая вы хорошая, бабушка!»

Момодзо подошел к полицейскому управлению. Из его дверей стремительно вылетели озабоченные хмурые люди. Своих тайных агентов и сыщиков вмиг поставил на ноги начальник полиции генерал Цусимото. Получив от него су-

губо важное и секретное задание, они теперь были готовы разбрестись-рассыпаться по всем углам и закоулочкам Токио.

«Воинствующие ученые»

В тот самый день, когда население Токио в мгновение ока погрузилось в сон, в печатном органе «Молодых офицеров», газете «Кровавый меч», была опубликована статья профессора Токийского университета господина Аве. Статья называлась «Воинствующие ученые». В ней известный профессор назвал хирургию отцом всех наук. Сравнивая хирургическую операцию с военной, он приходил к выводу, что и то и другое — необходимейшие, вполне закономерные явления в жизни. «Задыхающаяся в мучительной агонии Азия нуждается в кровавой операции. Только беспощадным, карающим мечом самураев можно изрубить, искромсать и вышвырнуть удушающий Азию большевизм. Горы Урала — спинной хребет Советов. Надо, как топором, рубануть этот позвоночный столб и одним махом рассечь Россию пополам. Надо распластать перед ней ее восточную часть, которая обязана стать победной добычей самураев. Именно это необходимо сейчас Японии, которая призвана править миром. В такой ответственный момент наука не может стоять в стороне. Каждый ее шаг должен являться свидетельством необходимости кровавого меча самураев. Пусть нож хирурга прочно внедряется во все науки. Не абстракция и легкомысленные сюсюкания, а война должна быть их девизом. Великая японская нация рождена для господства над всем человечеством. Это начертано самим богом, это доказывает и всесильное учение епископа Кедзе. Сама судьба велит японцам встать на сей доблестный путь и с честью исполнить святую волю всевышнего. Этот час наступил». Так писал Аве, сообщая еще о том, что сегодня же собирается съезд группы «Воинствующих ученых».

Профессор Аве был сыном промышленного магната из Хоккайдо. Один из бывших заправил в войне с Россией, этот человек теперь выступал ярким сторонником подготовки «глобальной войны». Поэтому он считался весьма влиятельным человеком в профашистской партии Сеюкай, открыто провозглашавшей войну и уже вставшей на эту стезю. Кроме того, отец Аве занимал главенствующее положение среди акционеров концерна Кухара, имеющего самые тесные контакты с организацией японского фашизма «Молодые офицеры». Сыном такого человека и был господин Аве. Не менее известный, чем свой отец. С титулом ученого, со званием профессора, хотя никогда в своей жизни не грыз гранит науки, не стремился к ней, а лишь сменил множество профессий. Однако с некоторых пор его имя замелькало в прессе под хвалебными рецензиями на всякого рода сомнительные выступления ученых мужей. Кто только не умудрялся в это время становиться под флаг науки... Некоторые, ловко прикрываясь им, выплескивали на журнальные страницы грязные смыслы всевозможных далеко не безобидных мнений и идей. И он, вездесущий рецензент Аве, подхватывая их, расписывал-расхваливал взмахом пера.

Он не стал дельным специалистом, но положение отца, престиж отцовского капитала дали ему возможность хорошо подняться. Написав три-четыре статьи на модную тему о «Науке и войне», он сразу же вырос в глазах определенного круга людей. Они-то, осыпая его почестями, и возвели тут же в профессора и посадили на кафедру генетики Токийского университета. Они стали именовать его не иначе как родоначальником «новой науки» — науки нации. Заняв пост, он проявил странное рвение к работам основоположника генетики — австрийского естествоиспытателя Менделя и ухитрился использовать в своих целях его выводы о законах наследственности. При скрещивании живых организмов у получаемого гибрида обычно ярко выражены признаки лишь одного из видов. Это — главенствующие признаки, а приглушенные, либо вовсе незаметные — это рецессивные признаки, которые наравне с основными обозначаются четко только при вторичном скрещивании.

Ухватившись за некоторые выводы Менделя, извращая на свой лад его научные обобщения, профессор Аве однажды заявил о том, что якобы все народы Востока являются кровно-родственными. Будто бы они, эти многочисленные народы, разделенные на классы и национальности, на родовые группы и племена, в своей основе состоят из японцев и происходят-де, от японской нации.

Под длительным воздействием окружающей среды в растительном и животном мире могут происходить, да и происходят какие-то видоизменения и перерождения. Это, так сказать, закон мутации, мутагенез.

Например, растение вида «Klebs Veronika», оторванное от своей привычной среды, перенесенное в холодную, ярко освещенную местность, не дало цветов. Вместо них на цветоножках распустились листья.

Бабочка «Vanessa levana» появляется весной, а «Vanessa prossa» — летом. Первая из них имеет желтую расцветку; вторая — темно-коричневую. Наблюдая, Вейсманн выяснил, что это одна и та же бабочка, которая под влиянием температурных колебаний два раза в год, посезонно, меняет свою окраску. Так же и камбала — рыба, которая, развиваясь до определенного возраста, ведет активную жизнедеятельность. Потом опускается на дно и, теряя подвижность, ложится на левый бок. Со временем эта часть бледнеет, лишается пигментации, а левый глаз, перемещаясь, оказывается наверху у правого глаза. Кеннинген, проводя опыты, поместил несколько таких рыб в крытый, затемненный сверху и с боков, аквариум. Свет в него проникал только снизу через прозрачное стеклянное дно. Попав под освещение, левая боковина рыб постепенно темнела, восстанавливая прежнюю пигментацию.

Знаем, например, и о том, что длина и густота шерстного покрова животных во многом зависят от климатических условий. Известны и опыты Каммерера с протейями — этими малюсенькими слепыми обитателями подземных озер. Они могут жить, дышать и на суше. И при долгом пребывании на солнечном свете они вдруг прозревали.

Все это и есть законы мутации, когда живые организмы, приспособляясь к неумолимому воздействию окружающей среды, начинали видоизменяться.

Исходя из этого, профессор Аве пришел к весьма хитроумному заключению. Якобы все народы Востока берут свое начало от самураев. Но, оторвавшись от своей родной законной среды и расселившись в различных краях, под влиянием иного природного окружения вынужденно изменили в отдалении свой облик и язык. Было само собой понятно, к чему ведут эти далеко идущие «открытия» профессора Аве.

Коль скоро все упоминаемые народы своим происхождением обязаны японской нации, то она, естественно, и является их единственным богом-господином. Поэтому все они, расплзшиеся по сторонам от своей исконно-святой земли, и должны находиться под властью и пятой Японии. И если, одичав, они теперь не пожелают опознать своего прародителя, то поучительная война самураев, их меч должен открыть им на это глаза и заставить признать своего божественного повелителя. Так доказывал и к этому призывал профессор в статье, напечатанной в газете «Кровавый меч». Таким вот человеком был господин Аве.

Момодзо вошел в полицейское управление. Пока осматривался, размышляя, куда идти дальше, с треском распахнулась дверь и влетела, едва держась на ногах, та самая старуха, которая встретила его на улице. Ее с силой подталкивал вперед небольшого роста, с редкими усиками сбитень-полицейский. Старушка все-таки упала, и он поволок ее по ступенькам наверх.

Момодзо замер. Ему казалось, что стоит шевельнуться, как полицейский оглянется назад, перехватит его испуганный взгляд и подлетит к нему, схватит за шиворот и погонит заодно со старухой. Почему бы не забрать и его, если хватают ни в чем не повинного, спокойно идущего по улице человека... Бедная старушка. Он-то сам лезет на рожон, кое-что зная про это дело, а она?.. Нет, кого-кого, а уж его наверняка могут запрятать куда подальше. Рассуждая так,

напуганный Момодзо и сам не заметил, как исчез из полицейского управления.

Он кружил по улицам, не зная теперь, как и быть. Все еще не давали покоя те радужные мысли. Но подступиться к полицейским боялся. «Кто знает, — думал Момодзо, — что они выкинут, если раскрыть им тайну. Не получу ли вместо награды подзатыльников, а то и хуже того?.. Лучше уж не спешить да выждать. Вдруг объявят розыски преступника и назначат вознаграждение тому, кто обнаружит его. Тогда и будет видно..»

Поглядывая издали на полицейское управление, Момодзо замедлил шаги. «Если я расскажу начальнику, то завтра же профессор Кувяси так его прижмет и встряхнет, что тот сразу же признается, от кого услышал. О-ох, что тогда будет... Профессор оторвет голову и на тот свет отправит...» Момодзо ужаснулся, но тут же, спохватившись, стал успокаивать себя. «Нет-нет, это вовсе не страх, а так... от стыда перед знакомым человеком. И что толку сообщать полиции, не лучше ли приластиться к всесильному профессору, спрятаться за его спину и, может, даже разделить с ним кое-какую выгоду?..»

Так и мучился Момодзо. При мысли о полиции пугался тюрьмы, а думая о профессоре, приходил в еще более жуткое состояние. Все же он нашел выход. Надо посоветоваться с сестрой, решил он, и припустил по улице. С того дня, когда он стал свидетелем неловкого момента, он не видел ее. Не осмеливался подходить. Но теперь был повод. И это очень обрадовало его.

«Красавицы Востока»

Так назывался публичный дом в Токио. В его огромном, сверкающем изящной отделкой, демонстрационном зале, словно райские птички в золотой клетке, отсиживались молодые женщины. Их было много, может быть, около ста. Не одинаковые по своей красоте и характеру, да и в одеж-

дах-то самых разных, они сходились лишь в одном — в выпавшем на их судьбу занятии. Сюда являлись мужчины и, отобрав приглянувшихся, удалялись наверх, в номера. Это была торговля женщинами. Самая бойкая торговля в Токио. Конечно, не каждая из них пользовалась одинаково богатым спросом. Особо, конечно, ценились первые красавицы. Как лучший товар, они всегда оказывались нарасхват. У них не было отбоя от токийских буржуа и чиновников. Менее красивые стоили подешевле и не так уж часто, как те прелестные красотки, передавались из рук в руки. Но с тех пор, как сюда повадились ходить напористые красавчики из «Молодых офицеров», им тоже не стало покоя. Торговля в этом заведении приняла самый широкий размах. Женщины уставали и в минуты передышек, не помня себя, валились с ног. Но еще тяжелее для них оказывалось пробуждение. Чувствовали себя отвратительно. От ядовитого алкоголя, от едкого табачного дыма, от всего выпитого и выкуренного, от изнурительных танцев и объятий. Но об этом приходилось забывать. Нельзя было выдавать себя. Надо было вставать и снова приниматься за каждодневное свое занятие, за очертевшую эту работу. Так и жили они, улыбчивые, стеснительные на вид гейши — гордость империи. Нередко их выводили на сцену театра и устраивали помпезно-феерический показ, и это служило прекрасной рекламой.

Театр располагался под самым боком «Красавиц Востока» и отличался откровенно-эротическим репертуаром. Насмотревшись здесь всякого, разгоряченный зритель, бывало, заворачивал после представления к красавицам Востока и становился потом их постоянным гостем. Собственно, и театр носил это же название — «Красавицы Востока». Здесь и проходил съезд группы «Воинствующих ученых». Перед его открытием на сцену вывели самых привлекательных актрис и девиц из соседнего заведения. Участники съезда, конечно же, поняли, что означает такая демонстрация. Как бы предлагалось: «Просим заранее подавать свои заявочки». В зале, среди этих не то ученых, не то военных, возникло приятное оживление, и они потом еще долго де-

лились впечатлениями, оценивая и распределяя между собой каждую красавицу. А один из них, делегат из Осаки, по видимому, боясь, что его опередят, побежал в дом «Красавиц Востока», когда был объявлен перерыв.

— Ваша красавица Окей...

Хозяин дома понятливо улыбнулся и сказал вежливо:

— Сожалею, сожалею... Но это невозможно. Она собственность профессора Аве.

Делегат растерялся и все извинялся да кланялся, пытаясь к двери. Группа «Воинствующие ученые» была сформирована из представителей партии «Сеюкай» и организации «Молодых офицеров». Существовала уже два года, выполняя свою программу: она стремилась как можно быстрее начать мировую войну. Не мудрено, что на открытие съезда явился сам адмирал Арахи, идейный вдохновитель и предводитель японского фашизма. Съезд открыл президент группы профессор Аве.

— Азия и война... Вот вопрос из вопросов! Он в головах наших ученых, он на острие наших мечей, он в сердцах всех истинных самураев, — господин Аве энергично размахивал руками и, как никогда, был речист. — Нам сегодня необходимо покончить с этим вопросом...

Токийские газеты развернули крикливую кампанию по освещению работы съезда. Одна из них, газета «Страна восходящего солнца», опекаемая известным лидером партии «Сеюкай» — Ломомото Тейдзиро, перефразировав название группы «Воинствующих ученых», вынесла в аншлаг первой полосы звонкий лозунг — «Да здравствует союз меча и науки!».

Огромной сенсацией явилось выступление на съезде профессора Дойхары с докладом «Мимикрия и Япония». Сразу же зашумели, загремели на все лады газеты, вознося его до небес и «украшая» свои страницы портретами этого человека. Не обошлось, конечно, и без профессора Аве. Он дал яркое интервью токийскому корреспонденту берлинской газеты «*Berlinertagblatt*», которое напечатали все германские газеты. «Дойхара — ярчайшая звезда, засверкавшая на небосводе наук нашей великой империи. Она, как

Полярная звезда, служит верным компасом для всех заблудших», — заявил господин Аве.

Профессор Дойхара был генералом в отставке. Неизвестно по какой конкретной причине вдруг «запнулась» его военная карьера, но правда то, что он не выдержал напора арахистов — сторонников адмирала Арахы. Их влияние в армии усилилось, и в последнюю мартовскую реформу генерала Дойхару вынудили оставить пост. Но, уйдя в отставку, он тут же ринулся в науку. Профессором он, конечно, не мог стать, да и не помышлял об этом, хотя теперь все газеты в один голос кричали о нем как о видном ученом, имеющем профессорское звание. Случай в общем-то курьезный. Видать, после его нашумевшего доклада кто-то, азартно аплодируя ему; случайно назвал его профессором, а это тут же подхватили газетчики, ну и завертелось-закрутилось...

Однако, вернемся к докладу. Почему Дойхара заговорил о мимикрии? Какое он, сугубо военный человек, имел отношение к этой науке? Оказывается, в молодости, обучаясь в Оксфордском университете, он слушал лекции самого Паултона, знаменитого исследователя в области мимикрии. Всего пять-шесть лекций, но они так запали ему в душу, что Дойхара питал к этой науке особые чувства даже тогда, когда, оставив университет, занялся военным делом.

Мимикрией называют способность к подражанию, существующую в мире растений и животных, их умение не только приспособливаться, но и подделываться под окружающую среду, копировать друг друга с тем, чтобы отвлечь бедствия или, наоборот, привлечь внимание. Меняя окраску, форму, запах и вызывая этим сходство с другими растениями и животными, какими-то предметами, они стремятся сохранить себя в борьбе за существование.

При Дарвине еще не велись широкие исследования в области мимикрии, но даже отдельные примеры, представленные Вецем и Уоллесом, казались ему значительными. Мимикрия как наука, можно сказать, получила признание при Менделе и даже именовалась в свое время менделизмом. Многое изучил и Паултонн. Известна, к примеру, его

классификация мимикрической окраски у мелких животных и насекомых. По этому признаку, то есть по окраске, он разделял их на три вида.

Первое — когда они, скажем, могут сливаться с серым пейзажем пустыни, с зеленью трав, с яркой пестротой цветов, белизной снега и т. д. Такая окраска, которая служит для маскировки живых существ в окружающей их местности, была названа апотетической.

Второе — такая схожесть в окраске, когда одно существо как бы принимает личину другого, имитирует его. Это — псевдоапосемитическая, иначе говоря, подражательная окраска.

В первом случае, при апотетической окраске, животное получает возможность не стать добычей врага благодаря своей «одежде», окрашенной под цвет его места обитания. Во втором случае, при псевдоапосемитической окраске, можно отвести от себя гибель, «накинув одеяние» другого животного, у которого, скажем, «отвратительный вкус мяса» или «резкий, дурной запах». Третье — это когда живые существа, имея апосемитическую окраску, действительно несъедобны. Они тоже меньше подвержены опасности. Рассуждая таким вот образом о борьбе за существование в естественной природе, профессор Дойхара пришел к выводу о том, что все народы, и, конечно, в первую очередь японцы, чтобы не оказаться чьей-то добычей, сами должны всячески стремиться стать пожирателями. Говоря о предполагаемых жертвах Японии, Дойхара делит все государства мира на две части:

- Апосемитические государства.
- Псевдоапосемитические государства.

Первые: «несъедобные, с горьким и жестким мясом» — такие государства, как Германия и Италия. Их трогать не нужно.

Вторые: «пригодны для желудка и даже безусловно подлежащие поеданию». Это те страны, которые, проявляя хитрость и уловку, «накинули на себя шубы первых государств». Этим они ввели в заблуждение простачков-японцев, поверивших в то, что они и вправду несъедобны. Об-

манутая Япония должна ликвидировать эту глупую ошибку, повергнуть их и как следует насытить японцев.

В заключение выступил адмирал Арахи. Он поставил чрезвычайно важную задачу — немедленно начинать большую войну, назвав главным врагом Советский Союз. Для этого, сказал он, власть в Японии должна перейти в руки партии «Сеюкай» и «Молодых офицеров».

— В знойных степях Азии выгорели травы, пыль поднялась столбом, растрескались от засухи земли. Их необходимо напоить кровью, — сказал Арахи. «Воинствующие» ученые, выкрикивая, аплодировали ему стоя.

Бывший секретарь короля химии Момодзо примчался в дом сестры. Увидев брата, она вспыхнула было в гневе, но его взволнованный, интригующе-сбивчивый рассказ насторожил ее. Ничего не понимая, она с опаской поглядывала на дверь спальни, откуда выплыл вдруг сам король химии.

— Ты говоришь о Кувяси?.. Об этом физике Кувяси? — довольно потирал руки Тояма.

Момодзо лишился языка.

Наутро князь Тояма вызвал к себе профессора Аве и рассказал обо всем.

— Теперь ты можешь бросить свою никудышную науку, — захихикал он. — Наши люди уберут профессора Кувяси. Они доставят сюда его чертежи, аппарат, химические элементы для усыпления. Открытое принадлежит мне, понял? Я хозяин аппарата, а его изготовитель — ты. Понял?..

Профессор Аве склонился, пал на колени, обнял ноги Тоямы.

...В ночь следующего дня вооруженные отряды «Молодых офицеров» напали на правительственные учреждения, перебили людей, захватили власть. За стол премьер-министра посадили адмирала Арахи. Ни полиция, ни правительственное войско не оказали сопротивления. К власти пришли фашисты, тотчас заявив о том, что они сторонники мировой войны, быстрого завоевания Советского Союза. Выступили и с открытой декларацией.

В этот же день газеты в разделе мелкой хроники сообщали о том, что на окраине Токио, в кювете, был обнаружен труп профессора Кувяси. О его аппарате не было ни слова.

Встав во главе правительства, Арахи приложил все силы к осуществлению своей программы. Немедленно начал войну с советским государством.

Японский император только вчера подписал декрет о всеобщей мобилизации, а уже прошло пять дней, как японские самураи заняли Улан-Батор. Столько же дней уже находились на военном положении города Хабаровск, Владивосток, Иркутск.

Командующий японской армией адмирал Арахи, отвечая на вопросы военного корреспондента газеты «Polkice Be-lovaxtr»^{*} твердо заявил:

— Мы не остановимся, пока не достигнем Уральских гор. Вся эта территория будет принадлежать Японской империи.

Но, нарушив границу Советского Союза, армия самураев не смогла продвинуться ни на шаг вперед. Самолеты империи, наткаясь на артиллерийскую завесу, пугливым вороньем разворачивались назад. Не всем, правда, удавалось уйти. Некоторые так и оставались на границе, уткнувшись мертвым клювом в землю.

Несмотря на это, в Токио продолжали бить в победный набат. С того момента, как был взят Улан-Батор, японские газеты взахлеб шумели об этом, воздавая хвалу военачальникам.

Одна из приближенных к правительству газет напечатала текст «Нового молитвенника», состряпанного духовными отцами и воротилами капитала. «Всевышний желает и повелевает, — говорилось в нем, — чтобы все земли до Урала были отведены под присмотр империи». Верховная буддийская церковь закрепила своей печатью текст мо-

^{*} Вероятная опечатка в тексте. Очевидно, имелась в виду нацистская *Völkischer Beobachter* (Прим. сост.).

литвенника и обязала каждого изучать его вместо прежнего.

В честь захвата Улан-Батора токийские толстосумы дни и ночи напролет устраивали банкеты, восхваляя силу острого меча самураев. А князь Куваяси взялся публиковать свои дневники 1930 года, выставя себя «святым провидцем» на основании того, что уже тогда он якобы писал эти пророческие слова: «В будущей войне Японии суждено завладеть Улан-Батором, а потом взять и страну Советов».

Газета русской белогвардейщины в Токио за эти пять дней успела уже выкинуть на свои страницы целый роман, сенсационно расписывающий подробности оккупации Улан-Батора. Его автор, бывший баловень аристократических салонов Петербурга, а ныне швейцар одного из кабаков в Токио, восхваляя самураев, наделяет их не только воинской отвагой, но еще и какими-то особыми сексуальными способностями, от чего вроде бы стали просто с ума сходить монгольские женщины в Улан-Баторе.

Ох, какие интриги и козни строят, к примеру, десять юных красавиц-монголоков, чтобы завладеть одним японским офицериком, к которому они воспылали прямо-таки бешеной страстью. Обо всем этом писатель-эмигрант пишет упоительно-смачно, забыв о том, что всегда выставял себя «горячим патриотом» царской России, а не японской империи.

Одна старая дева из Осаки, за свои сорок девять лет не узнавшая мужской ласки, вспорола себе руку и, наполнив кровью сосуд, отправила его адмиралу Арахи. «Окропи ею свой самурайский меч, — просила она, — и тогда ничто не согнет и не остановит его победного взмаха. Это — кровь святой девы, к которой никогда не прикасался ни один мужчина».

Но ни «святая кровь», ни фанатичные заклинания старой девы не возымели силы, и все, кто рвался, ощерясь, к Владивостоку, Хабаровску и Маньчжурии, отлетали назад, навсегда охлаждая свой злобный пыл в студеных водах Амура и Уссури.

Адмирал Арахи не сомневался, что и на этот раз, как и в русско-японской войне 1904 года, все российские корабли будут потоплены. Распираемый гордостью, он ходил как пузырь, уверенный в том, что сможет развернуть грандиознейшее морское сражение, которое по крайней мере не уступит Цусиме.

И вскоре же, седьмого августа, вблизи порта «Советский», что в двухстах милях от Владивостока, словно черные морские чудовища, замаячили японские военные корабли. Три тяжелых крейсера многотоннажного водоизмещения и еще устрашающего вида авианосец. В какой-то едва уловимый миг с его площадки взмыли вверх 12 самолетов и понеслись к порту. Секунды, минуты и... бомбежка. Переполох в городе, паника среди мирных жителей. Кто же мог ожидать такого вероломства?..

Произошла заминка, но уже через минуту, оторвавшись от берега, устремились навстречу врагу в открытое море три легких крейсера и два эсминца. Шли они быстро и маневренно сквозь шквал японских снарядов. Не попадая в цель, снаряды взрывались рядом и, жутко ухая, вздыбливали в небо горы воды, тяжелой лавиной бросая ее на палубы кораблей. И все же какой-то снаряд угодил в крайний крейсер и он, пылая огнем, развернулся к берегу.

Выбив из строя советское судно, японцы усилили обстрел гаваней, в темпе надвигаясь на порт. Но неожиданно из глубин портового города взметнулись ввысь 20 стальных птиц и, не обращая внимания на атаку японских самолетов, минуя их, ринулись на бойко идущую морскую эскадру. Сбросили бомбы, и разверзлась морская гладь... Закипело, забурило, как в адском котле. Один из самурайских крейсеров завертелся как ужаленный и, запрокинув кверху нос, пошел камнем на дно.

Ограждая эскадру от русских бомб, летчики-самураи повели свои крылатые машины вниз, строча оттуда из пулеметов по советским самолетам. Завязался открытый, накаленный до предела воздушный бой. Надсадный рев моторов, пальба, грохот взрывов, яркие вспышки пламени и длинные шлейфы черного дыма... Вот юркий ястребок сбил

сразу двух японских бомбовозов, а вон в страшном лобовом таране столкнулись два противника и, вспыхнув, как пороховые бочки, тут же исчезли в морской пучине. С японского авианосца взлетели еще пять-шесть самолетов и, не ввязываясь в бой, напали на порт, бомбя радиостанцию, дома, склады и береговые укрепления. Нужно было срочно спасать город, и нашим самолетам пришлось немедленно разделиться на две группы.

Не менее жаркие события разворачивались на воде. Советскую эскадру подкрепили еще два портовых крейсера. Японцы начали было терять в силах, да вдруг возликовали: в открытом море, откуда ни возьмись, «выросли» новые корабли. Пришла вторая эскадра. Она открыла сильный артиллерийский огонь. Более того, с новых авианосцев поднялись еще 20 самолетов и железными птицами закружились в воздухе. Советской эскадре пришлось туго. Она начала в спешном порядке отходить вниз, в сторону Владивостока. Не оставалось никакого сомнения в том, что враги вот-вот возьмут порт «Советский».

Однако случилось непредвиденное. Японская армада вдруг остановила свое «триумфальное шествие», когда с двух ее сторон громадными чудовищами всплыли из морских глубин две советские подводные лодки. Они торпедировали эскадру, и это, конечно, резко изменило ситуацию, особенно, когда на виду у самих японцев начал позорно и беспомощно западать на бок крейсер «Асахия-крен» — краса и гордость японского флота.

И еще одно, совсем уже неожиданное обстоятельство, которое и вовсе свело на нет весь воинственный пыл врага. Со стороны Уссурийских гор, закрывая голубое небо, яростной тучей неслись около 200 боевых гидропланов... Японские самолеты, как растревоженная птичья стая, разлетелись в разные стороны. Уходили в панике и боевые корабли, нагоняемые сверху быстроскрылыми советскими истребителями.

Японский флот двинулся на Владивосток. Пошли двумя мощными лавинами: одна — из Хоккайдо через пролив Сангара, другая —прямоком через Корейский против.

Операцией командовал адмирал Уланага. В пути, у пролива Лаперуза, он подобрал уцелевшие судна двух эскадр, улепетывавших без оглядки от порта «Советский» и, незаметно для эскадр советского Тихоокеанского флота, под укрытием крупных волн, вышел на большой морской путь. Теперь до самого Владивостока ему — никаких помех Зато прошедшие мимо эскадры Тихоокеанского флота столкнутся там, позади, с громадной силой, идущей из Хоккайдо. Столкнувшись, вынуждены будут пятиться в узкий Татарский против, где невозможно двинуться и развернуться. Тут им и крышка, здесь будет могила русского флота.

Такие прогнозы строил адмирал Уланага. А сейчас, получив радиogramму о том, что поблизости нет противника, полным ходом шел на Владивосток.

Но информация оказалась ошибочной. Под водой незримо дежурили наши подводные лодки. Получив нужные сведения, они уже два дня вели наблюдения, поджидая выхода японских кораблей из Корейского пролива. Наконец они появились. Дав им возможность вытянуться на открытом просторе, две подводные лодки пустили по одной торпедой. В стройном ряду линкоров начался разброд. Два судна, «Како» и «Пуко», с перебитыми от торпедного удара «ребрами», стали сразу же «захлебываться».

К месту происшествия примчались эсминцы. Рыская, как ищейки, кидаясь по сторонам, они разбрасывали донные мины. Но это уже было бесполезно, потому что давно уже простыл след наших подводных лодок, которые, выполнив поручение, исчезли в нужном направлении.

Через полчаса адмиралу Улане доложили, что уж теперь-то наверняка нет никакой опасности. Тогда он отдал команду повернуть флот к ближайшей гавани Лизан. Адмирал решил перестроить и переориентировать некоторые дивизии и флотилии, создать усиленную патрульную группу.

Японские эскадры, взявшие курс из Хоккайдо, уже давно миновали пролив Сангара и шли безостановочно, не сбаывая хода. 9 августа они заняли удобную позицию в 350 милях от Владивостока, в верхней его части. Обосновав-

шись, выбросили вперед разведывательную авиацию. Но она сразу же натолкнулась на советские самолеты. Скрыться и избежать сражения не удалось. Часам к пяти незначительная вроде бы стычка превратилась уже в настоящую воздушную баталию, в которой участвовало, пожалуй, более 200 самолетов. Загорались, взрывались, дымились, разлетались в щепки, тонули.

При такой горячей ситуации утке не было никакого смысла стоять и кораблям, затаившимся за высоким мысом. Грозно задвигались и пошли в ход крейсера, эсминцы, линкоры. Заработали большие и малые пушки. Океанский участок в какой-то миг превратился в крошечный ад. На первых порах советская сторона понесла некоторые потери. Но расположение ее кораблей, оперативность, маневренность, продуманность и стройность рядов сделали свое. К тому же подошла подмога со стороны Татарского пролива, и вскоре вся японская армада, кинувшаяся единой огромной машиной, оказалась в окружении, упустив возможность для развернутых действий.

Адмирал Уланага, услышав канонаду отдаленного боя, отдал срочную команду выходить из гавани Лизан и идти на подмогу. Но не тут-то было. Флот Уланага уже давно находился под прицелом нашей дальнобойной береговой артиллерии. Сделать сейчас шаг в ту сторону, где разыгралось сражение, означало бы неминуемую гибель под тяжелым градом снарядов.

Уланага вне себя от гнева приказал разворачиваться и уходить вглубь с тем, чтобы прибыть к месту военных событий в окружную. Но и из этого ничего не вышло. Дорогу преградили появившиеся откуда-то эскадры советского Тихоокеанского флота. Уланага тоже оказался в капкане. За спиной — в упор глядящие дула пушек береговой артиллерии, перед носом — превосходящий в силах боевой флот.

Только теперь адмирал Уланага сообразил, что ошибся в своих расчетах, тактических планах и прогнозах. Если кто-то осмелился бы сказать ему раньше, что Советский Союз имеет прекрасный флот, столько различных кораблей, которые просто-напросто могут наводнить море-океан, он, ко-

нечно, ни за что не поверил бы и даже рассердился подобным рассказам. Но он увидел своими глазами. Он убедился. Он недооценил силы и ум противника, а это самое страшное в любом сражении, особенно в морской битве.

Адмиралы Арахи, Уланага, да и все арахисты, считавшие, что для них это будет, так сказать, «легкой морской прогулкой», поскольку-де, «это ведь известная Россия со своими надменными тупоголовыми адмиралами», на сей раз глубоко просчитались и жестоко поплатились за это. Второй Цусимы не удалось увидеть. Да ее и не могло быть, потому что арахисты-самураи не учли одного — обновляющего хода времени, не поняли того, что нет более «той», а есть другая — Советская Россия.

Все это для Уланаги в данной ситуации не имело существенного значения, хотя его мысль и работала лихорадочно. Ему надо было спастись, каким-то образом выбиваться из окружения и уцелеть. Он чувствовал, что это потребует невероятных усилий и больших жертв. Так оно, конечно, и случилось.

Громадные корабли, осыпаемые со всех сторон снарядами, как ошалелое стадо диких слонов, «давя» друг друга, рвались из огненного кольца, из этой смертельной ловушки. Сражение действительно получалось грандиозное. В театр военных действий превратилась огромнейшая территория — вся линия от Владивостока до Сангарова пролива.

Вскипало и горело море, взрывалось и полыхало небо. Многие самолеты и морские суда канули в бездну. Потерь было немало с обеих сторон. Из последних сил выбивался Уланага. Ему все-таки удалось вырваться из тисков, удалось соединить жалкие остатки разбитых эскадр и уйти к спасительным берегам Кореи. Но это было поражение. Явное поражение всего огромного японского флота.

14 августа командующий Тихоокеанским флотом рапортовал Маршалу Советского Союза об уничтожении основных сил противника, нарушившего морские границы нашего государства, и о полном изгнании его уцелевших частей с советской территории.

Это страшное событие произошло сразу же после поражения японского флота. Красная Армия показала свою силу интервентам. На суше, на воде и в воздухе. Японцы бежали. После этого на фронтах, где происходили ожесточенные бои, дня два-три стояла удивительная тишина, и не было никаких происшествий. А наутро четвертого дня... вся Краснознаменная наша армия, сосредоточенная у границ Дальнего Востока, в течение одной секунды погрузилась в глубокий сон. Что-то странное происходило с войсками. Голова в каком-то дурмане, ноги будто налились свинцом, вмиг отяжелело все тело, и... моментальный гипнотический сон. По всей линии фронта не осталось ни одного человека, которого не охватило бы это страшное состояние. «Нетронутым», правда, оказался небольшой штаб в одной деревушке. Она, видать, не попала под влияние этой таинственной усыпляющей волны, посланной вдоль линии фронта.

Прошло всего три дня, как инженер Толепов прибыл на Дальний Восток, чтобы испытать в военных условиях свое изобретение — аппарат, предназначенный для управления на расстоянии движением любых видов машин — самолетов, автомобилей, танков, поездов, кораблей и т. д. Аппарат мог «распоряжаться» ими как угодно — двигать вперед, назад, в стороны, если нужно, то и останавливать, заглушая их моторы. Вместе с Толеповым приехал и академик Вознесенский — как член комиссии по испытанию аппарата.

Ультра-луч, пущенный японским профессором из Токио, за секунду достиг границ Советского Союза и усыпил на своем пути всех, не коснувшись лишь академика Вознесенского и инженера Толепова. Именно в эту секунду, когда действовал луч, они, промчавшись на ракетоплане над Японией, приземлились в деревушке у границы.

Академик почувствовал себя плохо. Легкое головокружение, вялость, озноб. Толепов отвел его в спальню и уложил под одеяло. Вернулся в лабораторию. Принялся было за работу, как распахнулась дверь и влетели четыре японских офицера. Злые глаза, невозможно-черствые лица, в

руках оружие. Инженер Толепов понял, что в живых ему не остаться и начал быстро-быстро говорить в стоящий на столе микрофон:

«Какой-то японский ученый усыпил всю Дальневосточную армию. Завтра собираются направить луч на Москву, Донбасс и на другие крупные города Советского Союза. Они хотят захватить, задушить нашу Родину. Я инженер Толепов, сын страны Советов и до последней капли крови...»

Японцы с изумлением смотрели на Толепова, не понимая, что он говорит и кому говорит, но на всякий случай стукнули его по голове прикладом винтовки. Потом связали руки-ноги, полоснули ножом по сонной артерии, подсоединив к ней небольшой диковинный насос.

Инженер Толепов умер. Но слова, которые он успел сказать, уже звучали в эфире, извещая весь мир о надвигающейся опасности.

Академик проснулся. Уже не было того гнетущего состояния. Чувствовал себя легко и бодро. Но, оглядевшись, встревожился. «Что за тишина, где Толепов?..» Соскочив с постели, кинулся в лабораторию.

Связанный, недвижно лежащий инженер. Насос, огромная склянка с кровью... Академик покачулся, схватился за сердце, припал к инженеру.

— Рахмет! Что с тобой, Рахмет?! О-о, что я скажу Лизе, Рахмет?! — академик заплакал. Ему казалось, что он теряет рассудок. «Аппарат... Где же аппарат?» — бормотал он, обнимая и ощупывая Рахмета.

После успешных испытаний экспериментального аппарата, Толепов по приказу командарма спрятал его, и никто, кроме самого Рахмета, не знал, где находится сейчас эта радиоуправляемая машина инженера Толепова.

Приподнявшись, академик подтянул к себе со стола изящную коробочку. В ней находился «Автожектор» — миниатюрный аппарат, стимулирующий работу сердца, даже заменяющий его. Машина-сердце.

Внешне спокойный, он действовал неторопливо и четко. И все же, это скорее всего были неосознанные, интуитивно-машинальные движения под влиянием лишь одной,

неотступно-навязчивой мысли: Рахмет должен встать и как можно скорее найти свой аппарат, чтобы спасти мир от самурайской напасти. Он привел в движение «Автожектор», подвел отходящую от него прозрачно-тонкую трубочку к поврежденной артерии Рахмета и аккуратно соединил их. Потом прилег рядом и без промедления сделал скальпелем надрез на своей сонной артерии, моментально «подключив» ее к «Автожектору» и автонасосу. Было что-то жутковатое и неестественное во всем этом, но «операция оживления» началась. Пульсирующая кровь академика вливалась в еще неомертвевшие, эластичные сосуды инженера Толепова. Минут через пять шевельнулись его посилившие губы, дернулись веки. Спустя какое-то время заработало сердце, наладился пульс, легкие наполнились воздухом, и Рахмет устало вздохнул, провел ладонью по лицу, словно снимая остатки болезненного напряжения и поднял голову. Увидев обескровленного, безжизненного академика, вмиг понял все...

Академик Вознесенский погиб. Не размышляя о смерти, не думая: «Надо умереть или не надо?..» Его не охватывало чувство обреченности, не испытывал он никакой, даже мимолетной слабости. Только отчаянный крик и беспокорство: неужели самурай, неужели враг?.. Это и заставило его лихорадочно думать об аппарате Рахмета, так необходимом именно в этот час. Конечно, у него и самого было немало умных и интереснейших машин — различных самолетов, а еще и ракетоплан, который за мгновение мог долететь до Луны и вернуться обратно. Над этими машинами еще нужно было работать, совершенствовать, идти дальше, но... Но сейчас для него была важнее и дороже не его работа, не его жизнь, а дела и жизнь его страны, всего народа, оказавшегося в чудовищной беде. Потому академик Вознесенский не раздумывал, да и не мог раздумывать: идти на смерть или нет. Он исполнил свой долг.

Да, Рахмет понял все и, не теряя ни секунды, перевязал рану на шее, с болью взглянул на академика, обнял его и помчался в штаб. Там он узнал с радостью, что живущие в приграничной зоне колхозники, заменив усыпленных крас-

ноармейцев на их боевых постах, стояли твердо, не уступая позиций. И уже минут через десять, получив особо важное задание, Рахмет сел в ракетоплан и, повернув его в сторону Тихого океана, растворился в затянутом тучами пасмурном небе.

«В ход пущено неведомое и грозное оружие. Оно — в руках кучки агрессоров... Красная Армия на Дальнем Востоке уже усыплена...»

Это страшное сообщение в одно мгновение облетело всю территорию Советского Союза. Всколыхнуло, взбудоражило народ, смерчем пронеслось с востока на запад и с севера на юг, содрогнуло древние Уральские горы, взволновало Каспийское море, гулким эхом отозвалось в седых горах Кавказа. Через бурлящие воды и камни-валуны, сквозь лесные чащобы и бесконечные льды, через горные вершины, снега и пески пролетала она — эта тревожная весть.

Из областей в районы, из городов в деревни, с заводов на шахты, через сердца тысяч и тысяч людей прошла эта тревожная весть.

Страшным по своей абсурдности смыслом была наполнена эта злая весть, которая оглушающим громом прогремела над 170-миллионным советским народом, встревожив каждого.

Вскипая гневом и яростью к врагу, выражая свою готовность дать немедленный отпор любому интервенту, люди выбегали из домов на улицы и площади. Всю ночь полыхали факелы, шли и шли люди. Вся земля на одной шестой части Планеты, казалось, стала похожа на растревоженный улей. За день в Советском Союзе горячей волной прокатилось двести тысяч митингов, как двести тысяч взрывов, слившихся в единую канонаду народного гнева, в единый патриотический порыв, в один грозный возглас: «Пусть только попробуют ступить на порог социалистического Отечества!..»

Со всех уголков Союза в Москву посылались телеграммы. Люди просили разрешения сию же минуту идти на врага. 170 миллионов голосов, выражая чаяния народа, воскликнули разом: «Да здравствует партия!»

В тот день сейсмические станции мира зарегистрировали во всех районах Советского Союза странные колебания, похожие на землетрясение. Кто мог знать, что возникли они от бушующего народного волнения, от возмущенного его голоса: «Мы не отдадим Родину врагу! Встанем на ее защиту! Все до одного!»

На острове Диксон в Арктике уже пятый день куролесит пурга. Пятый день не может из-за нее поднять в воздух свой самолет Герой Советского Союза Молоков. Услышав по радио страшную весть, он и вовсе потерял покой. Тут же направил в Москву телеграмму. Запросил разрешения на вылет. Всю ночь провел в напряженном ожидании. Ему разрешили. Рано утром он сидел уже за штурвалом. Пурга усилилась. Из кабины не разглядишь и носа самолета. Сплошная белая пелена. Лететь пришлось вслепую, споря с гудящей вьюгой. Самолет трясло и лихорадило, швыряло из стороны в сторону, как птицу, взлетевшую против сильного ветра. Самолет мог разбиться. Но Молоков не думал о смерти.

В Москву прилетело двести тысяч приверженцев науки. С одним только желанием, с одной лишь просьбой: быть там, быть у места событий — на Дальнем Востоке.

Весть об усыплении армии на Дальнем Востоке, весть об аппарате профессора Аве обошла весь мир. Буржуазные газеты трезвонили о том, что Советской власти пришел конец. Германский генерал направил хвалебную телеграмму адмиралу Арахи.

Но и рабочие, трудящиеся всего мира не сидели сложа руки. Защищая интересы Советского Союза, они собирались на митинги, отправляли телеграммы. Было много посланий и от японских рабочих, выражавших свою солидарность с Советским Союзом и уверенность в том, что они непременно разделаются с господством капиталистов. В нашей стране каждый человек имел в личном пользовании небольшой одноместный самолет. Он не имел крыльев, похож был на снаряд, развивал огромную скорость, мог взлетать вертикально и садиться в любой местности, даже на воду.

Самолет-амфибия. Набиравшая силу авиационная промышленность после того, как был брошен всенародный клич «Советские люди, садитесь на самолеты !», наладила массовый выпуск таких летательных аппаратов для населения. Стоили они недорого, и управление ими было несложное. И каждый, стар и млад, в короткий срок овладевает летным искусством, как бы приобрел крылья и смог подниматься в воздух.

17 августа в 8 утра Маршал Советского Союза отдал приказ с Красной площади. И уже через десять минут с территории нашей страны взлетели в небо миллионы самолетов.

Женщины, мужчины, рабочие, колхозники академики, писатели — весь советский народ, как один, поднялся на врага. И никакого хаоса-разброда. Полный порядок. Каждый знал свой ряд, свою эскадрилью.

В восемь часов пятнадцать минут самолеты по команде Маршала взяли курс на Тихий океан. Впереди — эскадрилья Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Самолеты, самолеты... Потемнело все небо над Восточной Европой. День превратился в ночь. Если всю эту гигантскую воздушную армаду замыкают самолеты, поднявшиеся в Ленинграде, Мурманске, Москве, Киеве и в Одессе, то в начале ее самолеты, взлетевшие во Владивостоке, Хабаровске, Николаевске, Охотске.

Эскадрилья за эскадрилей, как нескончаемые весенние стаи журавлей. Внизу под ними мелькают то волнующиеся водные просторы Черного моря и Каспия, то снежные пики Кавказа и Памира, то красные и черные пески Средней Азии...

Самолеты, самолеты. Их скользящие тени касаются границ Китая и Индии. Часам к десяти их первые ряды достигли японских островов и вскоре реяли над Тихим океаном над самой Японией. Среди бела дня сумрак, тьма, ночь поглотила всю землю Империи. Самолеты закрыли солнце. Ни один его луч не мог пробиться сквозь плотную завесу электрической пыли, рассеиваемой авиацией. Эта пыль густым туманом заполнила все просветы между летящими самолетами. Сплошная мгла повисла над всей Японией.

Имперский профессор метался в растерянности, видя, что ультралуч его аппарата не может пронзить эту мглу. Он, как и все население Токио, запрокинув голову, со страхом смотрел в черное небо, на фоне которого вдруг вспыхнул и пополз живой электрический текст:

«Мы не хотим из-за кучки империалистов проливать кровь японского народа. Над вами в самолетах — миллионы советских людей. Это на их жизнь посягают капиталисты. Им вздумалось пролить нашу и вашу кровь. Этому не бывать. Японский народ! Вставайте под знамя Коммунистической партии против эксплуататоров! Японские солдаты! Народ Советского Союза протягивает вам руку дружбы. Поворачивайте свои штыки и выходите на борьбу с буржуями!»

Однако это ничуть не смутило арахистов. Готовые на любую авантюру, они кинулись к профессору Аве, требуя навсегда усыпить всех советских людей и отправить их вместе с самолетами на дно Тихого океана. Профессор пытался над аппаратом, но так и не смог привести его в действие. Он не знал, что аппарат берет силу от солнечных лучей, а солнца не было. Миллионы самолетов прикрыли его собой.

К вечеру токийский пролетариат совершил переворот и объявил о том, что власть в Японии переходит в руки народа.

Наутро советские люди приступили как обычно к своим повседневным мирным делам. Кончилась война на Дальнем Востоке.

* * *

Прервалась волна фантастических видений. В лаборатории вспыхнул свет. Взмолнованный академик доставал из кармана платочек.

— А ну-ка, друзья, с чем мы сможем сравнить все это? — сказал он весело и взглянул на Рахмет а.

Мой друг растерялся и произнес смущенно:

— Не знаю... Такое, пожалуй, ни с чем не сравнишь!

Потрясенный Рахмет стоял в глубокой задумчивости и, казалось, никого не замечал вокруг. Да и все мы еще долго не могли прийти в себя от неожиданных впечатлений.

— Неужели, неужели? — бормочет взволнованный академик. — Поднялись все, как один! И какая сила, а! Какая сила! Смогут ли и вправду стать такими наш народ и наша армия? Вы верите в это, друзья?

— Еще бы! — сказали все в один голос.

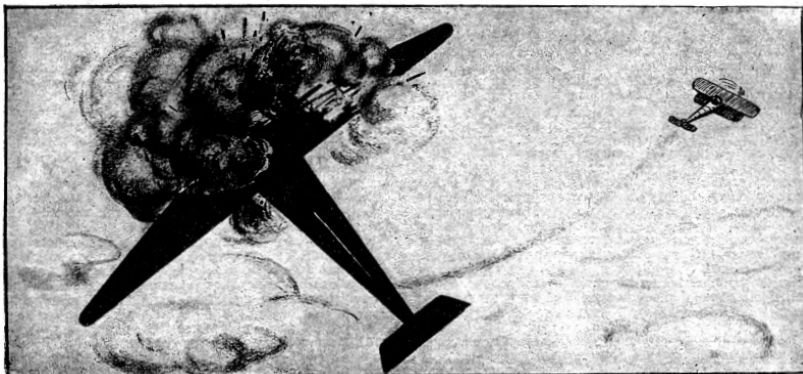
Когда мы прощались и выходили из лаборатории, меня остановила Лиза и шепнула:

— Передай Рахмету, что он позабыл поцеловать меня. Пусть вечером вернется. — Лиза весело рассмеялась.

Евгений Болтин

ОТРАЖЕННЫЙ НАЛЕТ

(1935)

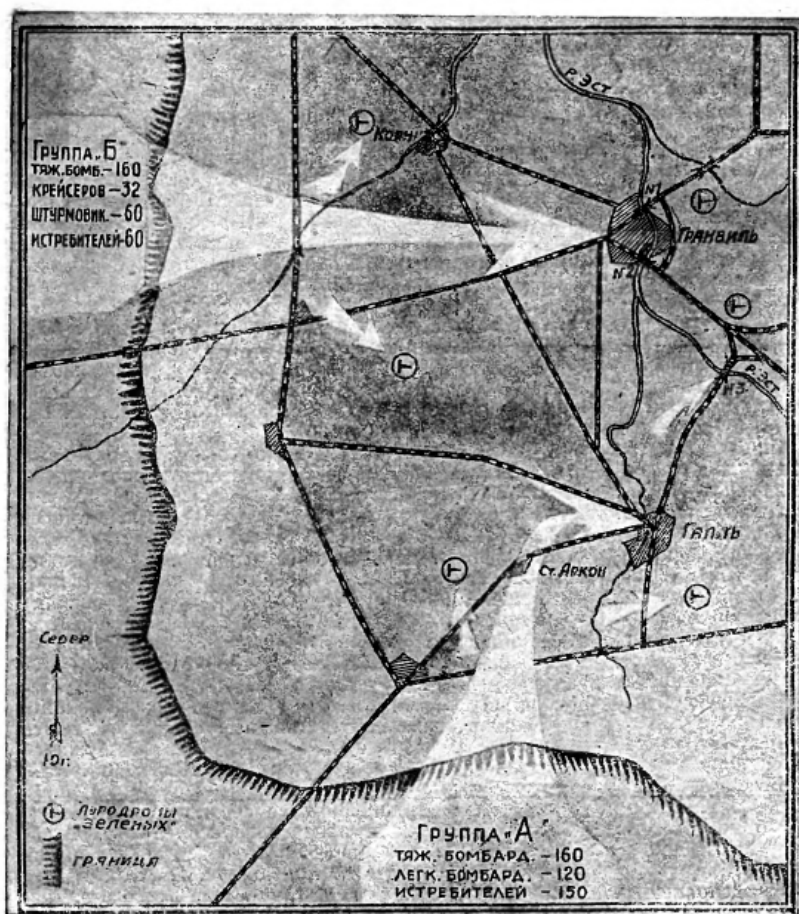
Министр авиации государства «синих» подошел к стене и откинул занавеску, скрывавшую большую схему. Члены Тайного совета повернули головы к схеме.

«Двухсоткилометровая полоса территории «зеленых» от границы до р. Эст может быть занята нашей механизированной армией в 5-6 дней, — говорил министр. — На этот срок важнейшие железнодорожные узлы и мосты противника должны быть выведены из строя. Воздушное нападение — вот единственный способ выполнения подобной задачи.

Наша экспедиционная воздушная армия имеет более 700 самолетов. Зеленые тоже располагают мощной авиацией и значительными средствами противовоздушной обороны. Главное внимание они обращают на оборону ж.-д. узла Гранвиль и расположенных близ него мостов через реку Эст, так как разрушение этих объектов снижает на 70% пропускную способность жел. дорог всей Западной области.

План операции, предлагаемый генеральным штабом и отображенный на этой схеме, в основных чертах сводится к следующему. Наша воздушная армия наносит два удара. Демонстративный удар по г. Галль, попутно разрушая Галльский ж.-д. узел, мост № 3 и ближайшие аэродромы зеленых. Главный же удар мы направляем на Гранвиль, на его ж.-д. узел и мосты.

План воздушного налета, предложенный генеральным штабом „синих“. Наносится два удара. Один демонстративный (А). Он должен ввести „зеленых“ в заблуждение. Другой удар—главный (Б) по городу Гранвилю.

Первый удар наносит группа А, состав которой показан на схеме. Она должна ввести зеленых в заблуждение, заставить всю их истребительную авиацию подняться в воздух и, завязав воздушное сражение, отвлечь врага возможно дальше к югу от Гранвиля. Вот почему в эту группу мы включаем почти все наши истребители. Но в то время, когда авиация зеленых будет связана боем с нашей группой А, группа Б нанесет главный удар по Гранвилю. Ее легкие са-

молеты должны предварительно уничтожить средства противовоздушной обороны зеленых и разрушить их аэродромы. Вслед за этим 160 тяжелых самолетов бросят на объекты Гранвиля 480 т фугасных и химических бомб. Я позволю себе напомнить, что за весь 1918 г. немцы сбросили на Париж всего 11½ т бомб...

План этот может быть приведен в исполнение в ночь с 12 на 13 августа под покровом предстоящих маневров..»

Старинный особняк, расположенный на окраине города Гранвиля, ничем не привлекал внимания редких прохожих. Но если бы обыватель мог проникнуть за бронированную дверь, ведущую из отдаленной комнаты особняка в железобетонную потерну, уходившую глубоко под землю, — его глазам представилась бы неожиданная картина.

В подковообразном зале, задрапированном заглушающей шум мягкой материей, вокруг большого стола с картой, разрисованной квадратами, кружками и цветными линиями, сидело трое военных. Сильный, но мягко отраженный свет ровно освещал комнату. Одну из стен ее занимал матовый экран, по бокам которого поблескивали какие-то циферблаты, указатели и номерники. Вдоль стен, на возвышении, образуя полукольцо вокруг большого стола с картой, были расположены несколько столиков, напоминающих собой пульта управления электрической станции. Рычажки, кнопки, циферблаты, цветные лампочки, телефонные трубки и радиомикрофоны симметрично располагались на покатых поверхностях этих столов.

В этом подземном зале помещался оперативный пункт штаба Западного сектора противовоздушной обороны (ПВО) «зеленых». Сложная аппаратура позволяла автоматически управлять отсюда действиями средств ПВО обширной области государства зеленых, расположенной на запад от реки Эст. Толстый слой железобетона и крепкая броня надежно защищали штаб ПВО от самых крупных калибров неприятельских аэробомб.

Прямо против матового экрана в стену было врезано большое зеркальное стекло, сквозь которое угадывались очер-

тания продолговатой комнаты, уставленной многочисленными приборами, похожими на буквопечатающие телеграфные аппараты. Здесь находился Центральный пост службы воздушного контроля и разведки «зеленых». Донесения этой службы, принимавшиеся автоматическими аппаратами, быстро расшифровывались и обрабатывались Центральным постом и передавались в виде условных изображений, цветных сигналов и цифр на экран, который мы описали выше. Благодаря такому оборудованию личный состав штаба мог непрерывно следить за воздушной обстановкой и ходом событий, графически изображенным на экране.

Обширная Западная область «зеленых» была хорошо подготовлена к защите от воздушного нападения.

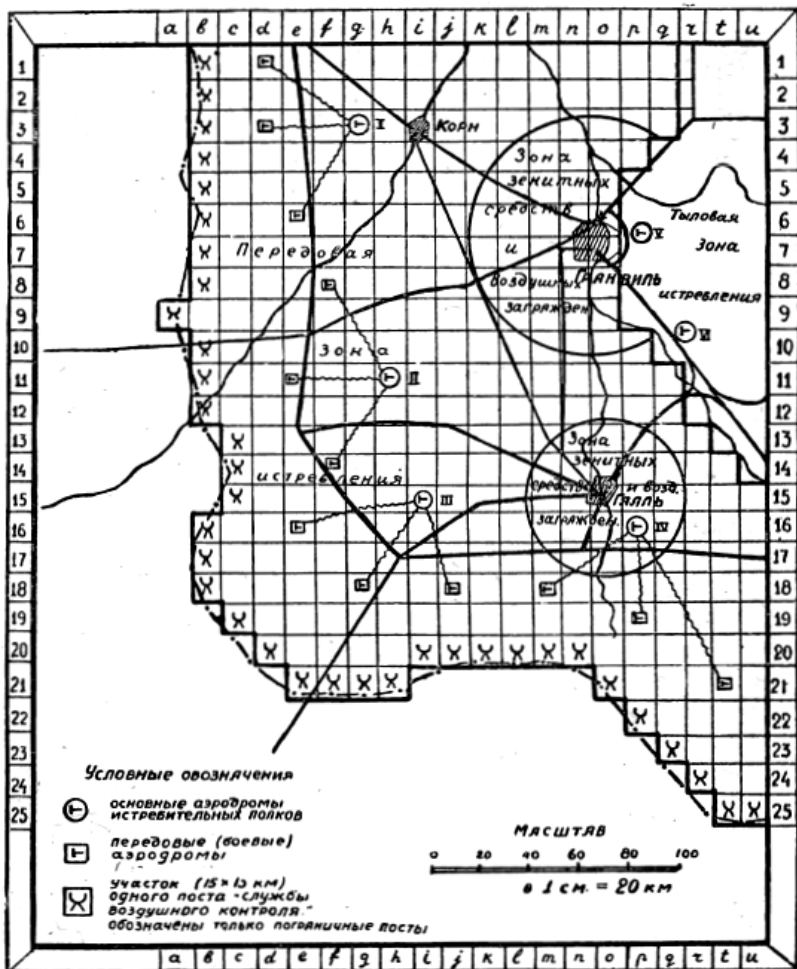
Основу системы ПВО составляла отлично развитая сеть «службы воздушного контроля и разведки». Вся область была разбита на воображаемые квадраты, размером в 225 км². Каждый квадрат имел соответствующий номер и обслуживался одним контрольным постом.

Донесения контрольных постов при помощи специальных радиостанций передавались на центральный пост, описанный выше.

Контрольные посты были оснащены новыми совершенными приборами, устройство которых держалось в величайшей тайне. Эти приборы определяли наличие в их «зоне подслушивания» неприятельских самолетов. Даже самолеты с бесшумными моторами, независимо от высоты полета, безошибочно отмечались прибором, перерабатывавшим неуловимые для человеческого уха звуки в электромагнитные колебания. Отбирая из всей массы звуков только производимые авиационными моторами, прибор автоматически посылал условные сигналы на центральный пост.

Получая ряд таких последовательных сигналов, приемный аппарат центрального поста определял местонахождение, курс, скорость и высоту полета противника.

Построенная таким образом служба воздушного контроля действовала безотказно и почти мгновенно, причем функционировала одинаково хорошо как днем, так и ночью.

Обширная Западная область «зеленых» была хорошо подготовлена к защите от воздушного нападения. (Схема ПВО «зеленых».)

Основной боевой силой западного сектора ПВО «зеленых» была мощная истребительная авиация. Зеленые располагали шестью истребительными полками (по 60 машин в каждом). Четыре из них образовали «передовой район истребления». Эти полки имели одноместные самолеты С-124, каждый из которых был вооружен либо четырьмя пу-

леметами, либо, одной 35-мм скорострельной пушкой, посылавшей в минуту 200 небольших, но обладавших огромной разрушительной силой снарядов. Кроме того, истребители имели легкие (5 кг) дистанционные бомбы, которые они могли сбрасывать на вражеские самолеты. Высокоманевренные истребители подымались на высоту 5 км за 7 мин. и развивали скорость до 400 км в час.

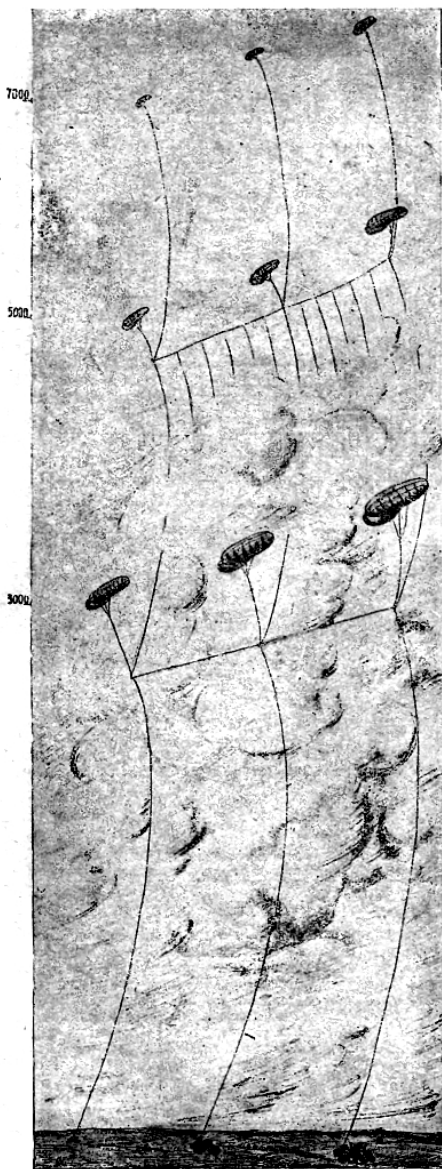
Каждый полк «передовой зоны истребления» мог выбрасывать свои эскадры на сеть хорошо замаскированных боевых аэродромов, расположенных в 40-50 км от границы. Расположение аэродромов было таково, что при любом варианте полета противника истребители могли «перехватить» и атаковать его в 100-км полосе от границы. Наведение истребителей на противника достигалось благодаря непрерывной и точной информации, получаемой от «службы воздушного контроля». Штаб сектора ПВО управлял истребителями по радио. На самолетах командиров звеньев, отрядов и эскадр были установлены приборы, принимавшие радиосигналы штаба. Летчик непрерывно мог читать на циферблате номер своего прибора, номер квадрата и точку, в которой находится противник, курс, высоту и скорость его полета. Зная свое местоположение и скорость своих самолетов, он при помощи того же прибора определял точку встречи с противником и отыскивал его в воздухе.

На случай повреждения описанных приборов управления истребителям помогали «самолеты разведки», располагавшиеся на посадочных площадках близ границы и взлетавшие вслед за противником.

Не вступая в бой, разведчики должны были следовать за врагом, непрерывно донося по радио о его составе, местонахождении и действиях.

Командование «зеленых» с полным основанием считало, что при такой организации своей истребительной обороны любое соединение вражеских воздушных сил, стремясь проникнуть в глубь страны, должно будет принять воздушный бой с истребителями-перехватчиками.

Непосредственная оборона подступов к важным объектам «зеленых», лежащим за 100-км полосой «передового

„Зеленые“ располагали мощной системой аэростатов заграждения. Каждое звено их состояло из трех аэростатов, последовательно прикрепленных друг к другу тонким стальным тросом, совершенно незаметным в воздухе

района истребления», выполнялась зенитной артиллерией, аэростатами заграждения и пулеметами.

Вся зенитная артиллерия Западного сектора ПВО, насчитывавшая 30 дивизионов трехбатарейного состава, была моторизована и обладала средствами радиосвязи. Благодаря этому зенитная артиллерия «зеленых» могла периодически и быстро менять все расположение, и противник встречался зенитным огнем всегда неожиданно.

Батареи зенитной артиллерии имели по три орудия новейших систем. Они стреляли по высоте на 10 км и по горизонту — на 15 км. Эти пушки давали до 30 выстрелов в минуту и управлялись автоматическим прибором-директором, имевшимся в каждой батарее. Прибор этот высчитывал все данные для наводки орудий и автоматически устанавливал пушки при помощи электрической передачи. Та-

ким образом, пушки как бы сами непрерывно следили за целью. Орудийной прислуге оставалось только заряжать их и производить выстрел. Помимо этого, «зеленые» располагали мощной системой аэростатов заграждений. Каждое звено их состояло из трех аэростатов, последовательно прикрепленных друг к другу тонким стальным тросом, совершенно незаметным в воздухе. Части аэростатов заграждения были также моторизованы и могли быстро менять свои позиции. Усовершенствованные лебедки позволяли подымать такое звено на высоту до 7 км в течение 20 мин. Звенья устанавливались в 200-300 м одно от другого и могли, кроме того, соединяться поперечными тросами и свешивающимися концами. Таким образом, дивизион аэростатов, состоящий из 20 звеньев, мог «загородить» в воздухе пространство шириной до 6 км. А «зеленые» обладали пятью такими дивизионами.

Защита важных объектов от низколетящих самолетов осуществлялась многочисленными зенитными пулеметами. Преимущественно использовались крупнокалиберные (15 мм) четырехствольные пулеметные установки, которые могли вести огонь на высоту до 2,6 км. Чтобы представить себе мощь этого огня, достаточно сказать, что пулеметная батарея, состоящая из четырех таких установок, выпускала в воздух 8 000 пуль в 1 мин.

Против бронированных самолетов-штурмовиков употреблялись бронебойные пули, пробивавшие на расстоянии 1000 м стальную броню толщиной до 5 мм.

Помимо перечисленных средств ПВО, непосредственная оборона важнейших объектов «зеленых» осуществлялась еще двумя полками истребителей, составивших так называемый «тыловой район истребления». В отличие от истребителей «передового района истребления» эти полки обладали двухместными машинами СД-2. Они были менее скороподъемными, скорость их не превышала 340 км в час, но зато они были лучше вооружены для воздушного боя.

Пушки и пулеметы этих самолетов могли вести огонь не только вперед (как у одноместных истребителей), но и во все стороны.

Экипажи этих истребительных полков были отлично натренированы в совместной боевой работе с зенитной артиллерией и аэростатами заграждения. Получая приказания по радио от специальных постов управления, расположенных на земле и наблюдающих картину боя, двухместные истребители должны были атаковать врага, уже расстроенного зенитным огнем или столкновением с воздушным заграждением.

Ночью вся зона действия зенитных средств и двухместных истребителей обслуживалась зенитно-прожекторными частями, также моторизованными. Они могли создавать те или иные освещенные зоны в зависимости от того, как группировались все средства ПВО. Мощные прожекторные станции были снабжены усовершенствованными звукоулавливателями, точно засекавшими звук авиационного мотора на расстоянии до 15 км. Прожектор, синхронно соединенный с звукоулавливателем, автоматически принимал диктуемое последним положение самолета и открывал свой луч внезапно для врага, сразу ловя его ослепительной полосой света.

Итак, мы видим, что система ПВО «зеленых» включала в себя как бы три основных звена. Противник, перелетевший границу, подвергался атакам истребителей-перехватчиков еще за 75-100 км от важных объектов обороны. Затем на подступах к этим объектам он попадал под зенитный огонь или наталкивался на воздушные заграждения. И, наконец, выйдя из огня и заграждений, расстроенный и ослабленный, он вторично атаковывался двухместными истребителями. Не забудем, что возвращение было неизбежно связано с прохождением тех же боевых испытаний, только в обратном порядке.

12 августа, за час до восхода солнца, особый авиаотряд «синих» вылетел на разведку. Он должен был установить расположение средств ПВО «зеленых» к западу от города

Гранвиля. Полоса разведки была точно указана. Съемка местности выполнялась при помощи телефотографирования с высоты 5 км. Самолеты этого отряда были снабжены бесшумными моторами. Окраска особым составом делала самолеты почти незаметными на фоне неба...

К 10 час. утра все десять разведчиков вернулись на свей аэродром. Лишь один из них был обстрелян зенитной артиллерией «зеленых», и то безрезультатно.

По мнению командования «синих», это ясно свидетельствовало, что «зеленые» не ожидают нападения и что служба наблюдения за воздухом у них не на высоте.

Фотолаборатории немедленно приступили к дешифрированию привезенных разведчиками аэрофотоснимков. Результаты разведки должны были быть доложены командующему «синей» воздушной армией в 17 час.

Но «синие» ошиблись. «Зеленые» уже догадывались об их планах и готовились к отражению. Разведка была допущена ими вполне сознательно. Они запретили какие бы то ни было дневные передвижения своих войск и оставили на этот день зенитные части на старых позициях. Но вечером позиции будут переменены, авиация разлетится по запасным аэродромам. Противнику его разведка не даст ничего, кроме нанесенных на карты оставленных и ложных позиций.

В то же время «зеленые» узнали, чем больше всего интересуется противник. Маршрут разведки «синих» показал, что их интересовали два вопроса: движение по железным и шоссейным дорогам с востока на запад и расположение средств ПВО и аэродромов «зеленых» в районе Гранвиля и Галля.

Когда вечером 12 августа пришло распоряжение зарядить самолеты полным боевым комплектом, летному составу «синей» воздушной армии стало ясно, что назревают события, значительно более важные, чем маневры. Но «синие» не сомневались в своих воздушных силах: летный состав был тщательно подобран из буржуазной и аристократической молодежи патриотических союзов. Все «не-

надежное» было тщательно отсеяно или оставлено в тылу. Армия была готова «честно» выполнить свой страшный долг.

В ночь с 12 на 13 августа вся Западная область «зеленых» была погружена во мрак. Население привыкло к частым поверкам ночной светомаскировки и не удивлялось темноте на улицах городов и работе на предприятиях при рассеянном голубом свете защитных ламп.

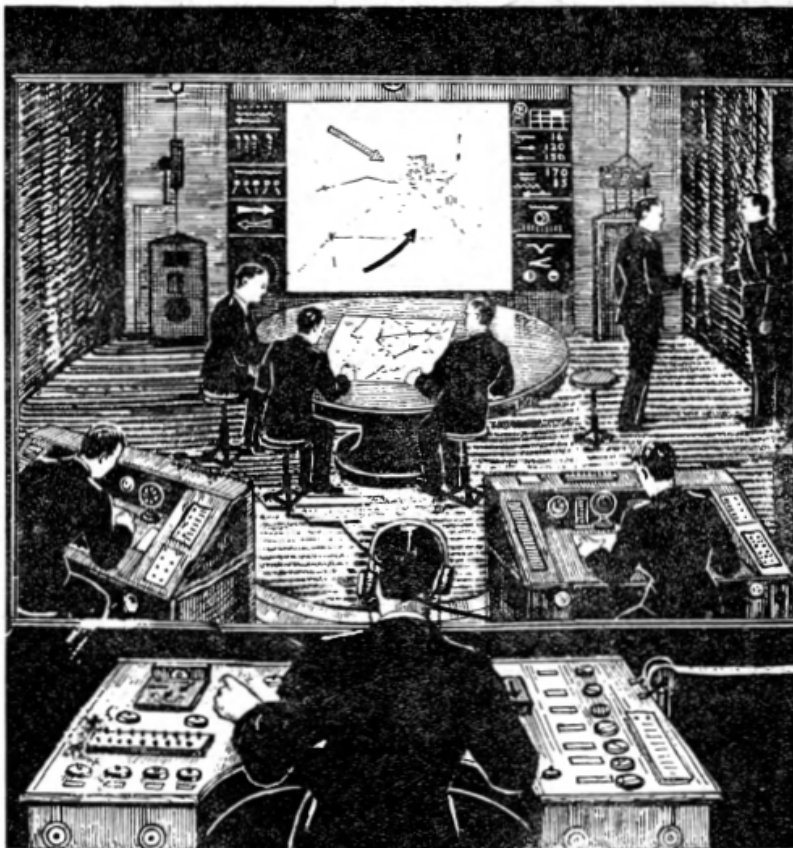
Вся система ПВО была в боевой готовности. Ночь уже приближалась к концу, когда пост воздушного контроля № к-20 донес о мощном отряде воздушного противника, перелетевшем границу и направлявшемся с юго-запада на Гранвиль. Это была знакомая нам по плану генштаба «синих» группа А, наносившая демонстративный удар.

В оперативном пункте штаба было тихо. Начальник сектора ПВО и его ближайшие помощники — по авиации и артиллерии — следили за экраном, освещенным изнутри. На экране ясно прочерчивалась черная стрелка, обозначавшая курс полета «синих», и красные стрелки шедших им наперерез истребительных отрядов «зеленых». По бокам экрана мелькали, непрерывно меняясь, цветные цифры. Их бег отмечал количество самолетов противника и число групп, в которых они летели, высоту, число километров, отделявших от важнейших объектов обороны, и т. д.

Из данных разведки, передаваемых на экран, штабу «зеленых» было ясно, что группа противника, состоящая из легких бомбардировщиков и большого числа истребителей, как бы искала воздушного боя. Принимать ли этот бой? Вызывать ли в воздух всех истребителей? Не появится ли еще новая, более мощная группа противника?

Взвесив все данные, начальник ПВО «зеленых» пришел к выводу, что следует ждать второго удара, об этом говорило почти полное отсутствие в первой группе «синих» тяжелых бомбардировщиков. И он приказал: всем истребительным частям, кроме находившейся уже в воздухе сме-

ны в 60 самолетов, быть готовыми, но пока не подниматься ...

В оперативном пункте штаба ПВО „зеленых“ попрежнему ровно поблескивал экран. Начальник сектора ПВО напряженно следил за ходом боя. Вдруг черная стрелка на экране внезапно повернула на северо-восток

Черная и красная стрелки на экране непрерывно продолжали сближаться, как вдруг, достигнув дистанции Аркон, противник резко изменил курс и повернул почти на 90° к востоку. В то же время от общей группы отделилось

несколько машин, и новые стрелки лучами поползли по экрану в разные стороны.

— Основные силы группы «синих» нацелены на Галль, остальные, по-видимому, на аэродромы и мосты, — доложил доложил начальник штаба.

— Предупредить зенитную оборону Галля, — приказал начальник ПВО. — Истребителям атаковать и уничтожить отдельные группы противника, не вступая в бой с его главными силами, — продолжал он, обращаясь к начальнику истребительной авиации.

Безупречный план воздушной операции, составленный синим генштабом, дал первую трещину, — «зеленые» не были обмануты демонстративным ударом противника и не бросили на него все силы своих истребителей.

Группу Б воздушной «синей» армии, которая должна была нанести главный удар на Гранвиль, возглавлял сам командарм — воздушный министр. Его флагманский корабль, специально приспособленный для управления авиационным соединением в воздухе, представлял собой летающую радиостанцию. Он держал непрерывно связь с самолетами командиров частей. Кроме того, особый прибор — телевизор, как перископ подводной лодки, позволял командарму видеть в полете всю группу.

Флагманский корабль шел в голове колонны ста шестидесяти многомоторных бомбардировщиков на высоте 5 км. Каждый из них нес по 3 т бомб и был вооружен 10 пулеметами и одной 75-мм пушкой.

Отряды летели в строю ромба, образуя кильватерную колонну, растянувшуюся в воздухе на 8 км. Над головой колонны, на 500 м выше ее, шла эскадрилья истребителей. Впереди и с боков виднелись крейсера — мощные быстроходные машины, отлично вооруженные. Внизу, на фоне земли, резко выделялись проходившие один за другим отряды двух штурмовых эскадрилий, предназначенных для уничтожения системы ПВО «зеленых». Они должны были как бы очистить в ней коридор с запада на восток к Гранвиллю.

Разведчики «синих», высланные на 50 км вперед, держали непрерывную связь с флагманским кораблем командарма.

В этом походном порядке в 5 час. утра группа Б пересекла границу. Вслед за тем штурмовики, пользуясь большей скоростью, ушли вперед для выполнения своей задачи — уничтожить систему ПВО «зеленых». Главные же силы группы должны были лететь в общей колонне до железной дороги Корн-Галль, а оттуда уже разлететься по целям.

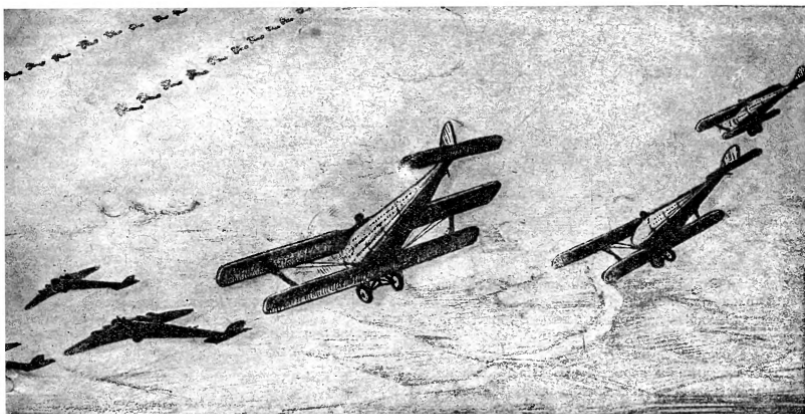
Крейсера и истребители «синих» вступили в бой с «зелеными» перехватчиками.

Командарм нагнулся над картой. Только что полученные донесения говорили, что группа А успешно бомбардировала узел Галль и другие объекты, причем «синим» истребителям удалось уничтожить группу аэростатов заграждения, прикрывавшую Галль. «Зеленые», однако, уклонились от воздушного сражения. Их истребители преследовали лишь мелкие группы легких бомбардировщиков...

Первый истребительный полк «зеленых» поднялся в 4 ч. 5 м. в полном составе в воздух и взял курс на юго-запад. Командир полка знал, что, кроме его 60 самолетов, группу Б «синих» должны атаковать части — II и III полков, еще 90 самолетов. Противник должен быть взят «в клещи» одновременной атакой с трех сторон.

По расчетам командира полка, встреча должна была произойти через несколько минут. В это время он принял радио от командира II полка: «Встретил противника высоте 500 м. Совместно третьим полком атакую его истребителей».

Почти тотчас же он увидел прямо впереди себя, как крейсера и истребители «синих» вступили в бой с зелеными перехватчиками, превосходившими их маневренностью и быстротой, а потому более сильными. Растянувшаяся на много километров колонна тяжелых бомбардировщиков «синих» тем временам спокойно уходила на восток — к Гранвилю.

Тем временем растянувшаяся на много километров колонна тяжелых бомбардировщиков «синих» спокойно уходила на восток — к Гранвилю.

I истребительный полк, развернувшись поотрядно, перешел в резкое пикирование, чтобы атаковать колонну бомбардировщиков снизу. Истребители «синих», отвлеченные воздушным поединком, не могли помочь своим тяжелым кораблям. I истребительный полк, свободно маневрируя, атаковал колонну «синих» бомбардировщиков в «хвост». Треск пулеметов и пушек не был слышен в гуле моторов. Истребители «зеленых» быстро атаковывали, легко уходили из зоны огня бомбардировщиков и вновь нападали на них. То там, то здесь отдельные корабли, подбитые пулями

и осколками мелких снарядов, отставали от колонны и делались легкой добычей истребителей «зеленых».

Бой длился уже несколько минут. Истребители «синих», потерпев жестокое поражение, были рассеяны и частью уничтожены. Одиночные столкновения еще продолжались, когда основная масса машин II и III «зеленых» полков повернула тоже вслед за бомбардировщиками на помощь I полку. Быстро нагнав противника, истребители, не снижаясь, атаковали малоподвижные тяжелые корабли легкими дистанционными бомбами; при удачных попаданиях бомбы наносили корпусу воздушного корабля ужасные разрушения.

Стройная колонна «синих» дрогнула. Не менее двадцати машин было уничтожено, порядок движения нарушен. Между тем приближалась линия разлета. Разделяться под атаками истребителей — значит подвергнуться неизбежному разгрому. Идти дальше по курсу на Гранвиль всей расстроенной массой — значит в дальнейшем перестраиваться под зенитным огнем, граница которого, по видимому, была уже близка... Но истребители «зеленых» должны вскоре выйти из боя и сесть на свои аэродромы, чтобы пополнить заряды и горючее...

Эти мысли быстро мелькнули в голове командарма «синих» и он приказал: продолжать полет всей группой, изменив курс на северо-восток и, дойдя до р. Эст, повернуть к югу на Гранвиль, разойдясь по целям.

Так план операции дал вторую ощутительную трещину...

В оперативном пункте штаба ПВО «зеленых» по-прежнему ровно поблескивал экран. Из донесений было уже известно, что «синие» штурмовики, пользуясь данными своей вчерашней разведки, обрушились преимущественно на ложные позиции зенитной артиллерии и аэродромы, накануне оставленные истребителями «зеленых».

Начальник сектора ПВО напряженно следил за ходом боя своих истребителей с группой Б противника, как вдруг черная стрелка на экране, методически приближавшаяся к

Гранвилю, почти дойдя до внешней границы зоны зенитного огня, внезапно повернула на северо-восток. Противник ясно изменил свой план. Видимо, он хочет сначала кончить бой с истребителями «зеленых» и потому уходит на север. Значит, удара на Гранвиль можно ожидать с севера.

Начальник ПВО принял быстрое решение. Ожидая, что в случае ночного налета противник нападет на Гранвиль с севера, пользуясь рекой Эст, как отличным ориентиром, он вчера вечером приказал выставить воздушное заграждение на северных подступах к городу поперек реки. На день заграждение должно было сниматься. Теперь же оно могло сыграть большую роль...

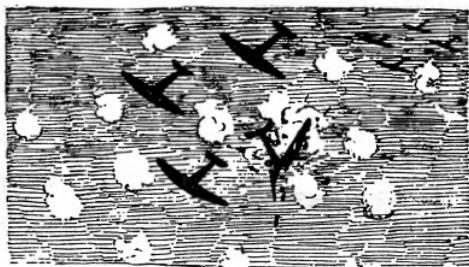
И он отдал приказание поднять заграждение на максимальную высоту.

Одновременно с этим начальник истребительной авиации поднял в воздух полки тылового района истребления, приказав им быть готовыми к атаке над Гранвилем.

Черная стрелка на экране продолжала уходить на северо-восток, приближаясь к р. Эст. Красные стрелки одна за другой поворачивали обратно, это — истребительные части «зеленых», истратив патроны и бензин, шли на свой аэродром. Колонна «синих» бомбардировщиков приближалась с огромной скоростью к Гранвилю.

Под флагманским самолетом «синих» мелькнула полоса р. Эст. Здесь должен был произойти разлет колонны главных сил по целям. Первый, наибольший, эшелон во главе с командиром должен был бомбить ж.-д. узел Гранвиля. Остальные эшелоны, бомбившие мосты, должны были лететь один за другим с промежутками в 3 мин.; на это время они задерживались над местом разлета, маневрируя в воздухе.

На кораблях командиров отрядов штурмана лихорадочно высчитывали боевые курсы для выхода на цели с севера; расчеты, произведенные накануне, пошли насмарку в связи с изменением первоначального плана налета, и точность бомбометания грозила резко понизиться.

На юге горизонт затягивался облаками.

Самолеты перестроились. Первый эшелон лег на курс. Внизу, как узкая стальная дорога, стелилась река.

Внезапно вокруг головного самолета появились белорозовые облачка, напоминавшие крупные хлопья ваты. Облачка быстро исчезали из поля зрения летчиков, оставаясь позади самолетов. Это зенитная артиллерия «зеленых» открыла огонь.

Командир 13-го зенитного дивизиона «зеленых» наблюдал с своего командного пункта за результатами огня.

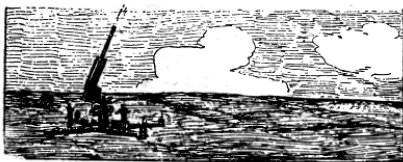
Два дивизиона — 13-й и соседний 14-й — одновременно вели огонь своими шестью батареями по колонне противника.

Восемнадцать разрывов каждые 2 сек. вспыхивали в голове колонны.

Вот один самолет резко повернул в сторону, загорелся и рухнул вниз...

Колонна расстроилась, рассредоточилась поотрядно; отдельные подбитые самолеты отстали, повертывали назад, шли на посадку.

Огонь батарей разделился по разным целям, но не ослабевал.

Расстроенный противник упорно продолжал движение на юг, к Гранвиллю, уходя из зоны огня 13-го и 14-го дивизионов и попадая под первые залпы стоявшего уступом за ними 15-го дивизиона. С севера на горизонте показались самолеты 2-го эшелона «синих»...

Флагманский корабль «синих» нырнул в облака. Зенитный огонь прекратился. Наконец-то!

Командарм вытер вспотевший лоб и взглянул на хронометр: до цели оставалось не более 5 мин. полета.

Вдруг резкий толчок сбросил его с ног. Самолет накренился, корпус его вибрировал. Летчик, по-видимому, делал чудовищные усилия, чтобы не допустить перехода в штопор.

Командарм бросился к окну. Глаза его в ужасе раскрылись: часть правого крыла была срезана, как ножом, крайний правый мотор наполовину оторвался и висел, охваченный пламенем...

— Заграждения! — крикнул кто-то. — Выбрасывайтесь на парашюте, или будет поздно!

Раздался оглушительный взрыв ...

Облака, скрывавшие аэростаты «зеленых», делали воздушное заграждение совершенно невидимым. Самолеты «синих», шедшие уже не узкой кильватерной колонной, а отдельными отрядами, наталкивались на тросы заграждений и гибли. Большинство из них все же прошло зону заграждений благополучно. Но это была уже не сколоченная единым управлением и мощная своей взаимной связью группа, а отдельные машины, управляемые людьми, в чьи сердца закрались страх и сомнение. Некоторые летчики самовольно поворачивали назад, на запад...

В этот момент, когда вдали уже стали видны очертания Гранвиля, два «зеленых» полка истребителей «тылового района истребления» атаковали разрозненные остатки грозной «синей» воздушной армии. Судьба операции была решена.

Вечером 13 августа начальник штаба сектора ПВО «зеленых» диктовал стенографистке оперативную сводку.

«...В итоге налета противником разрушен мост № 3, повреждены 4 аэродрома, выведен из строя на одни сутки ж.-д. узел Галль и нанесены незначительные повреждения ж.-д. узлу и городу Гранвилю. Нами уничтожено 42 истребителя «синих», 19 легких бомбардировщиков, 3 крейсера и 69 тяжелых кораблей. Наши потери — 57 истребителей и две зенитные батареи, выведенные из строя штурмовиками.

Противнику нанесен крупный урон и его воздушную армию в ближайшие дни можно считать небоеспособной».

Читатель вправе спросить: что из изложенного выше просто фантазия автора и что возможная реальность?

Как воздушный флот, так и средства борьбы с ним развиваются гигантскими шагами. Автор описывал средства борьбы, в огромном большинстве реально существующие в той или иной стране, но давал им произвольные технические характеристики. Таковы ли будут эти средства в предстоящей войне, будут ли слабее или сильнее, — трудно ответить на этот вопрос.

Во всяком случае, теперь воздушный флот, сам став грозной силой, будет вынужден считаться с возросшей мощностью противовоздушной обороны там, где последней уделяется достаточное внимание.

И кто знает, не разобьется ли воздушная агрессия какого-либо из империалистических хищников о мощь своего соседа и его умение обороняться?

Но мы показали всего лишь один маленький эпизод предстоящей жестокой борьбы. В нашем рассказе нет одного важнейшего элемента: в нем не приведены в движение массы. А успех любой современной войны в конечном счете ведь будет решать не только военная техника, а прежде всего — классовая борьба пролетариата.

М. Малков

ИСТРЕБИТЕЛЬ-ТАРАН

(1938)

Тишина, царившая на Н-ском аэродроме, была внезапно нарушена резким ревом сирены. Тревога! По радио с пограничных постов сообщили, что несколько неприятельских бомбардировщиков прорвалось через границу...

Не прошло и тридцати секунд после сигнала тревоги, как с аэродрома, взревев мощным мотором, стремительно поднялся остроносый сверкающий самолет. Как молния, пронесся он над аэродромом и ринулся навстречу врагу.

На горизонте замелькали три точки, которые начали быстро нарастать. Приближались неприятельские самолеты. Они несли смерть и разрушение...

Истребитель бешено рванулся на врага и сразу прорвал своим длинным острым носом оперение подвернувшегося бомбардировщика. Тот, беспомощно качнувшись, камнем полетел вниз.

Уцелевшие бомбардировщики открыли ураганный огонь по истребителю. Но огонь представлял стрельбу из пушек

по воробьям. Быстро мчащийся крохотный шмель — плохая мишень для вражеских пушек и пулеметов. На мгновение истребитель пропал в сияющих лучах солнца. Растерявшиеся враги завертелись на месте: где же истребитель?

Но вот снова раздается страшный, оглушительный рев мотора, снова истребитель-таран исчерчивает небо. Внезапно он обрушивается на врага, не дает ему опомниться и рвет хвост второго бомбардировщика. Снова падает наземь изуродованный самолет врага.

А третий? Третий бомбардировщик уже не думает о борьбе. Отстреливаясь, он спешит убраться восвояси. Но нет, отсюда невредимыми не уходят! Самолет-таран разъяренно бросается в атаку на последнюю машину врага. Теперь он протаранивает кабину бомбардировщика. Объятый пламенем, тот фейерверком падает вниз.

Враг уничтожен!

Блестя на солнце крохотными крылышками, истребитель идет на посадку...

Вы прочитали здесь описание воображаемого боя между истребителем-тараном и группой скоростных бомбардировщиков.

Опыт войны в Испании и Китае показал, как велика роль истребителей в борьбе с бомбардировщиками. Однако развитие бомбардировочной авиации быстро идет по пути увеличения скорости, высоты полета и т. д. Новые боевые качества бомбардировщиков усложняют требования, предъявляемые к истребительной авиации. Все труднее на больших скоростях вести огневой бой.

В новых условиях наряду с «огневыми» истребителями может найти свое место и истребитель-таран.

Протаранивание неприятельского самолета практикуется и в современных условиях. Но при этом неизбежно гибнет таранящий самолет, а с ним и летчик. В лучшем случае летчик в самый последний момент выбрасывается на парашюте. При этом он может подвергнуться обстрелу в воздухе или опуститься на неприятельскую территорию.

Каким же может быть истребитель, предназначенный специально для таранения?

Это истребитель, могущий протаранить не один вражеский самолет. Он должен обладать огромной скоростью, значительно превосходящей все возможные скорости бомбардировщиков. Преимущество в скорости позволит самолету-тарану навязывать противнику бой по своему желанию, держать инициативу в своих руках.

Такая огромная скорость, доходящая до 1 тыс. км в час, может быть получена за счет дальнейшего совершенствования аэродинамики самолета. Суровый «режим экономии» вредных площадей (например, поперечное сечение фюзеляжа), придание всем частям самолета плавных, обтекаемых форм, полностью убирающееся трехколесное шасси, полировка броневой поверхности и пр. — все это позволяет повысить скорость самолета.

Для дальнейшего повышения скорости можно было бы применить очень интересный метод реактивной тяги, используя выхлопные газы мотора. Для этого выхлопные газы направляются в особый канал — диффузор и благодаря возникающим там тепловым процессам дают реактивную тягу. Она увеличивается еще подсосыванием воздуха с помощью специального насадка.

По существу мы здесь имеем несколько видоизмененную конструкцию воздушно-реактивного двигателя. Такое устройство дает возможность от 1000-сильного мотора получить добавочную мощность около 250-300 л. с. Вопрос этот еще мало изучен, но можно предполагать, что в даль-

нейшем, после того как будет найдена наиболее выгодная внутренняя форма канала, можно будет «снять» дополнительную мощность значительно большей величины. Как показывают расчеты, самолет с подобным устройством может дать скорость, очень близкую к 1 тыс. км в час.

Такой истребитель можно себе представить как одноместный самолет, покрытый прочной броней, вооруженный продолговатым бронированным бивнем — тараном. Своим бивнем он может разрезать, раскалывать, пронизывать наиболее уязвимые части вражеских самолетов.

Позади тарана помещается летчик. Его кабина находится впереди мотора, что значительно улучшает обзор. Мотор имеет Λ -образную форму, наиболее удобную для придания самолету хорошей обтекаемости. В хвостовой части помещаются друг за другом два мощных пропеллера. Они вращаются в разные стороны, что повышает устойчивость истребителя в полете.

Вся сила действия такого истребителя — во внезапности атаки, молниеносности нападения; вся защита его заключается опять-таки в бешеной скорости.

Такой сверхскоростной истребитель-таран может протаранить насмерть не один вражеский самолет, оставаясь в то же время невредимым.

Современная техника дает возможность управлять таким самолетом при помощи телемеханики на расстоянии. Управление в этом случае будет находиться на другом командном самолете. В таком виде истребитель-таран может стать еще более грозным оружием в борьбе с воздушным противником.

Л. Воронцов

ВЗРЫВ НА ПУСТОМ МЕСТЕ

Рис. Х. Ерганжиева

(1938)

Взрыв на пустом месте

День 2 августа 19.. года выдался жаркий и безоблачный. По направлению к одному из мюнхенских аэродромов широким потоком двигались пешеходы и автомобили. Немецкие фашисты праздновали очередную годовщину мировой войны. С целью поднять военный дух у населения в Мюнхене должна была состояться грандиозная боевая демонстрация германского авиационного оружия.

На аэродроме воздвигали большой макет завода — мишень для бомбардировки. Газеты и радио вот уже несколько дней широко оповещали об участии в празднике лучших немецких пилотов. Чаще других упоминалась фамилия летчика-наблюдателя майора Эриха фон Фальгагена, ближайшего родственника самого министра авиации. Этому летчику фашисты создали широчайшую популярность. Его славил повсюду как выдающегося героя испанской кампании и лучшего представителя немецких пилотов. И он сам часто выступал на различных собраниях, увлекая доверчивых слушателей бесчисленными историями о своих боевых подвигах.

Злые языки утверждали, что Эрих фон Фальгаген лгал с феноменальной ловкостью. что он хотя и был в Испании и принимал активное участие в разрушении Мадрида, Герники и других городов, но почти ни разу не участвовал в воздушных боях с республиканскими истребителями. Больше того: говорили, что как только республиканцы организовывали противовоздушную оборону того или иного города, так Эриха фон Фальгагена сейчас же перебрасывали на другие, более спокойные участки фронта, где он про-

должал храбро сражаться с беззащитным населением. Этим, собственно говоря, и объясняли то, что Эрих фон Фальгаген вернулся из Испании без единой контузии.

Все эти слухи, понятно, передавались шепотом, и то лишь в узком кругу. Широкие массы обывателей и рядовых членов фашистской партии о них ничего не знали. Многие, наслушавшись умопомрачительных рассказов об изумительной храбрости и меткости Эриха фон Фальгагена, с нетерпением ожидали предстоящее зрелище, в котором популярный летчик должен был продемонстрировать свое поразительное искусство.

Роскошный автомобиль Эриха фон Фальгагена, затертый в густом потоке автомобилей и автобусов, медленно продвигался к аэродрому. У прославленного летчика оказалось достаточно времени, чтобы еще раз продумать предстоящую операцию.

Собственно говоря, задача не выходит за рамки обычного полигонного учения. На двухместном бомбардировщике нужно поразить мишень с высоты 800 метров. Вы-

сота небольшая, но можно ли поручиться, что промаха не будет?

К сожалению, толпа совсем не искушена во всех тонкостях механики бомбометания. Толпа ждет, что все бомбы, которые он сбросит, попадут в цель, как пули снайпера в сердце мишени. И нужно во что бы то ни стало оправдать ожидания зрителей, хотя для этого и придется прибегнуть к маленькой хитрости, незаметной для профанов. Ведь не будешь объяснять публике, что прицельное бомбометание куда более сложно, чем бомбежка незащищенных испанских городов. Там — дело верное: любая сброшенная бомба обязательно угодит в какой-нибудь дом; а вот попасть в точно намеченный объект — это не так-то просто.

К несчастью, траектория падающей бомбы зависит от множества причин: от атмосферных условий, от силы и направления ветра, от высоты и скорости полета; все это нужно безошибочно определить и учесть. Но и этого недостаточно. Летнаб может все показатели определить точно, а летчик, который пилотирует самолет, руководствуясь данными летнаба, в нужный момент сплюскает... и тогда все расчеты идут насмарку, и бомбы падают черт знает куда.

Эрих подумал о своем пилоте. Начальство аттестовало его с лучшей стороны, да и сам Эрих слышал о Гансе Мюнценберге как об опытном летчике.

Внезапно размышления Эриха были прерваны гулом голосов. Он поднял голову. В этот момент машина выехала на гудронированное шоссе, проложенное параллельно трибунам. Огромная толпа, состоявшая из людей, одетых в форму штурмовых и охранных отрядов, приветствовала своего кумира. Эрих поклонился. Толстый руководитель отряда, с серебряными звездами на воротнике, завопил, багровея от натуги:

— Слава немецким летчикам, слава рыцарям меткости и германской точности!

Штурмовики закричали: «Хайль!» На трибунах подхватили приветствие. Несмолкающие восторженные возгласы понеслись вслед автомобилю Эриха и сопровождали его до тех пор, пока он не скрылся у ангаров.

Эрих протянул руку пилоту и небрежным кивком головы приветствовал механика. Осмотрев машину и проверив бомбодержатели, Эрих, улыбнувшись, проговорил:

— Мы идем на упрощение, Мюнценберг, так как чем проще задача, тем вернее успех. К цели подходим по направлению ветра. Угол сноса поэтому равен нулю. Высота известна: 800 метров. Характеристические свойства бомб тоже известны, — известно, сколько времени они будут падать. Короче — успех за нами.

Пилот понимающе улыбнулся. Он согласен с господином наблюдателем. И пусть господин наблюдатель не беспокоится за своего пилота. В его боевой практике не было случая, чтобы он нарушил штурманское задание. Он великолепно понимает свою ответственность, и как только ляжет на бое-

вой курс, каждый вздох мотора будет соответствовать воле летнаба.

План Эриха действительно был до крайности прост: публика ведь все равно не поймет, что он выбрал самые легкие условия бомбометания; зато попадание в цель обеспечено, и зрители будут поражены его меткостью. Эриха несколько не смущало то, что в настоящей боевой обстановке такие условия почти неосуществимы, что, только откинув всякую возможность сопротивления стороны противника, можно рассчитывать на успех подобной операции.

Обдумывая свое решение, Эрих невольно вспомнил некоторые испанские эпизоды, о которых он благоразумно умалчивал в своих многочисленных выступлениях. Он вспомнил один из рейсов на Мадрид. Тогда группе немецких бомбардировщиков было поручено забросать бомбами передовые окопы республиканцев, расположенные очень близко от позиций мятежников. В момент атаки дул малопривычный боковой ветер. И вот что значит боевая обстановка: хотя ветер и неприятный, но делать нечего, приходится лететь, потому что если начнешь выбирать удобный подход к цели, искать попутный ветер, то не выполнишь тактических условий нападения, от которых зависит успех бомбометания.

Эрих помнит, что он произвел точнейшие вычисления и, сообщив пилоту необходимые навигационные показатели, приготовился к бомбометанию. Пилот лег на боевой курс, иначе говоря, повел машину на цель, руководствуясь данными летнаба.

В этот момент открыла стрельбу зенитная артиллерия республиканцев. Вокруг самолета появлялись и таяли в воздухе белые облачка разрывов.

Эрих до сих пор искренне убежден в том, что расчеты им были произведены со всей необходимой точностью. И тем не менее факт остается фактом: бомбы, которые он сбросил, упали на позиции мятежников, вызвав среди уцелевших не столько испуг, сколько удивление. Эрих объясняет этот чудовищный промах ошибкой пилота, сошедшего под огнем зениток с боевого курса и тем самым нару-

шившего расчеты летнаба. Пилот же был другого мнения на этот счет и уверял, что он точно выдержал задание летнаба. Но все верили — или делали вид, что верили, — знаменитому фон Фальгагену, а не какому-то неизвестному летчику.

Как бы то ни было, но здесь, на Мюнхенском аэродроме, ничего такого случиться не может. Здесь ведь только игра, и пилоту нечего будет пугаться, когда он поведет машину на боевом курсе.

А расчеты летнаба на этот раз настолько же просты, насколько они безупречны.

И Эрих еще раз уверяет себя в том, что успех обеспечен.

12 часов. Пронзительный звук сирены возвещает начало старта. По зеленому полю, покачивая крыльями, мчится бомбардировочный самолет «Гейнкель X-V». Воздух наполнен ритмическим гулом мотора. Вот колеса оторвались от земли. В течение нескольких секунд самолет идет бредущим полетом, быстро набирая добавочную скорость, затем он круто взлетает вверх. Проходит еще некоторое время, и самолет исчезает из поля зрения.

Теперь внимание зрителей привлечено к мишени — гигантской панораме завода и прилегающих к нему жилых строений. Бутафория воспроизводит наиболее типичную и характерную цель... Приземистые постройки наклеплены возле широкого здания фабричного корпуса, увенчанного высокой трубой.

На вышку поста управления полетами поднимается со своей свитой генерал Гебель, начальник германской бомбардировочной авиации.

— Удар по этой мишени будет нанесен боевыми бомбами, — говорит он сопровождающему его итальянскому авиационному атташе. — Такое зрелище широкая публика увидит впервые.

Лицо итальянца выражает почтительный восторг.

— Риска нет никакого, — добавляет генерал, — мишень вынесена достаточно далеко от трибун. Кроме того, бомбо-

метание осуществляет майор Эрих фон Фальгаген, племянник министра. Его меткость была проверена еще на Пиренейском полуострове.

Как бы вскользь, среди кучи приятных слов, атташе осведомляется о том, с какой высоты будет производиться бомбометание.

Генерал Гебель на мгновение замялся.

— Высота... Высота, правда, небольшая — 800 метров. Но это, разумеется, не имеет никакого значения. Ничего не стоит ее увеличить.

И, обратившись к дежурному офицеру, генерал с подчеркнутой небрежностью отдает распоряжение изменить условия воздушной атаки.

Эрих взглянул на часы и полубернулся к пилоту. Хотел подать знак к выходу на цель. Неожиданно на световой доске вспыхнул голубой глазок, и в следующую секунду трубка пневматического механизма, соединяющего штурманскую кабину с радиорубкой, выбросила аккуратно сложенную бумагу.

«Радиодепеша», с тревогой подумал Эрих. Он быстро пробежал текст и злобно выругался. Командный пункт по неведомой причине решил усложнить задание. Текст радиогаммы гласил: «Подход к цели с боковым ветром, бомбардировка с высоты 1500 м». Приготовленные расчеты оказались теперь бесполезными.

Отдав распоряжение взять заданную высоту, Эрих приступил к новым вычислениям. Теперь ему предстояла нелегкая задача. Она заключалась в том, чтобы на высоте 1500 метров определить одну точку, единственно правильную для данного бомбардировочного расчета. Только будучи сброшены из этой точки, находящейся где-то в без-

брежном пространстве воздушного океана, бомбы поражают цель.

И Эрих искал эту точку... Он определил силу ветра и узнал скорость самолета относительно земли и воздуха; он рассчитал, сколько времени падает бомба с высоты 1500 метров, и нашел угол сноса самолета при боковом дрейфе. Кажется, он сделал все, что можно было, для точнейшей наводки самолета и бомб на земную цель. Он понимал, что если в Мадриде в результате его ошибки сохранялся один дои, но обязательно разрушался другой, то сегодня ошибка в расчете повлечет за собой взрыв на пустом месте.

— Внимание, Мюнценберг... высота 1500, скорость по прибору 230, курс по прибору 140.

— Слушаю и повторяю: высота 1500 со скоростью 230, компасный курс 140.

— Правильно... Выходите на цель...

Пилот прибавляет газ и плавно отводит ручку на себя. С новой силой ревет мотор. Стрелка альтиметра ползет вверх: 1200... 1300... 1450... 1520... Много... Ручка отодвинулась назад. Самолет болтает. Стрелка альтиметра танцует возле цифры 1500. Ганс непрерывно работает ручкой. Показание высотомера теперь соответствует воле штурмана. Выверен и компасный курс. Самолет точно идет на 140. Скорость постепенно падает. Стрелка указателя воздушной скорости колеблется около 250, затем соскальзывает не 240 и замирает на 230...

— Ложусь на боевой курс! — кричит Мюнценберг в телефонную трубку.

— Сообщите показатели.

— 1500, 230, 140.

— Так держать.

— Слушаю, так держать.

Глаза пилота прикованы к приборам. Уши следят за ритмическим рокотом мотора. Машина на боевом курсе, она идет прямо, как выпущенная из лука стрела. Стрелки приборов, кажется, приросли к заданным показаниям.

Труба фабричной постройки находится уже в поле зрения невооруженного глаза. Далеко справа — миниатюрная

подкова трибуны, испещренная белыми и черными крапинками.

Вот Эрих прильнул к окуляру оптического прицела. Минута страшного напряжения — и мишень в прицеле. Эрих нажимает кнопку электроспуска бомбодержателя. Пять стокилограммовых бомб, одна за другой, через неуловимо короткие интервалы времени отделяются от самолета. Через несколько секунд летнаб видит черное облако разрыва. Миниатюрная подкова трибун исчезла за дымовой завесой, верхушка фабричной трубы потонула в плотной мгле.

Медленно, как под «лупой времени», оседает и расплывается облако взрыва, приоткрывая подкову трибун, фабричную трубу и прилегающие к ней темные квадраты строений.

Голова Эриха наливается тяжелой мутой.

«Мимо... Промах... Позор!..»

Он не в силах сдержать приступа бешеной злобы и отчаяния. Мембраны наушником передают пилоту хриплые возгласы летнаба:

— Мерзавец!.. Провокатор!.. Сошел с курса, сошел...

Пилот удивленно вздрагивает и поднимает руку, словно защищаясь от удара. Его нога вслед за ручкой уходит резко влево. Эрих вместе со своей кабиной заваливается на левый борт. Плоскости самолета вибрируют от страшной нагрузки непомерно крутого разворота. Пилот выравнивает машину и дает газ. Выдерживая бешеный взгляд летнаба, пилот говорит спокойно и почтительно:

— Ваше задание, господин летнаб, выдержал точно: 1500, 230, 140...

Эриха злит спокойное лицо пилота. Он отворачивается и кусает губы. В этот момент трубка пневматического механизма снова выбрасывает аккуратно сложенную бумагу.

Радиограмма. Командный пункт предлагает повторить заход. Условия бомбардировки произвольные.

Эрих облегченно вздыхает и лихорадочно водит пальцем по карте местности. Вот хороший ориентир — мост, находящийся всего в 30 километрах от объекта. Необходимо сконцентрировать волю и изолировать все посторонние чувства. Спокойствие и точность. Еще можно поправить дело.

Он предлагает пилоту взять курс к ориентиру, но идти не выше 500 метров. Мюнценберг выполняет приказание. Но он уже не в состоянии полностью сосредоточиться на пилотировании. В нем кипит раздражение против чванливого летнаба, не сумевшего справиться с порученным ему делом.

Эрих работает. Пока самолет кружит над мостом, он как бы репетирует предстоящую бомбардировку. Мост находится всего в 30 километрах от объекта. Высота небольшая — 500 метров. В бою на такой высоте вас, конечно, расстреляют в один момент. Но здесь, перед зрителями, это не имеет значения... Несложный математический расчет, и все ясно.

Определив скорость самолета в 300 километров, Эрих готовится пустить секундомер. При этой скорости цель пройдет под самолетом ровно через шесть минут. В это же мгновение он нажмет кнопку электроспуска.

— Внимание, Мюнценберг... Высота 500, курс 135, скорость 300.

Пилот повторяет команду и берет заданное направление. Теперь Эрих уверен в успехе. Весьма вероятно, что раньше он действительно допустил ошибку. Не беда, об этом никто не узнает. В крайнем случае можно свалить на пилота. Зато сейчас ошибки не может быть — задание чересчур просто. Низко и с огромной скоростью промчится «гейнкель», сбросит бомбы и, оставив позади себя груды дымящихся развалин, исчезнет на горизонте. Эффектная картина!

На губах Эриха застыла улыбка. Рука покоится на кнопке электроспуска. Глаза не отрываются от стрелки секундомера.

Пилот прибавляет газ. Он пытается сосредоточиться на приборах. Важно уместить в поле зрения только показания компаса, часов и счетчика скорости; за высоту он уверен. Но фигура штурмана маячит рядом и навеивает посторонние мысли.

Прошло четыре минуты, четыре с половиной...

У Мюнценберга странное состояние: перед его глазами циферблат часов, но он воспринимает их показания почти механически. Он думает о летнабе. Он не может забыть его бешеный взгляд.

«Конечно, он свалит все на меня, — шепчет про себя пилот. — Разве мне под силу спорить с ним, с этой проклятой породой!»

Прошло пять с половиной минут. Мюнценберг газует. Страшным усилием воли он концентрирует свое внимание на приборах. И хриплый стон вырывается из его груди: секундомер отсчитывает шестую минуту в тот момент, когда указатель скорости показывает на 50 километров больше заданной скорости. Стрелка приросла к цифре 350.

Газ сброшен. Поздно... Бомбы упали с большим перебоем. Взрыв снова последовал на пустом месте.

В рассказе Л. Воронцова действие происходит в немецком городе Мюнхене. Не читатель без особого труда обнаружит, что описанное здесь вымышленное происшествие имеет самое непосредственное отношение к подлинным трагическим событиям, которые произошли за последние годы в Испании, Абиссинии и Китае.

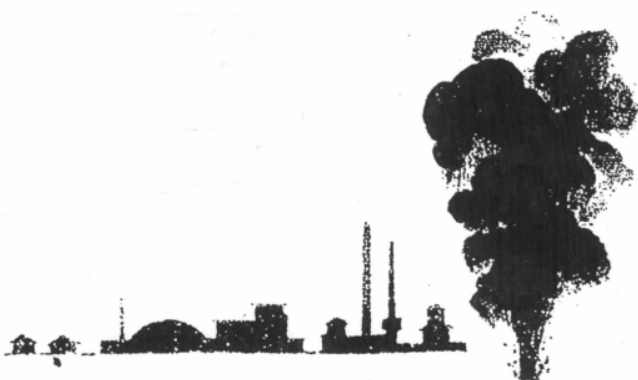
Мы помним, как итальянские фашисты сметали с лица земли первобытные селения абиссинцев. Мы помним ужасы Герики, Гранольероса и других беззащитных городов Испании, превращенных германскими и итальянскими воздушными банди-

тами в развалины. Мы знаем, что японские фашисты совершают подобные же подвиги над мирными городами Китая.

Опьяненные этими кровавыми «победами», фашисты возомнили, что их захватническим стремлениям нет преград. Они думают, что если им удастся безнаказанно уничтожить мирное население малых и слабых стран, то это свидетельствует о мощи их авиации и искусстве их летчиков. Но господа фашисты рано бахвалятся. При первом же столкновении их с хорошо вооруженным противником, мы увидим, как подожмут хвосты эти трусливые разбойники.

Уже и сейчас беспристрастные наблюдатели отмечают в Испании странные вещи. В то время как республиканские летчики всегда бомбят лишь заранее намеченные, отдельные военные объекты, фашисты предпочитают упражняться главным образом на гигантских мишенях мирных городов. Два республиканских самолета с огромной высоты в 5 тыс. бомбят военные корабли мятежников и попадают в цель (1937 г.). А десятки фашистских самолетов скидывают сотни бомб на понтонные мосты через рек Эбро, чтобы помешать переправе республиканских войск, — и ни один мост из одиннадцати не оказывается ими даже задетым (июль 1938 г.).

В свете этих фактов событие, описанное в рассказе Л. Воронцова, приобретает особый смысл и особый интерес.

Георгий Байдуков

РАЗГРОМ ФАШИСТСКОЙ ЭСКАДРЫ

(Фантазия о будущей войне)

(1938)

The background of the cover is a black and white illustration. At the top, a biplane is shown in flight, banking to the left. Below it, a large, turbulent wave or explosion is depicted with heavy, expressive black lines. To the right of the wave, there is a structure, possibly a ship or a building, that is on fire, with flames rising from it. The overall style is reminiscent of mid-20th-century political posters or pulp magazine covers.

Г. БАЙДУКОВ
ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

**Разгром
фашистской
эскадры**

(ФАНТАЗИЯ О БУДУЩЕЙ ВОЙНЕ)

РОСТИЗДАТ · 1938

«...Полковника Снегова назначаю командиром эскадры сверхдальних миноносцев. Прибыть немедленно в штаб фронта».

Снегов еще раз прочитал приказ и, улыбнувшись, сказал лишь одно слово — «есть!» и быстро вышел из Управления воздушных сил.

Москва жила горячей жизнью, чувствовалась напряженность военной обстановки. Руководя страной, руководя армиями, формируя их, обучая и заботясь о них, Москва — Кремль, пятиконечные звезды которого в эти дни, казалось, сияли особенно ярко, — не зная сна, работала без устали.

Снегов еще раз оглядел заполненную Красную площадь, сел в автомобиль и скрылся в потоке тысяч таких же блестящих лимузинов.

На вторые сутки полковник Снегов уже прибыл в штаб фронта. Его принял командующий. Полковнику стало ясно, что миссия его не так проста, раз принимает сам командующий.

— Ваша задача, товарищ полковник, — сказал ему командующий, — перерезать коммуникации противника, перерубить все щупальца, идущие через море к материку. Для выполнения задачи прибыла прекрасная материальная часть, которую следует осторожно расходовать. Когда подготавливаете эскадру, дайте знать немедленно. Вылет по сигналу.

...Полковник Снегов уже десять дней с утра до вечера готовит часть к вылету. Летчики, штурманы-минеры, стрелки и артиллеристы — отборные люди из разных частей Красной Армии. Они прибыли сюда вместе с командиром эскадры и недоуменно спрашивали, почему их держат вдалеке от фронта. Никто, кроме Снегова и комиссара части, не знал боевой задачи — все держалось до самого вылета в абсолютной тайне.

Сегодня, как и вчера, солнце выглянуло из-за хребта гор 2-тысячечетровой высоты, освещая узенькое ущелье, на дне которого шумит небольшая горная речонка. Леса,

покрывающие склоны суровых и безмолвных нагромождений, притихли, словно стараясь сохранить тайну военных сюрпризов. Снегов, выкупавшись в студеной воде шаловливой речки, прислушался к этой изумительной тишине. Очень трудно было представить себе, что недалеко, всего лишь в 500 километрах отсюда, Красная Армия ведет напряженную и беспощадную войну со старинным хищником Востока. Там гибнут люди, там грохот канонады заставляет трепетать все живое.

Снегов еще раз оглядел узкую голубоватую полосу неба над ущельем, темневший хребет слева и террасные сбросы горного хребта справа. Ущелье Партизан, так оно называлось, извивалось по руслу безымянной речушки, смыкая свои отроги где-то далеко на севере. Все знали, что недра этих мест богаты золотом, платиной, оловом и железной рудой; все знали, что Восток неизмеримо богат, красив и дорог советской родине. Но никто среди этих загорелых богатырей Украины, столичных улиц Москвы не думал, что жизнь их забросит в такой нетронутый кусок земного шара. Снегов подошел к купающимся товарищам.

— Товарищ полковник! Мы в этом ручейке разучимся плавать! Нельзя ли поближе к океану?.. — шутливо обратился к нему командир отряда Иванов.

— А ты акул не боишься? Ведь там не только глубоко, но и широко — не доплывешь до островов, поймает черноглазая акула, — старался подшутить невысокого роста штурман корабля.

Полковник прислушивался ко всякому слову подчиненных, внимательно вглядываясь в каждого бойца. Ему хотелось определить — устали ли люди, хорошее ли у всех настроение.

«Да, все идет прекрасно, но почему штаб не дает сигнала к вылету?» — думал командир.

— Товарищ полковник! Радиogramма от жены! — неожиданно оборвал мысли прибежавший веселый, с хитрыми блестящими глазами радист центрального узла.

Снегов с волнением взял телеграмму. Радист, широко улыбаясь, внутренне радовался, что командир получил хо-

рошую весть из дома: «Сегодня родилась дочь. Целую. Катя». Радист получил ее открытым текстом и, считая ее «лично-бытовой», уже успел сообщить многим эту новость. К удивлению радиста, лицо полковника немного побледнело, а слегка вздрагивающие пальцы, еще раз перебиравшие кусочек бумаги, показывали и внутреннее волнение командира. Радист сконфуженно притих.

Через час палатки, расставленные на крутом склоне в густых зарослях леса, оживились, хотя и не было слышно ни криков, ни резких команд. Вскоре появились неуклюжие бронированные вездеходы и танкетки. Лагерь моментально был разобран и погружен на вездеходы, а личный состав и командиры расселись по танкеткам.

Наполняя ущелье ревом гусениц и моторов, транспорт тронулся по мелкому руслу торной речонки на север. Снегов, высунув голову в открытый люк командирской машины, разглядывал секретные батареи зенитчиков на вершинах хребта и противотанковые точки в боковых ложинках.

Иногда на склонах горы появлялись магниевые вспышки сигналов. С танка связи следовал такой же загадочный фейерверк ракет разного цвета. Снегов изредка отводил рукоятку телевизора. Перед его глазами возникали командиры-артиллеристы, прикрывавшие секретный аэродром в ущелье Партизан. Он разговаривал из танка с разными точками обороны авиаузла и, довольный ответами, запел любимую «Волочаевскую».

Пройдя пять километров, танкетки и вездеходы остановились у первого секрета. Все вышли из машин. Снегов выстроил летный и технический состав и, тщательно осматривая каждого, по одному пропускал через секрет подземного аэродрома. Вскоре эскадра, пробираясь по узенькой асфальтовой полоске, подошла к небольшой бетонной площадке, вырубленной на подошве склона Советской горы.

Серевший бетон замаскирован темно-зеленой краской под цвет хвойных лесов. Шесть огромных катапульти, осажженных в глубокие желоба, покрыты маскировочными сетками. В отвесной стене ущелья, где начиналась площадка,

видны высокие бронированные ворота подземного аэродрома. Ворота расположены прямо против своей катапульты.

Снегов отдал приказание приготовиться к вылету. Технический состав бойко взялся за дело, открывая ворота тоннелей. В скале появилось шесть темнеющих дыр, словно ласточкины гнезда на высоких берегах Черного моря.

Полковник и комиссар, наконец, решили объявить личному составу задачу.

— Товарищи! Наша задача — перерезать коммуникации фашистского агрессора. Есть сведения, что 2-я и 3-я эскадры противника только что вышли из северных портов архипелага и идут к нашим берегам. Приказано потопить фашистскую эскадру на полпути к цели. Вылетаем через час, идем на высоте 10 тысяч метров. Выходим к ночи к нашим берегам и первые сутки планомерно обыскиваем их и западный берег неприятельского архипелага. На вторые сутки сбор на сигналы флагмана в районе восточнее южной оконечности острова. Атака минами в штормовую погоду, перед закатом. Если первая атака не даст хороших результатов, вторую производить не ранее, чем через десять часов. При ясной погоде в районе неприятеля не показываться и держаться на предельной высоте. Нам нужна внезапность. Ясно, товарищи?.. Помните, что задача весьма сложная, но ее необходимо во что бы то ни стало выполнить.

Еще с полчаса уточнялось задание отдельным экипажам. Комиссар доложил об успешном ходе операций нашей армии на фронте и о партизанских действиях на центральных островах неприятеля.

Наконец, все готово. Первый отряд эскадры сверхдальних миноносцев стоит на артиллерийских катапультах. Гигантские двухмоторные корабли мягко урчат своими мощными дизелями. Узкие белоснежные крылья залиты нефтью, длинные сигарообразные фюзеляжи герметически закрыты задраенными люками. К самолетам только что подвесили огромные морские мины направляемого действия. Полковник еще раз обходит площадку, где колышутся шесть первых кораблей. Наконец, он дает команду старта. На пер-

вой катапульте слышен слабый взрыв снаряда — самолет мгновенно бросается в сторону ущелья.

Катапульта откатилась плавно на место, а воздушный миноносец, словно орел, повис над ущельем, которое так долго скрывало тайну вылета. Затем самолет легко развернулся на 90 градусов и, набирая высоту вдоль зажимающих хребтов, быстро скрылся на севере.

Вслед за этим последовало еще 29 таких же выстрелов. Последний снаряд катапульты поднял полковника Снегова и его доблестного комиссара. Снегов сидел за штурвалом корабля, а комиссар — в штурманской рубке.

Самолеты поодиночке уходили на север. К исходу дня базовая рация флагмана начала подавать сигналы, по которым все остальные корабли сумели подойти к командиру, выстроившись широким фронтом поотрядно. Высота — 10 тысяч метров — среди темной ночи надежно прикрывала воздушные миноносцы от шпионских наблюдательных пунктов с суши и моря.

В полночь флагштурман доложил полковнику, что американские станции Аляски предупреждают свои торговые суда о сильном шторме на сегодня и завтра на всем побережье японских островов.

Снегов решил проверить правильность метеосводки. Он запросил все корабли о состоянии личного состава и работе материальной части. С тридцати кораблей последовало: «Все в порядке». Был передан новый курс и категорическое приказание выключить все передатчики впредь до решения. Общий сигнал — следовать за флагманом.

Эскадра свернула к островам неприятеля. Все огни, кроме верхнего семафора флагмана, выключились. Наступила звездная ночь над океаном. Высота все та же — 10.000 метров. За первые 10 часов полета миноносцы прошли 3.500 километров, нащупывая фашистские дредноуты и транспортные десанты. Только у островов внизу замелькали, словно бабочки, огни портовых городов. Как бы хотелось пустить туда парочку бомб, но нет на корабле бомб, есть только мины, предназначенные для отборной части фашистского войска.

Работа шла нормально, штурман доложил о том, что на восток от островов все закрыто облачностью. Корабли вновь изменили курс, взяли направление на юг к одному из портов. Черная бездна внизу — и больше ничего. Полковник включил автомат и вышел в рубку комиссара — штурмана.

— Ну, как дела, товарищ штурман?

— Нормально! Что же будем делать дальше, товарищ полковник?

— Думаю попробовать пробиться вниз тремя кораблями. Сейчас, если подсчитать скорость неприятельской эскадры, она должна быть в 400 милях от своего берега. На курсе она вряд ли держится, скрываясь от наших подлодок. Но далеко не отойдут. Если рассредоточим три корабля по фронту на 40 миль, я думаю, что все-таки мы на них наткнемся. Важно не обнаружить всех самолетов, иначе разбегутся. А если увидят один самолет, не придадут большого значения, да это и маловероятно: в шторм такой стоит грохот, хоть на голову сядь — не поймут. Меня беспокоит другое: выдержат ли самолеты, ведь там мотает как следует. Через три часа рассвет.

Пока штурман делал расчеты, Снегов по семафору передал распоряжение о разведке кораблям №№ 2 и 3 и назначил заместителю место ожидания. Вскоре 27 миноносцев отстроились за заместителем и, рассредоточившись, легли на курсы четырехугольника, зоны ожидания. Снегов с тройкой лучших экипажей перешел на снижение. Уже на 6.000 метров белые, как снеговые горы, шпили облаков встретили звено сильным покачиванием и ослепляющими вспышками молний. Полковник сообразил, что облачность грозовая. Выровняв самолет, начал искать просветы, которые всегда бывают при таком фронте. Затем корабли получили сигнал самостоятельных действий и скрылись в тучах. На высоте 800 метров облачность кончилась, но крошечная темнота и чудовищные броски корабля из-за шквалистой погоды совсем не обрадовали экипаж Снегова.

В дополнение ко всему начался сильный дождь. Снегов спустился еще на 500 метров ниже. Болтанка уменьшилась и корабль стал тверже держаться на курсе, но и здесь было

еще трудно разобраться в том, что творится в океане, который словно вскипятили на гигантском примусе.

Стратосферный гигант стонал и изгибался от порывов ветра. Некоторые артиллеристы и стрелки в неимоверной жаре уже слегли от качки. Полковник отдал приказание открыть герметические люки, чтобы спастись от жары в боевых рубках самолета.

Потянуло свежестью морского воздуха. Все члены экипажа тщательно вглядывались в пучину океанских волн. Корабль неся в 100 метрах от воды.

— Справа... справа... — вдруг услышал в телефон Снегов чей-то голос. По сигнальному щитку он определил, что крик идет от артиллериста правой плоскости. Полковник, забыв меры предосторожности, резко повернул вправо, еще более снижаясь к воде. Через секунду какая-то бесформенная черная масса взметнулась перед носом самолета и сразу же исчезла во взметах воды.

— Крейсер! — крикнул комиссар. — Крейсер под нами!

— Курс на крейсер! Двумя минами огонь! — закричал, почти не соображая, полковник. Его взял не только азарт уже повоевавшего бойца. Он мгновенно сообразил, что в шторме корабли могли потеряться друг от друга и идти на больших дистанциях и поэтому, не опасаясь сосредоточенного огня, можно появившийся крейсер атаковать. Удачная атака заставит открыть всю эскадру, которая, может быть, идет и справа, и слева, и впереди виденного корабля. Тогда лишь разведка будет полная.

Штурман мгновенно дал боевой курс. Артиллеристы-минеры, притаив дыхание, ждали в телефон сигнала штурмана. Снегов с силой заставил тяжеловесный корабль резко повернуть назад и, буквально прижимаясь к седеющим гривам взбаламутившегося океана, весь отдался взгляду вперед, ожидая, когда неприятельский крейсер взлетит на гребне волны. Томительные секунды ожидания, когда вздрагивает каждый нерв от перенапряжения. И вдруг чуть ее заблестела прерывистая линия огней. Это, очевидно, закаченная команда включила свет, который проникает через некоторые задранные иллюминаторы.

— Лево 30. Так держать! — слышит Снегов голос штурмана. Вот и лево 10. — Мина! — слышен вновь тот же голос.

Корпус самолета задрожал, как перемерзший путник, мина, шурша на пусковых пазах, с шумом выскользнула из фюзеляжа. Снегов отвалился влево, поспешно набирая высоту, боясь, что мина может вместе с крейсером размолотить свой же собственный воздушный корабль.

Ни Снегов, ни его экипаж не помнят, слышали ли они взрыв или нет, но помнят отлично, как среди страшного хаоса в океане и под облаками ночь на несколько секунд осветилась огромным мечом света, разрубившим военный корабль пополам. Вокруг замелькали огни выстрелов, по небу поползли метавшиеся от сильной качки щупальца прожекторов. Снегов, набирая высоту, отходил в сторону. Для командира стало ясно, что вражеская эскадра, измученная штормом, совсем не догадалась об атаке в такую страшную погоду.

Артиллерия, осветительные ракеты и прожекторы неприятеля — все в панике работали против невидимого врага.

Пользуясь артиллерийской паникой, полковник Снегов приказал включить базовый маяк самолета для сбора своей эскадры, которая висела на высоте 10.000 метров недалеко от места происшествия. Штурман заметил курс большинства неприятельских кораблей. Они шли кучно, выдерживая, несмотря на шторм, направление на город Н. Под прикрытием броненосцев и крейсеров шли многочисленные транспортные суда, обнаруживающиеся лишь прожекторами своих же судов.

Вскоре на маяк пришли корабли №№ 2 и 3, подстроившись к командиру, а через двадцать минут, пикируя сквозь облака, подтянулись и остальные самолеты. У всех материальная часть работала отлично. Только командир 3-го отряда беспокоился за свой левый дизель. Вот-вот наступит утреннее прояснение, и тогда ночь — хороший помощник в бою — уйдет надолго, и неприятель мгновенно открое советские самолеты.

Снегов передает свои мысли штурману и просит скорее кончать расчеты. Наконец, после северного курса самолеты вышли под 90 градусов к неприятельской эскадре.

— Передать всем: строй линии — с интервалом по фронту 500 и более метров. Сохранение боевого курса автоматом с максимальной точностью на полной скорости. Высота 100-200 метров. Огонь по сигналу штурманов. Уход после сбрасывания прямо вверх на 10.000 метров. Сбор по маяку № 1 или заместителей. На построение включить верхние правые огни.

До фашистской эскадры осталось не более двух минут. Слабые огоньки показывают, что боевая линия самолетов построена.

— Полная скорость. Атака по этому курсу. Выключить все огни, — последняя команда, которую передал Снегов.

И советская эскадра воздушных миноносцев на полной скорости пошла на сближение с противником.

Снегов на этот раз сам увидел, как на восточной части горизонта из воды начали вырисовываться чернильные корпуса двух- и трехтрубных крейсеров, дредноутов и миноносцев. Вновь зашуршали мины, вновь нечеловеческие минуты боевого экстаза, а дальше на морских просторах океана заблестели зарева взрывов, пожаров, и наверное океан содрогнулся от стонов и воплей тонувших десантов вражеской армии.

— Не доплыли до нас соседи... — первое, что услышал от комиссара полковник.

В это время самолет находился над поредевшими облаками, вершины которых заливались многокрасочными лучами восходящего солнца. Снегов еще долго не мог уйти от воспоминаний боя.

Лишь после сбора всех кораблей Снегов окончательно успокоился, отдав приказание всем следовать к ущелью Партизан ломаным маршрутом, соблюдая высоту 12.000 метров.

Через минуту с корабля № 5 донесли, что при атаке неприятеля самолет не успел выйти в безопасную зону и попал под действие взрывной волны, после чего горячее

правой плоскости быстро начало убывать и что с настоящего момента корабль может пройти не более 200-300 километров.

Снегов посмотрел на карту — в этом районе нет ни одного острова или отмели для вынужденной посадки сухопутного самолета. Чем помочь? В то время как командир по шифру сообщил советским подводникам о посадке самолета на воду, штурман по внутреннему приемнику принял решение команды самолета № 5. Оно было кратким: решили пойти в район неприятельской эскадры и пикировать на хорошую цель. Прощайте!

Снегов, быстро выйдя из строя, заметил, как из кучной стаи серебряных гигантов отделилась пятерка, медленно теряя высоту курсом на восток.

Полковник отдавал самые категорические приказания повернуть к своим берегам, но ни единого слова приемник флагмана не добился от подбитого корабля. Тогда Снегов быстро его нагнал, стал впереди его, разворачивая назад. Но и это не подействовало на пятерку. Корабль все снижался круче и затем перешел в пике.

Снегов также вылез под облачность. Стояло серое утро. Лучи солнца, пробиваясь сквозь слабую пелену облачности, светлыми пятнами разнообразили и без того богатые краски прекращающегося шторма.

Километрах в пяти дымили трубы не то крейсера, не то дредноута. Самолет № 5, нацелившись на него, задымил своими мощными моторами, с сильным снижением уходил от Снегова. Противник заметил самолет, открыл по нему сильный огонь. Разрывы окружили самолет, и иногда Снегову казалось, что уже нет в живых веселых украинцев экипажа пятого корабля. Но вот он вновь заблестел крыльями на солнце, все круче опуская нос. Затем вдруг пятерка вошла в отвесное пике. Мгновение — и черный дым, окутавший корабль, скрыл это страшное зрелище войны.

Командир со слезами, которых не видел никто, повернул на восток.

Когда он вернулся на аэродром ущелья Партизан, его эскадра вновь запрятала в подземные тоннели корабли, готовые выйти на катапульты для очередного взлета...

Поздно вечером, слушая сообщения ширококвещательной радиостанции, Снегов и все бойцы узнали, что 2-я и 3-я неприятельские эскадры с несколькими десятками транспортов почти полностью погибли... от шторма. Так говорили сообщения штаба противника.

Снегов и его товарищи хитро улыбнулись, решив как следует отдохнуть после длительного боевого полета. Завтра последует новое задание.

— Может, теперь в столице неприятеля научились отличать шторм от штурма советских птиц, несущих смерть фашизму, мир и счастье трудовому человечеству.

Ночь накрыла, как одеялом, ущелье Партизан, и бойцы эскадры сверхдальних воздушных миноносцев заснули крепким сном.

Алексей Ольшванг

КРЕПОСТЬ

(Фантастический очерк)

(1938)

Полковник с группой офицеров торопливо пробирались через кустарники. Идти становилось все труднее. Под ногами начала хлюпать вода.

— У, черт! Откуда здесь вода? Сколько раз я ходил по этой тропинке, но никогда не замечал, чтобы здесь было болото.

— Дождик шел, — усмехнулся полковник.

— Господа, разве шел дождь?..

— Я что-то не замечал, — заявил один из офицеров.

Полковник засмеялся, но ничего не ответил. Они молча двинулись дальше. Впереди ничего не было видно. Воздух становился все сырей. Молодой офицер, шедший впереди, зажег электрический фонарик.

— Стойте! — воскликнул полковник. Все остановились.

— Мы, кажется, пришли. — Он подошел к ближайшему дереву, осмотрел его со всех сторон. — Идемте сюда, — сказал он, указывая на густой кустарник.

Все двинулись за ним.

С трудом они вышли на сухое место. Полковник подошел к старому пню, нагнулся и стал что-то делать. Вдруг холмик закачался и раскололся на две половины. В отверстии показался свет.

— Идемте, — сказал полковник и стал спускаться по железной лестнице вглубь земли. Офицеры молча последовали за ним. Как только последний опустился, холм бесшумно сомкнулся над их головами.

Спускаться приходилось довольно долго. Наконец лестница кончилась, и они вошли в узкий железный коридор. Кругом царил мертвая тишина, только шаги проходившей кучки людей гулко раздавались в подземелье.

В узком коридоре находились толстые двери, которые открылись при их приближении и сейчас же снова захлопнулись, когда последний человек прошел их.

Вдруг откуда-то сзади подошел вооруженный с ног до головы часовой. Отдав честь полковнику, он стал что-то тихо говорить ему.

— Хорошо, а пока проведите их к коменданту крепости.

Часовой повернулся и указал офицерам на гладкую стенку. Они удивленно переглянулись и нерешительно последовали за солдатом. Как только они подошли к стенке, послышалось слабое жужжание и в стене образовалось отверстие, которое закрылось за последним спутником.

Оставшись одни, полковник подошел к шкафчику, открыл его. Внутри находились какие-то кнопки. Он нажал одну из них. Перед ним раздвинулась стальная штора. Он зашел через узкое отверстие в громадный низкий, железобетонный зал.

Здесь помещалась электростанция. Она питала не только крепость, но и все надземные части, и электрическую артиллерию.

Это было собрание всех достижений науки и техники.

Здесь было все механизировано. Станция управлялась только тремя техниками и то по существу они только следили за показаниями приборов на громадном черном щите. Главный инженер сидел за круглым столиком и отдавал по радио приказания своим 2 монтажникам. Увидев вошедшего полковника, инженер вскочил, вытянулся в струнку.

— Ну, как дела? — спросил полковник.

— Все в исправности...

— Будьте готовы, скоро начнется. Включите артиллерийские гнезда.

— Есть включить артиллерийские гнезда!

Полковник прошел через весь зал, сел на лифт и опустился еще глубже. Здесь шло оживление, сотни людей копошились у ящиков, разламывая их, они доставали снаряды, автоматические винтовки, пулеметы, гранаты.

Здесь был подземный арсенал. От него по всей крепости на электрических тележках доставлялись оружие и снаряды. Вдруг пронзительная сирена заглушила шум. Вслед ней чей-то голос четко объявил:

— Внимание! Внимание! Всем командующим приказываю прийти ко мне...

* * *

В небольшой красивой комнате полуразрушенного дворца помещался главный телевизионный Центр.

За большим сероватым экраном сидел начальник штаба, окруженный свитой командиров. В стороне сидел главный связист. Он управлял сложнейшими аппаратами. От него зависел весь успех войны.

— Господа, нам необходимо точно определить местонахождение крепости противника. Пока что наша разведка положительных результатов не дала. Есть предположение, что она находится под землей на глубине 20 метров и не поддается никаким видам бомб, но у нас есть против нее мощное оружие. Нам

нужно только узнать, где она находится.

— Чем же именно мы будем с ней бороться в случае, если ее обнаружим?

— «Лучами смерти!» — процедил начальник. — Против них пока нет спасения.

— Да, но эти «лучи» вконец разорят нас.

— Разорить-то не разорят, но обойдутся дороговато. Придется пустить в ход все электрические станции страны. Но что же делать, война требует затрат.

В дверь кто-то постучался.

— Войдите!

Вошел молодой офицер.

— Разрешите доложить! Крепость «недоступности» обнаружена.

— Что?.. Вы обнаружили крепость?

Начальник вскочил. Схватил со стола карту, всунул ее в руки разведчика.

— Где?

— Мы почти сидим на ней! — ответил хладнокровно офицер.

— Как вы ее обнаружили?

— Наш лесок, который тянется по всей восточной границе, представлял из себя совершенно сухую местность. У нас почти нет настоящего болота во всей стране.

Несмотря на это, сейчас наша граница представляет из себя сплошное, непроходимое болото. Для наших часовых пришлось построить специальные помостки. Причем вода то прибывает, то убывает. Ясно, что болото устроили они. Выпускать воду можно только из-под земли и на нашей стороне...

— Понятно. Но почему вы думаете, что это есть именно крепость, ведь они могли подкопаться?...

— Есть еще один факт. Сегодня ночью мы пускали в ход радио-разведчика. Правда, видимость была очень плохая. Но мы, на экране телевизора, увидели группу людей, по-видимому, это было начальство. Расстояние определить нам не удалось. По всей вероятности, это было в 2-х километрах от нашей границы, так как наш телевизор «видит» не дальше. Они шли параллельно нашей пограничной заставе. Пройдя метров пятьдесят, они вдруг исчезли. Никаких построек нам увидеть не удалось.

— Прекрасно. Можете идти. Включите экран.

Телевизор показывал поле аэродрома. Сотни маленьких автожиров стояли в строю, готовые каждую минуту взлететь в воздух.

— Ну, эти готовы. Покажите-ка нам танки.

На экране изображение моментально исчезло. Послышалось жужжание. Пятна, сливаясь, дали четкое изображение громадных танков. Они стояли в два ряда на огромной поляне, у каждого танка копошились люди.

— Ну, эти машинки не подведут. Что это, почему все стали вскакивать в танки?.. Включите-ка скорее громкоговоритель!

Связист выполнил приказание.

Но ничего услышать не удалось, за исключением воя сирены.

* * *

Бой начался неожиданно и сразу принял широкие масштабы. Это была борьба не людей, а скорее машин.

Небо было сплошь покрыто самолетами, большинство из них управлялись по радио. То и дело взлетали ракеты электрических звукоуловителей.

Пока что бой проходил, главным образом, в воздухе.

Группа автожиров, словно стрекозы, то останавливались, то взлетали, то опускались почти до земли, обстреливая противника из мелкокалиберных пушек. Истребители яростно нападали. Но все же автожиры имели больше преимуществ. Они обманывали своих противников. Когда истребитель бросался на маленького автожира, тот уже находился над ним, посылая в него целый град пуль.

Командиры сидели у своих телевизоров и наблюдали за боем.

Борьба длилась недолго и почти никаких результатов не дала. В полдень часть самолетов вернулась обратно. На-

ступило временное затишье. Отчаянно работали радио-разведчики. Но ничего не могли увидеть.

В подземной крепости лихорадочно устанавливали совершенно новый электронный телевизор, предназначенный для улавливания изображений и подслушивания приказов вражеского лагеря.

Кругом отчаянно маскировали местность цветным дымом.

К вечеру снова разгорелся бой, но уже на земле.

Громадные шарообразные танки мчались с большой скоростью, скашивая все попадавшееся на дороге и перепрыгивая через неприступные препятствия. Стоял страшный шум. Откуда-то появилась дымовая завеса, закрывшая страшных стальных чудовищ.

В подземной крепости готовились отразить врага. Замакированные холмы и бугорки оживали. Они вращались во все стороны, высматривая себе добычу.

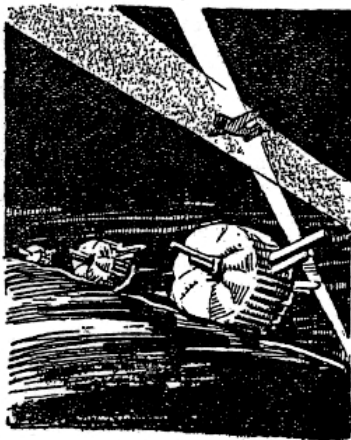
Вдруг начался страшный свист. Кругом взлетали камни, земля. Громадные деревья падали словно тростники.

Это начали действовать электрические пушки подземной артиллерии, посылая в врага свистящие снаряды, от которых глохли люди.

Уставшие наблюдатели с трудом успевали наводить пушки. В артиллерийских будочках стояла невероятная жара, отчего солдаты снимали свои гимнастерки. По узким круглым туннелям непрерывно мчались маленькие электровозы, развозя снаряды для пушек.

Первая танковая атака была отбита. Наступило временное затишье.

Где-то в небе жужжали самолеты. Изредка между деревьями показывались люди. Надвигалась ночная темно-

та. Далеко у моря ухали бомбы.

Неожиданно вся местность озарилась ярким светом прожекторов.

Командованию подземной крепости приказано наступать.

Десятки маленьких истребителей и бомбовозов поднимались на лифтах наружу и выстраивались в ряд для взлета. Раздалась команда, и вся воздушная эскадрилья поднялась в воздух.

* * *

Разведчики донесли, что с запада приближаются неприятельские бомбардировщики. Сотни зенитных электрических пушек повернули свои жерла в небо.

Вдалеке группа людей устанавливала какой-то сложный аппарат, похожий на большой шар. Это был аппарат «лучей смерти».

Если вражеские самолеты прорвутся через цепь зенитной артиллерии, они неизбежно погибнут от смертоносных лучей.

Маленькие ракетки звукоулавливателей с чувствительными микрофонами пускались в воздух. Небольшой передатчик, находящийся в них, передавал улавливаемые звуки на землю. Такие ракеты точно указывали направление самолетов противника. Самолеты были уже совсем близко, однако увидеть их не удавалось.. Они были окружены каким-то туманом, делающих их невидимыми. Самые мощные прожекторы не могли просветить облако.

Но выход был найден. Прожекторы инфракрасных лучей сразу же осветили самолеты. Их было около 30 штук. Они летели совсем низко. Началась бомбардировка. В ответ с земли загремела электрическая артиллерия. Но несмотря на то, что стреляли почти все пушки, попадание было очень плохое. Удалось сбить только двух бомбардировщиков и одного истребителя. Самолеты начали осыпать артиллерию градом бомб. Крутом взлетали кучи земли, стоял

страшный гул. Артиллерия прекратила свой бесполезный огонь.

Оставалась одна только надежда на страшный аппарат. Люди замерли на своих постах. Раздался свисток. Послышалось шипение. Из небольшого отверстия в шаре вырвался луч, который начал утоньшаться, превратившись в ослепительную иглу. Луч стал двигаться по небу, приближаясь к самолетам. Он на мгновение остановился на первом самолете, который тотчас же воспламенился. За ним второй, третий...

Нападение было отбито. Загоревшиеся самолеты огненными факелами падали на землю. Уцелевшие повернули обратно, «Луч смерти» победоносно шарил по черному небу. Затем он исчез в отверстии шара, откуда и появился.

Но вдруг один из прожекторов осветил какое-то розовое облако, которое быстро опускалось на землю. Раздался свисток и из аппарата снова вырвался пучок лучей, который сейчас же впился в облако. Но несмотря на то, что луч обшарил все облако, ни одного самолета не удалось увидеть. А между тем облако все опускалось ниже и ниже. Вдруг раздался пронзительный звук сирены:

— Газы!.. газ...

Все судорожно начали надевать противогазы.

Между тем розовый туман совсем опустился, окутав все пространство. Пустили все прожекторы инфракрасных лучей, но на горизонте ничего не было видно.

Командование приказало наступать на крепость. Но в этот момент произошло что-то страшное. Люди начали отчаянно чихать, некоторые, сняв с себя противогазы, падали

на землю. Противогазы оказались бессильны.

Это отравляющее вещество, никому до сих пор неизвестное, проникало положительно через все. Даже кислородные противогазы долго не выдерживали.

Люди начинали задыхаться. Появились первые жертвы газовой атаки. Но, к счастью, розовый туман продержался недолго. Небольшой ветерок, подувший с севера, быстро разогнал его.

* * *

Толстый, лысый полковник сидел за пультом управления телевизора. Рядом с ним сидело все командование подземной крепости.

— Посмотрите, как действует ваш новый газ.

Полковник рассмеялся.

— Хорошо бы увидеть их аппарат «лучей смерти».

— Это не так просто. Рядом с аппаратом находится электростанция, которая мешает волнам нашего телевизора. Но мы еще увидим его. А пока нужно посмотреть, что делается в их штабе.

— Господин полковник, у них тоже есть телевизоры.

— Ну, так что ж? Такого мощного, как у нас, пока нигде нет.

Полковник начал вращать ручку телевизора. Моментально изображение исчезло. Экран покрылся зелеными точками, которые начали сливаться в изображение. Появились расплывчатые фигуры людей, но как ни старался полковник настроить, изображение по-прежнему оставалось расплывчатым.

— Что такое? У них где-то поблизости работает радио. Придется...

Полковник не закончил. В этот момент раздался страшный треск. Все упали со своих стульев. Через несколько секунд этот треск повторился...

Крепость «недоступности» прекратила свое существование. «Лучи смерти» победили.

**Ф. Кожин,
инженер**

МАГНИТНАЯ СТЕНА

(1939)

Получение в лабораторной обстановке сверхсильных магнитных полей невольно порождает мысль об использовании их в обороне страны. Забегая на много лет вперед, когда, быть может, будут созданы магниты огромной, фантастической силы, можно высказать некоторые предположения о способах применения их в условиях обороны.

Для того, чтобы уяснить, на чем основаны наши предположения, вспомним механику действия магнитного поля. Возьмем подковообразный магнит и железную палочку. Начнем двигать палочкой так, чтобы она при своем движении пересекала магнитные силовые линии, которые расположены в пространстве между полюсами. Нетрудно убедиться, что магнит противодействует движению железной палочки. Тормозящее действие магнитного поля будет тем больше, чем сильнее магнит и чем быстрее движение палочки.

Вместо железной палочки возьмем ртутный термометр и начнем его так же быстро двигать в магнитном поле. Если магнит сильный и термометр движется достаточно быстро, то магнит и на этот раз будет тормозить движение металлического предмета (ртутный шарик в термометре). Кроме того, во время движения термометр несколько нагреется.

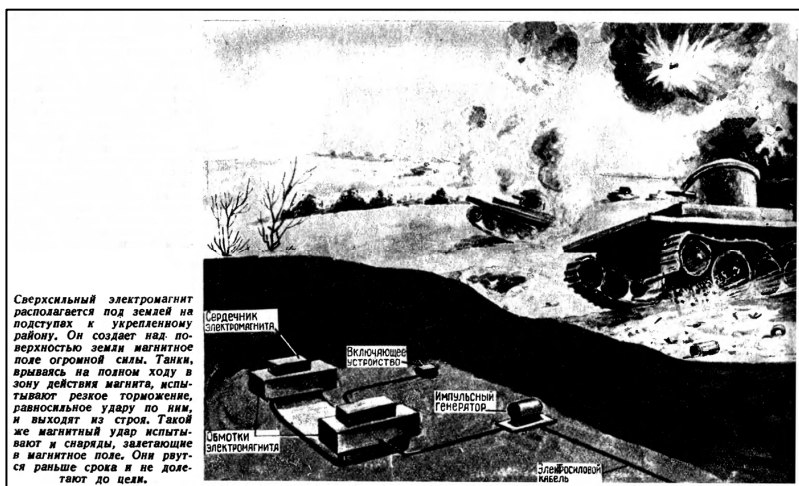
Можно сделать вывод, что магнитное поле стремится тормозить движение металлических предметов, особенно железных и стальных. При этом металлические тела во время движения в магнитном поле нагреваются.

Эти действия магнитного поля на металлические предметы тем сильнее, чем больше сила магнита. Техника получения постоянных магнитов большой силы в данное время сделала большие успехи, но принципиально с помощью электромагнитов можно получить гораздо более мощные магнитные поля, чем при помощи постоянных магнитов.

Как же эти свойства магнитного поля можно использовать, например, в обороне укрепленного района?

Представим себе мощные электромагниты, расположенные под землей на подступах к укрепленному району.

Питание электромагнита осуществляется импульсным генератором, который соединен подземным кабелем с электросиловой сетью. Чувствительный механизм, расположенный также под землей, при прохождении над ним автомашин, танков и т. п. автоматически включает импульсный генератор. Генератор посылает ток в обмотки электромагнита, вследствие чего на пути следования танков устанавливается мощное магнитное поле.

Любой движущийся экипаж — автомобиль, танк, броневый автомобиль, — обладающий большой железной массой, проходя в сфере действия электромагнита, испытывает его тормозящее действие. Оно может проявиться различно. Например, танк на малой скорости может быть сразу остановлен магнитным полем. Если же танк идет полным ходом и вследствие этого имеет большую кинетическую энергию, то он может по инерции проскочить сферу действия электромагнита, испытав при этом большое замедление скорости. Но большое замедление скорости равносильно удару по танку, и тем большей силы, чем больше замедление. Экипаж танка будет с силой отброшен к передней стенке, а двигатели, вращаясь по инерции, порвут сцепление. Танк выйдет из строя.

Что произойдет со снарядами и пулями, которые будут пролетать в зоне действия магнитного поля?

Снаряд, влетая в магнитное поле, также испытает его тормозящее действие, которое будет равносильно удару по снаряду. Но различные типы снарядов будут по-разному реагировать на такой магнитный «удар». Снаряды, которые рвутся через определенные дистанции или имеют взрыватели замедленного действия, испытав тормозящее действие магнитного поля, упадут, не достигнув цели, а снаряды, которые взрываются от удара, пролетая магнитное поле, будут взрываться преждевременно.

Невозможна будет и пристрелка снарядами, которые на своем пути пересекают сферу действия мощного электромагнита, так как снаряды будут разрываться в одном и том же месте, недалеко от электромагнита.

Если магнитное поле тормозит движение снаряда, то в еще большей мере оно будет тормозить полет пули. И это понятно: кинетическая энергия летящей пули значительно меньше, чем энергия снаряда в полете. Поэтому при вполне определенной силе магнитного поля возможны полная остановка пули и ее падение на землю тут же, около электромагнита.

Таким образом, сверхмощное магнитное поле образует как бы невидимую стену, о которую разбиваются танки противника и которая ограждает обороняющиеся части от артиллерийского и пулеметного огня.

Расположив в соответствующих местах электромагниты, можно с их помощью обеспечить надежную защиту наиболее важных объектов обороны.

Л. Рихтер

ОТРАЖЕННЫЙ НАЛЕТ

(1939)

Отраженные

Массовое применение авиации в современной войне стирает все грани между фронтом и тылом. СССР обладает сильнейшим в мире воздушным флотом. В час тревоги гордые сталинские соколы поднимутся стройными звеньями на защиту своей родины. Они прервут путь вражеской авиации, не позволят ей пересечь воздушные рубежи Советского Союза, будут уничтожать врага на его же территории. Но если воздушные пиары противника прорвутся в наш тыл...

Л. РИХТЕР

Тревога!

Без объявления войны вражеские эскадрильи вторглись на территорию Советского Союза. По заранее разработанному плану неприятельские бомбардировщики ринулись к намеченным объектам.

В этот день жизнь города N, промышленного и административно-политического центра области, находящегося недалеко от границы, протекала, как всегда, спокойно. Рабочие стояли у станков, торговали магазинами, в школах и институте шли занятия.

Первыми обнаружили приближающегося врага посты воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС), расположенные еще на подступах к городу.

Не теряя ни минуты, стремительно взмыли кверху быстродвижные истребители.

Орудийные расчеты, подготовка к стрельбе скорострельные зенитки, ждали команды, чтоб открыть огонь по фашистским самолетам.

Поднялись высь аэростаты, между которыми были протянуты сети проволочных заграждений.

Прошло несколько минут, и командир отряда истребителей и разведчиков, подвигшихся по тревоге, радировала о количестве неприятельских самолетов, их курсе, типах машин, высоте полета и о своем решении вступить с ними в бой.

К этому времени сигнал «воздушная тревога» (ВТ) был уже передан штабом пункта противовоздушной обороны всем средствам ПВО города.

Одновременно сигнал воздушной тревоги получил и штаб начальника городской противовоздушно-химической обороны (ПВХО), организующий защиту населения от воздушных налетов.

работали учреждения... Нормальное течение трудовой жизни большого города не нарушалось.

И вдруг — тревога! Приближалась вражеская авиация...

Так начала действовать советская система противовоздушной обороны — самая активная из всех видов обороны.

В то время как на подступах к городу разгорелся ожесточенный воздушный бой, многонаселенный город N деятельно и организованно, без малейшей паники проводил свои защитные мероприятия.

— Внимание... Внимание...

Большие уличные радиопупы предупреждают население о воздушной тревоге. Голос диктора спокоен. Непрерывно гудят фабричные сирены и гудят паровозы.

Опасность страшна только тогда, когда не знаешь, как с ней бороться. Но жители города N хорошо изучили, как следует поступать при воздушных тревогах, и теперь каждый организованно, без паники и суеты делает свое дело.

Служащий в учреждении, рабочий на фабрике, прохожий на улице, покупатель в магазине — каждый из них принимает меры индивидуальной защиты.

Через несколько минут после объявления воздушной тревоги каждое предприятие, каждый дом превращаются в крепость организационной обороны. Те, кто в этот час находится дома, готовят противогазы, индивидуальные перевязочные пакеты первой помощи, наклеивают на оконные стекла полоски плотной бумаги (чтобы от сотрясения воздуха при взрыве бомбы стекла не вылетали), а затем навешивают светонепроницаемые шторы на случай повторения воздушной тревоги ночью.

Вот отдельные картины того, что происходит в домах.

Пина, стоящая на столе, тщательно укрывает.

Вещи, которые могут пострадать от раз-

дающего действия ОВ, укладываются в прорезиненный мешок.

Срочно организован пункт неотложной помощи.

Делаются запасы воды — на случай пожара и повреждения водопровода.

Члены химического звена готовят свои защитные костюмы.

На сборный пункт явилась группа самозащиты.

Члены санитарного звена отправляются на дежурство в тамбурке.

Так город N готовился к встрече непрошенных гостей.

Тем временем неприятельские эскадрильи, встретившие советскими быстроходными истребителями, уже потеряли в бою несколько самолетов. Все же фашистские эскадрильи попытались проорвать железное кольцо обороны. Но пространство, заполненное разрывами снарядов и густым дождем пуль, оказалось для противника непреодолимым. Уже несколько подбитых самолетов пылающими факелами свалились вниз; другие, поддавшись панике, сбросили куда пошло теперь уже обременительный для них груз бомб и начали спасаться бегством.

И лишь несколько случайных воздушных пиратов, которым удалось забраться на большую высоту, прорвались к городу.

Но уже давно по сигналу воздушной тревоги опустели площади и улицы города. Движение транспорта прекратилось.

Стоят опустевшие трамваи и машины там, где их застала тревога. Кто был далеко от своего дома, тот, по указанию милиции и постов охраны порядка, укрылся в различных убежищах. Только в глубине подвалов, на площадях и перекрестках улиц с машинками почтовых телефонов и средстами сигнализации устроились наземные наблюдательные посты команд ПВО и дозорных групп самозащиты. Их задача — наблюдать за местами падения и действием авиабомб. Также же посты расположены и на крышах высоких домов; отсюда они следят за приближением неприятельских самолетов.

И вот вдали замелькала черная точка. Забравшись на огромную высоту, обезумевшие от преследующей их по пятам советской истребительной авиации фашистские пилоты потеряли способность ориентироваться в плане лежащего под ними города. Лихорадочно сбрасывают они свой смертоносный груз на случайные объекты. Большая скорость и высота полета помешали точному прицелу — большинство бомб летело мимо цели.

И все же огненный шквал обрушился на землю.

Город наполнился оглушительным грохотом рвущихся футасных бомб...

Несколько бомб упало на площадь.

Наблюдатель, находившийся в подвале дома, обнаружил, что разрыв бомб сопровождается появлением газа. И тотчас раздался пронзительный вой сирены.

Сигнал химической тревоги был подхвачен другими наблюдателями — послышались удары в колокол, а медные сварядные гильзы.

Газы!

По сигналу «химическая тревога» (ХТ) жители города стали мгновенно надевать противогазы. Противогазы надели взрослые и ребята.

В специальных противогазах были облачены животные — собаки, лошади...

Одновременно герметически закрывались двери газобезопасных; естественный приток воздуха прекратился, и начали действовать специальные фильтро-вентиляционные установки, очищающие наружный воздух от ОВ.

Некоторые из сброшенных неприятелем бомб оказались начиненными смесью порошкообразного алюминия и окиси железа — термитом.

При горении термита развивается температура до 3500°. В различных пунктах города эти зажигательные бомбы вызвали пожары...

Паника — опаснейший враг во время воздушного нападения. Она отнимает у людей способность защищаться, увеличивает размеры опасности, парализует нормальную жизнь города. Об этом помнит каждый советский гражданин.

...но жизнь города

Население города № встретило налет вражеской авиации организованно и спокойно. Трудовая жизнь города не была прервана. Предприятия и учреждения не приостанавливали нормальной работы. Никто не покидал своего поста.

Надев противогаз, научный сотрудник одного из институтов продолжает свою исследовательскую работу.

Ведется работа в сечном отделе большого учреждения. Служащие — в противогазах.

Рабочие машиностроительного завода продолжают собирать необходимые для обо-

роны машины. Противогазы не мешают работе.

И даже в больнице врачи, надев противогазовые маски, делают неотложную операцию. Противогазом снабжен и оперируемый.

В аптеках попрежнему изготавливают лекарства, — противогазы не мешают соблюдать точность в работе.

Железнодорожник — на своем посту! Надев противогаз, он спокойно пропускает товарный поезд через станцию. Транспорт должен при любых условиях работать четко и бесперебойно.

Опасность

Враг уже далеко. Но он не уйдет безнаказанно. Отряды советских истребителей, разбив его боевой строй, теперь «отжимают» отдельные самолеты противника все дальше и дальше от границ, вынуждая их к посадке на нашей территории.

Убедившись в том, что опасность миновала, начальник штаба ПВО города приказывает всем средствам связи дать сигнал отбой.

Радиорупоры на площадях, улицах и в домах оповещают население о том, что противник отброшен и опасность миновала.

Жителей города снимают противогазы. Постепенно оживает уличное движение, раскрываются двери газубежищ.

Только в очагах поражения, оцепленных милицей и командами противовоздушной обороны, кипит работа: ликвидируются последствия вражеского нападения.

Команды дегазаторов, одетые в непроницаемые противоязвенные комбинезоны, обезвреживают зараженные участки местности при помощи специальных химических веществ, отмечают стрелками районы поражения.

Вот, например, дегазируется часть мостовой: из ящика, передвигаемого на колесах, распыляется хлоран повесь.

А вот другая химическая команда обезвреживает трамвай, попавший под действие газовой бомбы.

не нарушена

Все умеют пользоваться противогазами и работать, не снимая их.

Инструкторы ПВХО своевременно обучили население, как поступать при случайном порче противогаза, как, находясь в отравленной атмосфере, сменить его на исправный и т. п.

Жители города Н умеют по запаху и цвету различать отравляющие вещества, знают их действие и средства противодействия, могут, в случае надобности, оказать первую помощь пострадавшим.

Широко развернули свою деятельность группы самозащиты домов.

На улицах, во дворах, на дверях квартир первых этажей — везде и всюду мелькают красные кресты. Это санитарные посты, передвижные госпитали, пункты неотложной помощи.

Члены санитарных звеньев отважно и энергично работают в очагах заражения: подбирают пострадавших, выносят их из отравленной зоны и доставляют на пункт неотложной помощи. Здесь с пострадавшего снимают зараженную одежду, применяют искусственное дыхание, обмывают раненные части тела, делают перевязки.

А при серьезных ранениях после оказания первой помощи немедленно отправляют пострадавшего в госпиталь...

Город притаился, притих, но жизнь в нем не прекращается. Каждый гражданин занят исполнением порученной ему работы

миновала

Специальные технические команды приступили к спасательным работам. Они разбирают завалы в обрушенных зданиях, устраняют повреждения водопроводов, кабелизации, осветительной сети...

Пожарные команды всего города брошены в пострадавшие районы. Им активно помогают специальные пожарные звенья групп самозащиты домов.

Везде и всюду последствия нападения ликвидируются полным ходом. Вот пожарники снимают с мостовой последние следы нападения: здесь дегазация уже проведена.

А в другом месте пожарная команда занята тушением горящего здания.

Пожарникам помогает население. Вот член пожарного звена ликвидирует с помощью ручного огнетушителя замеченный им очаг огня...

Жизнь города полностью вошла в нормальную колею. Повсюду царят оживление. Следов прошедшей тревоги незаметно.

Врат просчитался. Ему не удалось посеять панику, не удалось нарушить жизнь города и дезорганизовать работу крупного промышленного центра.

Спокойствие, выдержка и организованность советского народа в сочетании с мощной и активной противовоздушной обороной — нерушимая крепость, о которую разобьются любые фашистские эскадрильи.

Николай Тoman

**МИМИКРИН ДОКТОРА
ИЛЬИЧЕВА**

Рис. Н. Дутова

(1939)

И И И К Р И Н

доктора Ильичева

Столкновение двух миров — мира социализма и мира капитализма — неизбежно. Авангардный отряд банковских хищников — фашизм бешено готовится к нападению на Советский Союз.

Проблемы этой будущей войны все более привлекают внимание советских патриотов и, в частности, нашей литературы. Этой теме посвящена и первая повесть инженера-комсомольца Ник. Томана.

Немецкие фашисты начинают войну против СССР. В грозной готовности встречает советский народ врага и уничтожает его, не допустив к границам социалистической родины.

Неизвестно, будет ли в действительности война развиваться именно так, как это показано в повести Томана, но бесспорно одно, — что в результате войны фашизм будет уничтожен.

1. В штабе Особого корпуса

В шесть часов пятьдесят пять минут утра все офицеры штаба Особого корпуса Восточно-Германской армии были в сборе. Начальник штаба, полковник Отто фон Шлоттейм, раздал им секретный приказ.

Офицеры прочли:

«Приказываю: всех рядовых и унтер-офицеров с первых и вторых зон немедленно перевести в третью зону. Во второй зоне все подготовительные работы вести силами офицеров инженерных частей.

Командующий Особым корпусом Восточно-Германской армии генерал Фридрих фон Пеггендорф».

Когда часы пробили семь, в штаб второй зоны вошел командующий корпусом. Офицеры встали. Командующий поздоровался и сказал:

— Господа офицеры, начало активных действий назначаю на пятнадцатое мая. В вашем распоряжении семьдесят два часа. В течение первых суток необходимо перебросить всех рядовых и унтер-офицеров в третью зону и закончить установку фундаментов для атомных батарей. В третьи сутки привести батареи в боевую готовность. Переброску рядового и унтер-офицерского состава в третью зону поручаю полковнику Шлегелю. Подготовительные работы и монтаж батарей — инженеру Бурхгардту. Все.

Сказав это, фон Пеггендорф направился к письменному столу, заваленному топографическими картами и чертежами.

— Ваше превосходительство, — сказал Шлоттейм, когда все вышли из штаба, — вот донесения начальника первой зоны.

Пеггендорф взял протянутые бумаги, не взглянув на них, положил в портфель, пододвинул к Шлоттейму кресло.

— Садитесь, полковник. Как дела на фронте?

Полковник Шлотгейм был типичным военным служакой. Человек недалекий и талантами не блещущий, он был на хорошем счету как чрезвычайно дисциплинированный офицер. Шлотгейм славился изумительной памятью, пунктуальностью, необычайной требовательностью к своим подчиненным и неразговорчивостью: иной раз за весь день он произносил не более десятка слов.

На вопрос Пеггендорфа полковник ответил коротко и сухо:

— Северо-восточная союзная армия под давлением советских частей отступила к району озера Перебродье. На юго-восточном — без перемен.

Пеггендорф вынул портсигар, предложил Шлотгейму папиросу.

— Как обстоит дело в нашем районе, полковник?

— Русские сосредоточивают в пограничных районах танковые и воздушные части, но активных действий пока не начинают.

— Отлично, полковник. Дайте мне, пожалуйста, списки офицеров штаба корпуса и главного пункта централизации первой зоны.

Начальник штаба достал из полевой сумки списки.

— Благодарю, полковник, — больше я вас не задерживаю.

Против обыкновения, Шлотгейму хотелось поговорить с генералом и узнать, чем вызвана переброска рядовых и унтер-офицеров в третью зону, но генерал был не в духе. Правда, внешне это не было заметно, но Шлотгейм за десять лет совместной службы в совершенстве изучил характер Фридриха Пеггендорфа: генерал был вежлив, это являлось дурной приметой.

Шлотгейм вышел во двор.

— Что приуныли, господин полковник! — весело крикнул толстый майор Карл Гассерт. — Читали в «Дейче Вэр» статью фюрера?

Майор Гассерт был добродушным, веселым человеком. Даже Шлотгейм любил поговорить с ним в свободное время.

— Что пишет фюрер, господин майор?

Карл Гассерт подал начальнику штаба газету и, хитро улыбаясь, сказал:

— Фюрер обещает снизить немецким фермерам налоги, как только мы зайдем Советскую Украину.

Долгие годы Третья империя готовилась к этой войне, но, странная вещь, обещание фюрера и начальнику штаба показалось смешным. Он улыбнулся, но, спохватившись, торопливо спрятал улыбку в колючие закрученные усы и строго сказал Гассерту:

— Господин майор, потрудитесь представить мне списки обслуживающего персонала зенитного сектора.

И, едва отвечая на приветствия офицеров, Шлотгейм торопливо направился к воротам штаба. В поле уже стояли десантные машины: полковник Шлегель приступал к переброске рядового и унтер-офицерского состава.

На восточной границе второй зоны велась установка фундаментов для атомных батарей. Начальник штаба вынул из футляра бинокль и со штабного наблюдательного пункта начал следить за работой. Фронт работ был сильно растянут, и обслуживающего персонала для машин явно не хватало. Лейтенанты, перепачканные цементом и землей, выбиваясь из сил, суетились у экскаваторов и бетономешалок.

«Сюда совершенно необходим батальон саперов», — подумал полковник и подозвал к себе инженера, руководившего работой на этом участке.

— Как дела, господин инженер?

— Очень плохи. Если нам не дадут еще людей, задание на моем участке не будет выполнено.

Генерал Пеггендорф сидел в своей комнате и синим карандашом вычерчивал на зеленом фоне топографических карт траектории полета снарядов атомных батарей. Когда вошел Шлотгейм, он отложил карты в сторону и спросил:

— Ну как, полковник, справятся лейтенанты с установкой фундаментов?

— Боюсь, что нет, ваше превосходительство. Им необходима помощь.

- Переброшены ли уже саперные части в третью зону?
- Нет еще, ваше превосходительство.
- Тогда оставьте во второй зоне два батальона.

Шлотгейм по телефону передал приказ дежурному офицеру.

Тучный, страдающий одышкой генерал, заложив руки за спину, тяжело ступая, ходил по комнате. Шлотгейм не ошибся: Пеггендорф был не в духе. Концентрация советских частей в районе Особого корпуса внушала ему серьезные опасения. Генерал боялся, что они могут перейти в наступление, прежде чем он пустит в ход атомные батареи. Местонахождение их было известно только ограниченному числу старших офицеров. На своих солдат генерал не мог положиться, поэтому он и дал распоряжение перебросить их в третью зону.

— Ваше превосходительство, — прервал размышления генерала начальник штаба. — Я полагаю, что на подготовительные работы следует бросить только один батальон саперов, а второй использовать на установке батарей.

— Хорошо, я согласен. Нужно только постараться, чтобы саперы никогда уже больше не смогли болтать об этой работе. Надеюсь, вы понимаете меня, полковник?

Шлотгейм смутился.

— Но, ваше превосходительство, среди саперов больше половины поляков...

— Тем более, полковник, — перебил генерал Шлотгейма. — Польскому командованию все это дело можно объяснить несчастным случаем. Кстати, полковник, так же следует поступить и с офицерами, фамилии которых я отметил в списках крестами.

Шлотгейм взял списки и с удивлением увидел кресты возле фамилий многих офицеров, занятых на установке атомных батарей.

— Садитесь, — продолжал Пеггендорф, — мне нужно с вами поговорить.

Шлотгейм опустился в кресло.

— Запомните раз и навсегда, полковник: мы не можем полагаться на наших солдат. Вместо того, чтобы постоянно

быть с ними начеку, лучше совсем отказаться от них. Считайте, что у нас нет пехоты.

— Позвольте, ваше превосходительство, — вежливо перебил Шлоттейм, — а штурмовые отряды, разве они не идут в счет?

— Штурмовые отряды! — Пеггендорф усмехнулся. — Будет хорошо, если они совместно с гестапо обеспечат нам безопасный тыл.

Он помолчал, опять закурил папиросу и добавил:

— Может быть, это и к лучшему, что у нас нет пехоты. Во всяком случае, спокойнее. Это ведь в наполеоновских войнах участь сражений решалась большими батальонами. К счастью, сегодня решающее слово остается за «большими бертами».

— Совершенно верно, — сказал Шлоттейм, хотя внутренне он не соглашался с генералом и не одобрял его чрезмерного увлечения техникой. У полковника была своя точка зрения на солдата. Он был уверен, что хорошо поставленной муштровкой можно заставить солдата не только повиноваться, но и выигрывать сражения.

— Надеюсь, полковник, — продолжал Пеггендорф. — вы понимаете, что Советская Россия — это не Австрия и не Чехословакия. Фюрер знает это лучше других, поэтому-то он и дал моему корпусу особые полномочия... Мне нужно всего семьдесят два часа, чтобы сделать из Белоруссии форшмак, и не более пяти суток понадобится для Украины. Но до тех пор, пока не будет разрушен дотла последний поселок на советской земле, об окончательной победе над Советским Союзом нечего мечтать. Никогда не забывайте этого, господин полковник.

Пеггендорф уложил в портфель бумаги и направился к выходу. У дверей он обернулся, сказал строго:

— Просмотрите хорошенько списки офицеров. Может быть, следует поставить еще несколько крестов.

Шлоттейм снова перечел списки. Крестики у некоторых фамилий ему не совсем нравились. Это были фамилии хорошо знакомых ему офицеров, с многими из которых он

поддерживал дружеские отношения. Но что поделаешь, если это необходимо...

Вздохнув, Отто фон Шлотгейм взял красный карандаш и, подумав, поставил крестик возле фамилии Карла Гассерта.

2. Смерть Аргуса

В саду было тихо. Нарядные яблони роняли на землю белые лепестки. Большой колхозный сад, казалось, захмелел от цветения.

Под деревом скулил пес. Он был привязан длинным ремешком к стволу яблони. Ремешок дергался и напрягался от усилий неутомной собаки, но самой ее не было видно. Лишь присмотревшись, можно было заметить зеленый контур ее туловища, почти совершенно сливавшегося с окраской местности.

Батальонный врач Яков Бахтадзе, наблюдавший за собакой, говорил ласково:

— Ну что ты, дорогой, ерзаешь? Посиди спокойно. Мы тебе сейчас кушать дадим. Дайте Аргусу кушать, товарищ Гуцин.

Худощавый и высокий красноармеец Гуцин поставил перед Аргусом миску с супом. Пес понюхал суп, облизнулся и отошел в сторону.

— Чего ты, дурашка? — сказал Бахтадзе. — Ешь, пожалуйста.

— Может быть, у него уже начинается? — тревожно спросил Гуцин.

Врач посмотрел на часы.

— Рано еще. Через полчаса должно начаться. С привязи нужно спустить — сразу кушать станет. Не любит Аргушка привязь.

Гуцин снял с собаки ремешок, и она, радостно повизгивая, принялась есть суп.

Гущин сел на корточки возле Аргуса и, погладив его, спросил:

— А я все-таки до сих пор не понимаю, как это товарищу Ильичеву удастся собак невидимыми делать? Объяснили бы, товарищ врач.

— А Ильичев разве вам не рассказывал? — удивился Бахтадзе.

— Рассказывал, только я не все понял, а расспрашивать неудобно было. Занятый он человек.

— Ну, это вы зря. Он бы вам растолковал, нашел бы время. Могу, конечно, и я объяснить. Есть такое слово — мимикрия. Слово это означает способность животных окрашиваться в цвет местности, в которой они водятся.

— У нас, у саперов, это маскировкой называется, — заметил Гущин.

— Совершенно верно. Этой самой маскировкой, или мимикрией, широко пользуются для защиты от врага или нападения на него почти все животные. Те из них, которые живут в полярных странах, например белый медведь, снежная сова, гренландский сокол, имеют преимущественно белую окраску...

— Понятно, товарищ врач, — перебил Гущин. — Вот песец, горностаи и заяц-беляк зимой бывают белыми, а летом бурыми.

— Верно. Наблюдается мимикрия не только у животных. Рыбы, ракообразные, головоногие, моллюски и прочие обитатели рек и морей не хуже животных маскируются под цвет речного или морского дна. О насекомых и говорить не приходится. Они в этом деле достигли удивительного совершенства. Все это я рассказываю вам к тому, чтобы показать, как широко распространено среди животных это замечательное свойство. Человек же лишен этого свойства, и было бы неверным утверждать, что он в нем не нуждается. Что можете сказать по этому поводу вы, сапер?

— То, что природа нас обошла — это факт, — ответил Гущин, — но раз мы, саперы, занимаемся маскировкой, значит, в мимикрии у людей тоже есть потребность...

— Золотые слова! — засмеялся Бахтадзе. — Наверное, доктор Ильичев был с вами одного мнения, так как он твердо решил исправить оплошность природы. После долгих исследований он получил краску, не имеющую абсолютно никакого цвета, но обладающую способностью мгновенно окрашиваться в цвет местности. Так что в этом отношении он даже перещеголял природу. Наш Аргус может это засвидетельствовать. По некоторому сходству краски с мимикрией животных Ильичев и назвал ее мимикрином.

— Выходит, человек-то хитрее природы, — сказал Гущин.

Разговор прервался шумом приближавшегося к саду автомобиля.

— Инженер Гроздев, наверно, — сказал Гущин и направился к воротам.

Действительно, к саду в малолитражном зеленом автомобиле подъехал военный инженер — комсомолец Гроздев.

Выйдя из машины, он пожал руку Гущину и спросил:

— Ну как, жив еще Аргус?

— Жив, товарищ инженер, но ему уже недолго осталось...

Гроздев вошел в калитку, сорвал цветок яблони и, пожевывая лепесток, пошел по саду. Рослый, стройный, он задевал головой ветви яблонь, и белые лепестки, кружась, падали на его плечи.

— Яков! — закричал он, увидев Бахтадзе. — Разве можно поверить, что за полтораста километров от этого сада идет война? Ты посмотри, красота какая!

— Вот единственная вещь в этом саду, напоминающая о войне, — печально сказал Яков, указывая на труп собаки, вытянувшейся у его ног.

Гроздев удивился.

— Гущин говорил, что Аргус жив...

— Сдох как раз перед твоим приходом. Как и в предыдущих случаях, смерть произошла ровно через двое суток.

— А вы делали анализ краски, Яша?

— И днюем и ночуем в нашей походной лаборатории, но пока ясно только одно: химические элементы, вошед-

шие в состав краски, дали какое-то ядовитое соединение, проникающее в кровь...

Гроздев задумчиво перелистывал блокнот, делая на некоторых листах пометки.

— А где Ильичев? — спросил он Гущина.

— В лаборатории, конечно.

Гроздев спрятал блокнот в карман и направился к небольшой крестьянской избе, занятой под лабораторию.

Ильичев, еще издали заметив Гроздева, вышел на крыльцо и весело крикнул:

— Не за мной ли, Миша?

Крупный ученый, доктор медицинских наук Алексей Васильевич Ильичев пришел в армию с первых же дней войны. Работая полковым врачом, он не оставлял своих научных занятий и с врачом Бахтадзе и двумя химиками ежедневно работал над усовершенствованием мимикрина.

Крепкий, коренастый Ильичев казался совсем еще молодым человеком, хотя было ему около пятидесяти лет. Гимнаст и отличный теннисист, он уступал первенство в спортивных соревнованиях только своему приятелю инженеру Гроздеву.

Поднявшись на крыльцо, Гроздев пожал руку врачу и сказал:

— Угадал, Алексей Васильевич, за тобой. Комдив ждет тебя в штабе дивизии.

Ильичев усмехнулся.

— Мимикрином, верно, интересуется комдив?

— Надо полагать, что так. Мимикрином твоим, Алексей Васильевич, многие теперь стали интересоваться.

— А вот это уже плохо. Чем меньше о нем будут знать до поры, до времени, тем лучше.

Ильичев набросил на плечи шинель и взял полевую сумку.

— Вот я и готов, Михаил Петрович, — сказал он и, обращаясь к Бахтадзе, добавил: — А ты, Яша, займись анализом крови Аргуса.

— Поедете с нами, — сказал Гроздев Гущину. — Садитесь за руль и везите нас в штаб дивизии.

Машина обогнула сад и выехала на шоссе. Небо было голубое, чистое. Высоко вверх звенел жаворонок.

Автомобиль мчался по гладкому шоссе. Мелькали по сторонам сосновые леса, густые и синие. Дул в лицо ветер, пропитанный запахом смолы.

Вскоре показался военный городок. Гуцин свернул на перекрестке влево и убавил ход. У ворот городка часовой остановил машину. Караульный начальник тщательно проверил документы.

Проехав длинную улицу, обсаженную деревьями, автомобиль остановился у здания штаба дивизии.

— А мы вас давно ждем, товарищи, — встретил приехавших дежурный по гарнизону и повел к командиру дивизии.

3. У командира дивизии

В кабинете комдива собрались почти все командиры полков и отдельных частей. Как только Ильичев и Гроздев вошли, комдив встал и попросил оставить его наедине с врачом и инженером.

— Садитесь, товарищи, — сказал комдив. — Рассказывайте, Алексей Васильевич, как обстоит дело с мимикрином.

— Можно считать, товарищ комдив, что большая часть работы закончена. Полученный мною химический состав обладает почти идеальными свойствами мимикрии. Тела животных, окрашенные мимикрином, мгновенно воспринимают цвет окружающей местности, почти совершенно сливаясь с нею, и только на близком расстоянии с трудом можно различить слабые контуры животных. К сожалению, свойства мимикрина воспринимают только живые организмы, металлические и деревянные предметы пока что остаются заметными, а кожаные изделия и одежду мимикрин просто разрушает, подобно кислоте...

— Ну, а как обстоит дело с ядовитыми свойствами мимикрина? Удалось ли вам их нейтрализовать?

— Аргус погиб, товарищ комдив. На живые организмы мимикрин по-прежнему действует смертельно.

— Значит, товарищ Ильичев, пехоту нам не удастся сделать невидимой?.. А ведь это было бы замечательно — невидимая пехота!

Комдив встал и взволнованно прошелся по комнате.

— Краску мы обезвредим, — сказал врач. — Но для этого необходимо время.

— К сожалению, временем мы не располагаем. — Комдив достал карту и расстелил ее на столе. — Слушайте меня внимательно, товарищи. Вы, конечно, понимаете, что военные действия, начатые немцами на северо-западе в районе Борковичи — Полоцк — Березино и на юго-западе в районе Шепетовка — Проскуров — Каменец, имеют целью оттянуть главные наши части к этим районам с тем, чтобы неожиданно бросить основные силы на Гомель и, ударив нам во фланг, обрушиться на Украину. Нам известно, что в районе Лунинец — Барановичи расположен особый немецкий корпус, замышляющий убийственную артиллерийскую атаку, известно также, что атака будет вестись атомными батареями. Но где находятся эти батареи, мы не знаем. Местонахождение их тщательно замаскировано. Конечно, мы обладаем достаточно мощной техникой для того, чтобы отразить эту атаку, но мы всегда должны помнить указание нашего правительства о том, что жизнь каждого красноармейца священна, и добиваться победы с наименьшими потерями. Поэтому нам необходимо получить точные сведения о расположении и мощности атомных батарей, нам необходимо проникнуть в расположение Особого корпуса...

Командир дивизии замолчал и испытующе посмотрел в глаза Ильичеву. Доктор задумался. Ему была понятна вся сложность обстановки. От успеха разведки зависело очень многое, и в этом случае его краска могла особенно пригодиться...

— Разведку мы посылаем сегодня ночью, — сказал комдив и выжидательно замолчал.

Ильичев вытер платком слегка вспотевшие виски и взволнованно произнес:

— Я считаю, что мимикрин можно использовать... Каким временем располагает разведка?

— Только двадцатью четырьмя часами.

— Смертельное действие краски начинается через двое суток, — решительно заявил Ильичев. — Времени достаточно... Я сам проникну в расположение частей противника.

— Нет, это невозможно, Алексей Васильевич, — тепло сказал комдив. — Вам это позволить мы не можем.

— Но ведь я изобретатель мимикрина... — взволнованно сказал Ильичев. — Если мне не удалось его обезвредить, так кроме меня самого никто и не должен от него пострадать...

— Я понимаю вас, Алексей Васильевич, — осторожно сказал комдив. — Но не забывайте хотя бы о том, что мимикрин еще пригодится нашей стране, впереди еще работа по обезвреживанию краски, и вы не имеете права рисковать собой.

Инженер Гроздев, внимательно следивший за разговором комдива с врачом, подошел к собеседникам.

— Простите, товарищ комдив, — вмешался он в разговор. — Я прошу вас послать в разведку меня.

Комдив встал и, положив руку на плечо инженера, ласково сказал:

— По этому вопросу я уже говорил с нашими командирами, и некоторые из них раньше вас, товарищ Гроздев, дали согласие пойти в разведку.

— Но я присутствовал почти на всех опытах с мимикрином, — настаивал инженер. — Я хорошо знаю его свойства и умею им пользоваться. Учтите это обстоятельство, товарищ комдив...

Комдив помолчал.

— Хорошо, — наконец тихо сказал он. — Я согласен. — Он крепко пожал руку Гроздева и добавил:

— Из штаба не уходите, инструкцию вы получите лично от меня.

Когда инженер вышел, комдив обратился к Ильичеву:

— А вы, Алексей Васильевич, сейчас же должны забрать все свои препараты и вылететь в Минск. В ваше распоряжение передается центральная минская лаборатория со всем ее штатом. Вопрос этот уже согласован с командующим фронтом. Приложите все усилия к тому, чтобы обезвредить краску в кратчайший срок.

4. Ночью

Поздно вечером 14 мая военный инженер Гроздев, назначенный начальником разведки, в секретной комнате штаба дивизии собрал свой небольшой разведывательный отряд. Было в этом отряде вместе с Гроздевым семь человек: врач Бахтадзе, лейтенант саперной части Каширин, три младших командира — Симоненко, Майзлин, Петров и сапер Гущин. С ними уже беседовал начальник штаба дивизии, и задача разведки была им ясна. Гроздев лишь коротко объяснил, что следует каждому из них захватить с собой.

— Выступаем в полночь, — в заключение сказал инженер, — пока отдохните и выспитесь.

Когда все вышли, Бахтадзе взволнованно схватил Гроздева за плечи.

— Как же так, Миша...

Гроздев отвернулся.

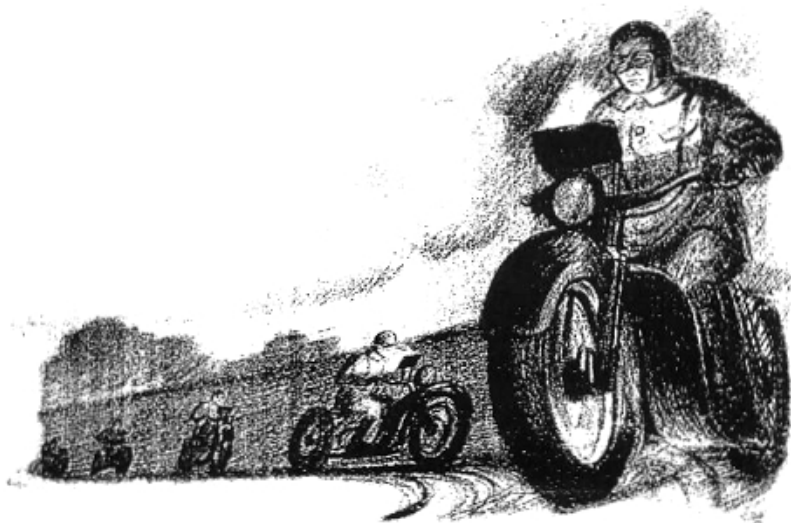
— Так нужно, Яша...

Он вынул из кармана запечатанное письмо и подал Бахтадзе:

— Если со мной что-нибудь случится... пошлешь это отцу...

В полночь все были в сборе. Двигаться к границе решено было на мотоциклах с бесшумными моторами и ультрафиолетовыми фонарями, свет которых не воспринимался человеческим глазом.

Отряд тихо выбрался на шоссе. Ночь была темная, холодная. Встречный ветер с силой бил в лицо. Грозовые тучи медленно ползли по небу, прикрывая звезды. Густая, тяжелая темь лежала на шоссе. Водители мотоциклов, всматриваясь в укрепленные над фонарем фотоэкраны, воспринимавшие ультрафиолетовые лучи, видели только небольшой круг освещенного ими пространства.

В стороне от шоссе бесшумно подтягивались к границе танковые части, а внизу, под дорогой, по которой ехали разведчики, двигались по коллекторным тоннелям тяжелые артиллерийские орудия.

Раза два сторожевые охранения, обнаружив разведывательный отряд, требовали предъявления документов. Гроздев в таких случаях просил вызвать командира или комиссара части и только им предъявлял свой пропуск.

Всю дорогу Гроздеву вспоминалось детство, родные места, семья... Воспоминания были приятные и необычайно отчетливые.

Вот он видит своего дедушку в широкополой соломенной шляпе, трясущего в саду яблони. Маленький Миша проворно собирает яблоки и кладет их за пазуху. Затем дед сажает Мишу на скрипучую мажару и везет из своей деревни Нижние Дубки в Верхние Дубки, где живет Мишин отец. Они едут мимо неглубокого пруда, населенного множеством крикливых лягушек.

Сейчас нет уже ни пруда, ни Верхних Дубков. Стоит теперь на том месте большой зажиточный колхоз «Красный партизан», и председательствует в нем бывший кузнец — орденоносец Петр Гроздев, отец Михаила.

Он вспоминает, как отец всего полгода назад, во время отпуска, водил его по колхозу.

— Эх, Миша, — торопливо и взволнованно говорил отец, — хочется мне все у нас в колхозе по последнему слову техники переделать. Водопровод чтобы, канализация... Средства у нас есть, дело это вполне возможное. Я уже и в область ездил... Эх, Миша, Миша, вот если бы фашистов и войн не было, как бы мы тогда жили! Был бы ты у меня главным инженером, и такое бы мы с тобой в нашем колхозе оборудовали, что чертям тошно стало бы. Но прежде надо немца разбить. Крепко он памятен нам еще со времен оккупации Украины. Хату они у меня в восемнадцатом году спалили.

Страшные перебои в работе мотора отвлекли внимание Гроздева. Мотоцикл его шел первым, за ним следовала вся остальная группа. Гроздев обернулся и, не видя в темноте никого, лишь по шороху шин услышал, как шли позади остальные мотоциклы.

— Бахтадзе, — тихо позвал инженер.

Машина врача поравнялась с Гроздевым.

— В чем дело, товарищ начальник?

— Ты знаешь эти места. Сколько осталось до границы?

— Километров пять-шесть.

— Отлично. Через три километра сделаем привал и будем ждать рассвета.

Но не успел Гроздев проехать и пятидесяти метров, как мотоцикл его внезапно остановился.

— Что за черт! — выругался Михаил, откатывая машину в сторону от дороги.

— Дрянная история, — сказал Каширин, слезая с мотоцикла.

Оказалось, что моторы всех семи мотоциклов прекратили работу. Все попытки привести их в действие были безуспешны.

— Тут без нечистой силы не обошлось, — усмехнулся Бахтадзе.

Гроздев приказал положить машины в кювет дороги и установить небольшой ультрафиолетовый прожектор. Лейтенант Каширин с помощью младших командиров и Гущина быстро собрал прожектор и питающую его установку.

— Включайте! — приказал Гроздев.

Гушин и Майзлин долго возились с мотором. В темноте не было видно, что они делают.

— Что у вас там такое? — нетерпеливо спросил Каширин.

Он нагнулся и стал помогать запустить мотор. Прошло более пяти минут.

— Оставьте, товарищи, — сказал Гроздев. — Ничего из этого не выйдет. Взгляните на радиометр.

Инженер показал разведчикам маленький прибор, похожий на карманные часы. На его голубом эбонитовом циферблате мелко дрожала тонкая светящаяся стрелка.

— Это значит, — сказал Гроздев, — что со стороны польской границы действуют радиоволны, выводящие из строя наши моторы. Товарищ Каширин, займитесь определением длины этих волн.

5. На границе

Рассветало медленно, словно нехотя. Ветер переменил направление, ослабел, стал теплее. Небо на востоке посветлело, зарумянилось. Отряд Гроздева разместился в густых

высоких кустах на влажной от росы траве. Вскрыв консервные банки, разведчики позавтракали.

Гроздев решил ознакомиться с местностью. Он выбрался из кустарника и долго рассматривал в бинокль расстилавшуюся перед ним даль. Вернувшись, он подозвал к себе Каширина и приказал ему связаться с начальником погранотряда. На пограничном рубеже в районе ручья Веселого лейтенант должен был встретиться с разведчиками.

Когда Каширин ушел, инженер во главе отряда двинулся к границе. Шли по неглубокой лощине, медленно и осторожно. Трава была высокая и сырая. Сапоги вскоре намокли, подошвы стали скользкими. Взошло солнце, словно простыню приподняв над полем густую полосу тумана. Идти стало труднее, на расстоянии трех шагов почти ничего не было видно.

Вскоре, по расчетам Гроздева, отряд подошел к пограничной зоне. Инженер сделал привал и послал Симоненко отыскивать ручей Веселый. Ручей оказался неподалеку. До

границы оставалось не более ста метров. Гроздев перевел отряд к ручью.

Симоненко, назначенный для связи с Кашириным, условными сигналами известил о появлении лейтенанта. Вскоре оба они показались на берегу ручья.

— Ну, как дела, товарищ Каширин? — спросил инженер.

Лейтенант приложил руку к козырьку и негромко доложил:

— Товарищ начальник, по вашему приказанию связался с начальником заставы Ростовцевым. Ростовцев сообщил, что вчера вечером польские пограничные части ушли с границы. На границе не осталось ни одного человека.

— Работают ли в погранотряде моторы? — спросил Гроздев.

— Моторы прекратили работу сегодня ночью, примерно в то же время, когда у нас остановились мотоциклы.

— Шикарная штука! — засмеялся Бахтадзе. — Как это тебе нравится, Миша?

Инженер достал бинокль. Места здесь были открытые, голые, даже трава казалась серой и тусклой.

Гроздев опустил бинокль и удивленно взглянул на карту. На карте этого района были ясно обозначены кустарники и деревья.

— Что за чертовщина! — выругался инженер и подозвал Бахтадзе.

— Посмотри, Яша. Здесь должны расти деревья и кустарник, но ничего подобного теперь нет...

— Почему «теперь»?

— Да потому, что в тот момент, когда составлялась карта, они были. В точности карты сомневаться не приходится. Немцы что-то затевают. Надо полагать, что растительность со своей территории они удалили совсем недавно, может быть, даже сегодня ночью. Нам, значит, нужно поторопиться...

Через пять минут отряд перешел границу и по берегу ручья Веселого осторожно направился в глубь польской территории. По настоянию Бахтадзе, Гроздев находился

теперь не впереди, а в середине отряда: на враждебной территории следовало ожидать самых неожиданных сюрпризов. Во главе отряда шел Каширин. Он выбирал наиболее укрытые места и почти не выпускал из рук бинокля. Но не успел лейтенант пройти и пятидесяти метров, как схватился за грудь и со стоном опустился на траву.

— Ложись! — скомандовал Гроздев.

Разведчики бросились на землю. Врач наклонился над телом лейтенанта. Живот Каширина был окрашен кровью. Бахтадзе приподнял гимнастерку и промыл рану.

— Что с ним? — тревожно спросил Гроздев.

— Ранение в живот. Рана нанесена огнестрельным оружием крупного калибра. Странно только, что мы не слышали выстрела.

— Ранение серьезное?

— Да.

Бахтадзе сделал раненому перевязку.

Стиснув зубы, Каширин тихо стонал, пытаясь приподняться на локтях.

— Не теряйте времени, товарищи... Я уж сам как-нибудь доберусь до границы... — тихо сказал он.

— Не спорь, дорогой, лежи смирно, — ласково сказал врач.

Когда перевязка была закончена, Гроздев приказал Майзлину и Петрову доставить лейтенанта на заставу. Раненого осторожно взяли на руки и, пригнувшись, понесли к границе.

6. Польский офицер

Положение становилось напряженным. Было очевидно, что за разведчиками ведут наблюдение. Продвигаться дальше всем отрядом не было возможности. Оставалось одно — использовать мимикрин и двинуться дальше одному. Гроздев так бы и поступил, но, рассматривая в бинокль

местность, он неожиданно заметил вдалеке человека, лежащего на земле.

Инженер передал бинокль Бахтадзе.

— Посмотри, Яков, что там такое?

— Человек... На нем форма польского офицера. Лежит на спине и обматывает руку чем-то белым... Похоже, что делает перевязку.

«Странные вещи творятся на этой границе, — подумал Гроздев. — Кто этот человек? Может быть, это он ранил Каширина, а может быть, и его самого подстрелили...»

— Что будем делать, Миша? — спросил Бахтадзе.

— Мы должны захватить этого человека живым. Понятно, товарищи? — спросил Гроздев.

— Очень даже понятно, товарищ начальник, — ответил Симоненко.

— Ясно, — тихо сказал Гуцин.

Гроздев внимательно посмотрел на бледное лицо сапера.

— Что с вами, Гуцин? Э, да у вас плечо в крови...

Гуцин смутился.

— Чуть царапнуло...

Инженер торопливо расстегнул ворот гимнастерки красноармейца.

— Ну-ка, Бахтадзе, — сказал Гроздев, — посмотри, чем тут его царапнуло. — И, обращаясь к Гуцину, строго спросил:

— Что же вы молчали?

— Боялся, товарищ начальник, что на заставу отошлете. А рана пустяковая...

Бахтадзе смыл с плеча Гуцина кровь, осмотрел рану, сделал перевязку и сказал:

— Считаю, товарищ начальник, что Гуцин может остаться с нами.

Гроздев приказал оставить на берегу ручья все лишние вещи и окружить офицера с четырех сторон.

Гуцин попросил разрешения обойти офицера с тыла и пополз первым. Вслед за Гуциным направились с разных сторон Симоненко и Бахтадзе.

Гроздев двинулся последним. Ползти было неудобно. Жесткая трава царапала руки, мелкие камешки, проникая под одежду, вонзались в тело.

Чтобы удобнее и быстрее двигаться, Михаил чуть приподнялся, но в это время над ним просвистела пуля, сорвав с головы фуражку. Вздвогнув, Гроздев снова лег на живот и навел бинокль на офицера. Офицер лежал все в том же положении, и по его виду незаметно было, чтобы он только что стрелял.

Когда разведчики совсем близко подползли к офицеру, они увидели, что он лежал неподвижно с закрытыми глазами, точно мертвый. Левая рука его была забинтована. Сквозь бинт просачивалась кровь, мундир тоже был запачкан кровью. Оружия ни в руках офицера, ни возле него не было.

Гроздев подполз вплотную к раненому и дотронулся рукой до плеча.

Офицер вздрогнул и испуганно посмотрел на разведчика.

— Кто вы такой? — спросил Гроздев.

Офицер молчал.

— Кто вы? — настойчиво повторил свой вопрос Гроздев.

— Я польский офицер, — тихо по-русски ответил раненый, — а вы советские командиры?

— Да.

— Как вы сюда добрались? Это же невысказимо...

— О нас не беспокойтесь, — перебил его Гроздев, — рассказывайте о себе.

Офицер помолчал и, заметив у Бахтадзе фляжку, попросил воды. Пересохшими губами приложился к горлышку и жадно выпил несколько глотков.

— Рассказывать особенно нечего, — сказал офицер. — Я командир зенитного полка. Три дня назад меня прикомандировали к Особому корпусу генерала Пеггендорфа. Пеггендорф назначил меня начальником третьего сектора первой зоны. Вчера вечером я случайно узнал, что есть секретное приказание удалить из Особого корпуса всех поляков и лиц,

не принадлежащих к фашистской партии. Вчера же вечером от несчастного случая погиб мой товарищ майор Владыевский. Опасаясь, что такой же несчастный случай может произойти и со мной, я решился бежать сегодня утром, выключив все орудия своего сектора. Как видите, мне сравнительно благополучно удалось добраться до этого места...

Разговор утомил раненого, и он замолчал.

— Почему вам удалось добраться только до этого места? — спросил Гроздев.

— Почему? — переспросил офицер. — Оптические батареи, временно выведенные мною из строя, снова пришли в действие. В этом я убедился, получив сразу две раны: в плечо и руку. Удивительно, как вы ухитрились добраться до меня. Орудия оптических батарей никогда не дают промаха. Надеюсь, вы не собираетесь проникнуть дальше?

— Допустим, что собираемся, — сказал Гроздев.

— Это вам не удастся, — заявил офицер. — Нелепая затея! Вы, очевидно, не имеете ни малейшего представления о первой зоне. Оптические батареи этой зоны приводятся в действие фотоэлементами, чувствительными к самым незначительным изменениям не только рельефа местности, но и ее окраски. Любое световое пятно, появившееся в секторе обстрела оптических батарей, мгновенно регистрируется фотоэлементом, который приводит в действие орудия батареи. Прицел орудий ведется с помощью тех же фотоэлементов... Откажитесь от своего намерения...

Гроздев ничего не ответил, а Бахтадзе твердо сказал:

— Увы, но мы не привыкли отказываться от своих намерений, господин офицер.

Поляк удивленно взглянул на врача и попросил еще глоток воды. Когда он напился и почувствовал себя несколько лучше, Гроздев сказал:

— Мы не можем оставить вас здесь. Вам придется последовать с нашими людьми к советской границе.

Гроздев написал короткое донесение, вложил его в конверт и передал Симоненко.

Офицер боялся сдвинуться с места, но Гуцин и Симоненко взяли его за руки и потащили за собой.

Когда они отползли довольно далеко, Гроздев сказал:

— Пора.

Он снял с себя гимнастерку, достал из кармана комсомольский билет и подал Бахтадзе:

— Возьми на сохранение, Яков.

Бахтадзе вынул свинцовый пакетик, высыпал из него в банку с бесцветной жидкостью зеленый порошок, обмакнул в раствор вату, и она сразу стала зеленой, как трава.

— Давай, — сказал Гроздев, протягивая руку.

Бахтадзе провел ватой по голой руке Михаила. Узкая влажная полоска окрасилась в зеленый цвет, совершенно не отличавшийся от цвета росшей в поле травы. Краска показалась Михаилу очень теплой, почти горячей.

— Кажется, мне не придется дрожать от холода, Яша, — пошутил он и, указав на маленький радиоаппарат, добавил:

— Связь будем держать ультраприемниками. Жди меня с Гущиным здесь часов до восемнадцати-двадцати. На всякий случай постарайтесь окопаться.

«Неужели Ильичеву не удастся найти противоядие?» — тревожно думал Бахтадзе, смазывая Михаила мимикрином.

Тело Гроздева медленно покрывалось зелеными полосами. Полос становилось все больше и больше... Казалось, на теле Михаила появляется такая же трава, как и вокруг него, будто отразилась она в нем, как в зеркале.

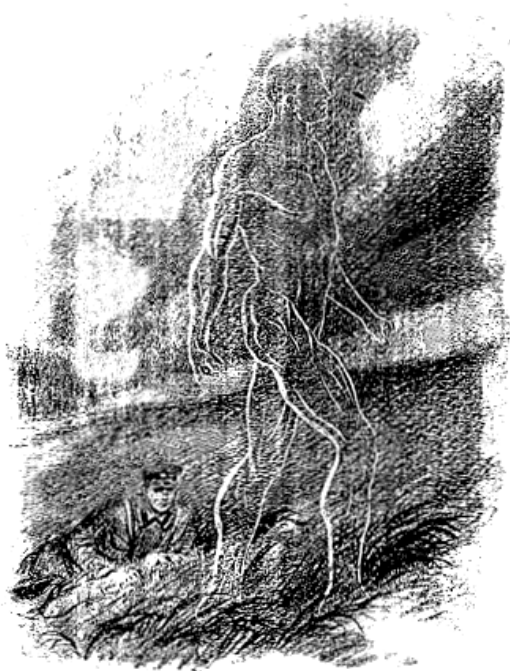
— Вот и готово, — сказал Михаил. — Попрощаемся.

Яков крепко обнял Гроздева, разжал руки и сразу потерял его из виду.

Гроздев отполз от Бахтадзе и осторожно поднял вверх руку, ожидая выстрела. Выстрела не последовало. Гроздев встал на колени и медленно выпрямился. Минуту он постоял, прислушиваясь. Махнул Бахтадзе рукой, улыбнулся, вспомнив, что тот не может его видеть, и уверенно пошел вперед.

7. У врага

Идти без компаса и без карты было трудно, приходилось ориентироваться только по солнцу. Местность была всюду одинаково голая, лишь вдалеке, у горизонта, виднелась какая-то растительность. Гроздев догадался, что за этой растительностью должна находиться первая зона, и очень сожалел, что у него нет бинокля. Инженер взял с собой только ультраприемник, величиной со спичечную коробку, и такого же размера фотоаппарат.

По мере углубления в польскую территорию Михаил все приближался к замеченной им растительности. По всей вероятности, это был лес или большая роща. Когда до нее осталось километра полтора, Гроздев спустился в небольшой овраг и, пригнувшись, осторожно пошел вдоль него.

Овраг был неглубокий, но длинный, и тянулся до самой опушки леса. На дне оврага лежал мелкий песок; очевидно, здесь в весеннее время проходило русло большого ручья. Песок был теплый и мягкий, идти по нему было приятно. Тело Михаила сделалось теперь желтым, как песок оврага.

Добравшись до опушки леса, Гроздев лег на песок и осмотрел местность. Ему были отчетливо видны редкие ряды сосен, за которыми высились большие зеленые башни. Башни стояли на расстоянии пятнадцати-двадцати метров друг от друга. В верхней части они имели по два узких горизонтальных отверстия, похожих на прищуренные глаза. Несколько ниже этих отверстий помещались два ряда оружейных стволов.

Михаил ползком добрался до первого дерева, а затем подкрался к одной из башен. Осторожно заглянул в щель между металлическими щитами. Внутри башни горел тусклый синий свет. Было пусто и тихо, лишь какой-то прибор издавал сухой электрический треск.

Михаил пробрался к другой башне. Постоял немного, прислушиваясь. Легкий ветерок тихо шелестел зелеными иглами сосен.

Обогнув башню, Михаил заметил, что узкая металлическая дверь, ведущая внутрь, была распахнута. Он вошел в башню. Там было холодно и пусто. Пахло машинным маслом и еще чем-то, кажется коньяком.

При тусклом свете с трудом можно было разглядеть группу орудий, расположенных в два ряда у восточной стены. Орудия верхнего ряда по внешнему виду мало чем отличались от крупнокалиберных станковых пулеметов. В нижнем ряду стояли орудия, похожие на пушки корпусной артиллерии. Щитки со спусковыми механизмами орудий и прицельные приспособления соединялись электрическими проводами с фотоэлементами, установленными в небольших амбразурах. По всей вероятности, фотоэлементы находились и еще где-то вне самой башни, так как Гроздев вскоре обнаружил провода, идущие к орудиям сквозь щели бронированных щитов.

Привыкнув к полумраку башни, инженер заметил лесенку, которая вела на второй этаж. Осторожно поднявшись по ней, Михаил увидел наверху человека в мундире немецкого офицера. Судя по нашивкам, это был лейтенант. Он сидел в вращающемся кресле под группой зенитных орудий. В руках у него была газета, которую он читал с видимым интересом.

— Seriously, мне это нравится, Людвиг! — вдруг громко воскликнул он.

— Что там такое? — спросил хриплый, заспанный голос.

— Фюрер отказывается от союзничества Польши и объявляет ее территорию законной территорией Великой Германии. Что ты на это скажешь, Людвиг?

Тот, кого лейтенант называл Людвигом, оглушительно расхохотался.

Гроздев осторожно спустился с лестницы, но, выходя из башни, слегка задел ручку входной двери. Тотчас же раздался пронзительный звон, и, едва успел Михаил отскочить в сторону, как сверху спустилась тяжелая металлическая решетка, которая преградила вход в башню.

Инженер бросился на землю. По железной лесенке застучали сапоги, и у решетки показался лейтенант, читавший газету; из бетонированного здания выскочили три рослых офицера с ружьями.

Гроздев пополз к соседней башне и спрятался за щитом. Лейтенант, ругаясь, поднял решетку.

— Что тут у вас такое? — спросили офицеры.

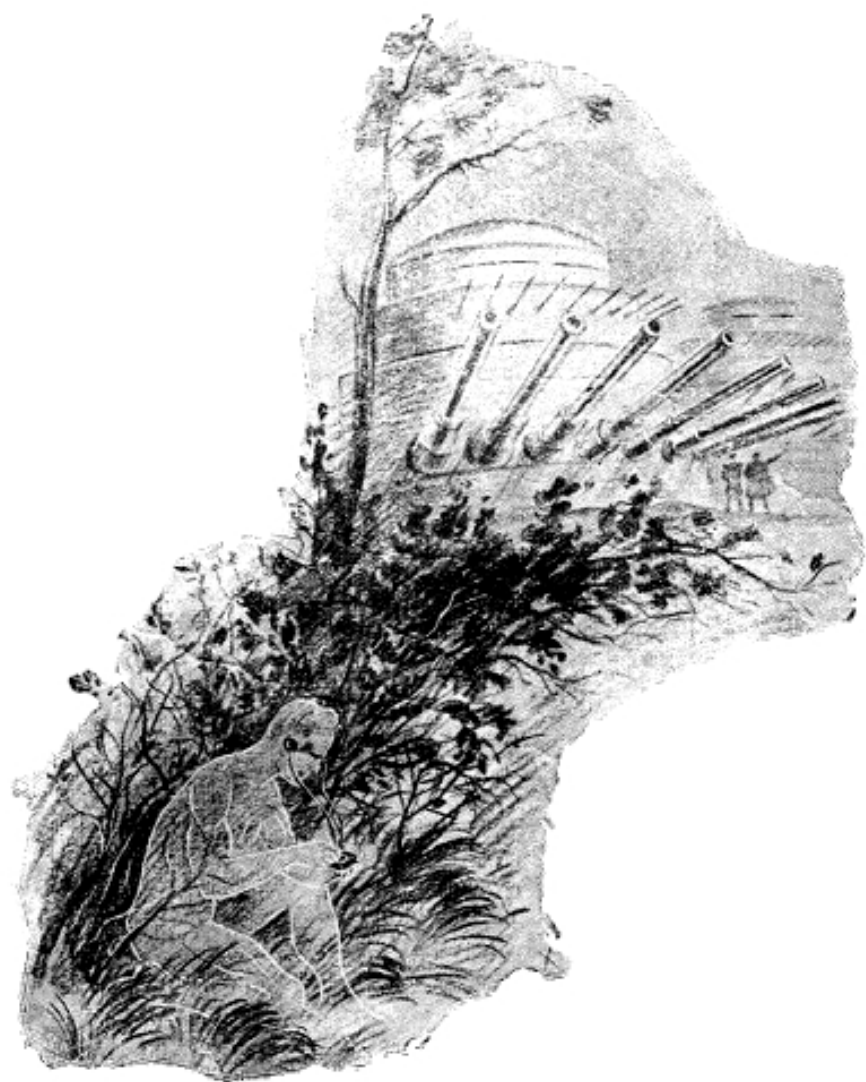
— Решетка сорвалась, — ответил лейтенант.

— Сама не могла сорваться, очевидно, кто-то нажал рычаг замка.

— Уверяю вас, господа, что сама сорвалась, был уже такой случай. Да ведь и не видно никого, кто бы мог дотронуться до замка.

Офицеры осмотрели кусты вблизи башни и ушли.

«Нужно быть поосторожнее», подумал Михаил и, забравшись в густой кустарник, стал настраивать свой ультраприемник. Минут через пять он связался с Бахтадзе. По-

сланная радиограмма была лаконична:

«Я у цели. Все в порядке».

Мимо прошли два офицера. Один из них бросил в кусты недокуренную папиросу, она больно обожгла плечо Михаила. Наблюдая за офицерами, Гроздев заметил, что они через замаскированный вход спустились под землю.

Кругом никого не было. Михаил подполз к подземному входу и заглянул вниз. Освещенная электрическим светом, массивная бетонированная лестница почти отвесно шла на глубину десяти-двенадцати метров. Михаил быстро спустился по лестнице и, прислушиваясь, пошел вдоль длинного, слабо освещенного коридора. За одной из дверей раздавались громкие голоса. Гроздев заглянул в щель двери.

В наполненной дымом комнате за длинным столом сидело человек десять офицеров. Они что-то ели из алюминиевых солдатских мисок. Высокий рыжий майор говорил возбужденно:

— Знаете ли вы, что такое Советская Украина, господа? Украина — это страна изобилия, честное слово! Памятна мне украинская пшеница еще с 1918 года. Я тогда служил лейтенантом в штабе полковника Пеггендорфа, нынешнего командующего особым корпусом. Видел кто-нибудь из вас, господа, картинную галерею нашего генерала? Ну, так знайте, что вывез он ее из Украины, не затратив на приобретение картин ни одной марки.

— Что картины, господин майор! — засмеялся толстяк с нашивками капитана. — Говорят, что на Украине есть шикарные девушки. В них я больше понимаю толк, чем в картинах. Впрочем, господа, с практической стороны меня больше всего интересуют не девушки, а сахар. От своего отца, сахарозаводчика, я знаю о высоких качествах украинского сахара.

Гроздев направился к следующей двери. Она была чуть приоткрыта. В комнате на походных кроватях лежали два молоденьких лейтенанта. Один читал вслух патриотические стихи, другой молча курил, ежеминутно сплевывая на

пол.

Две соседние двери были плотно закрыты. В конце коридора была прибита медная дощечка с надписью:

«Штаб первой зоны».

Нагнувшись, Михаил заглянул в замочную скважину. В штабе стояло несколько столов. За одним из них сидел полковник с длинными седыми усами и нервно перелистывал какую-то папку.

Позади Гроздева раздался шум. Скрипела лестница под тяжестью чьего-то тела. Михаил спрятался в темную нишу стены. С лестницы спустился тучный, высокий человек в плаще и направился к штабу.

Гроздев затаил дыхание.

«Неужели заметит...» — пронеслась тревожная мысль.

Человек шел прямо на Михаила. Лицо у него было злое, морщинистое, маленькие холодные глаза почти в упор смотрели на инженера. Вот он дошел до двери. Михаил замер в своей нише. Человек на мгновение остановился и распахнул дверь штаба.

Михаил облегченно вздохнул и вытер вспотевший лоб. Ему казалось, что этот немец непременно его заметит, — он так зло и внимательно смотрел в его сторону. Но краска не подвела.

Дверь штаба теперь была полуоткрыта. Выбрав момент, когда полковник и вошедший человек (полковник назвал его господином Ланг) не смотрели в сторону двери, Михаил быстро проскочил в комнату и стал за шкафом.

— Ну, разговаривали вы со Шлоттеймом? — спросил полковник вошедшего.

— Разговаривал, но безуспешно. Инженера Мейгана они сюда прислать не могут. Говорят, он серьезно болен, ходят даже слухи, что Мейган сошел с ума. Но мне думается, что генерал Пеггендорф умышленно убрал Мейгана, так же, как убрал он всех офицеров, работавших на монтаже орудий первой зоны.

— С вами нельзя не согласиться, господин Ланг. Но что же предлагает Шлотгейм вместо инженера?

— Инструкцию, — раздраженно сказал Ланг и принялся нервно ходить по комнате.

— Закройте дверь и не нервничайте, господин Ланг, — раздраженно сказал полковник. Набив трубку и закулив, он спросил:

— Объяснили вы Шлотгейму, что собой представляет офицерский состав нашей зоны?

— Конечно. Я сказал ему, что из двухсот наших офицеров только сто человек артиллеристы, а все остальные — пехотные лейтенанты. Но командованию сейчас не до нас, господин полковник. Они заняты установкой атомных батарей и готовятся через день обстрелять советскую территорию. Говорят, что эти атомные батареи — дьявольская штука.

— Удобна ли предлагаемая инструкция для практического пользования?

— Вполне, господин полковник, но не слишком ли наше командование полагается на технику, на машины...

— Э, бросьте вы эту философию, господин Ланг, — недовольно поморщился полковник. — Ни к чему хорошему она не приведет. Я не знаю, на что полагается наше командование, но для меня ясно одно: лучше иметь дело с машиной, чем с людьми с сомнительной расовой принадлежностью. Советую и вам руководствоваться этой простой истиной.

Резко прозвучал телефонный звонок. Полковник снял трубку.

— Начальник штаба первой зоны, — сказал он. — В чем дело, господин Гофман? Что? Орудия тринадцатой башни принялись палить в воздух? Без всякой причины, говорите? А фотоэлементы? Что? Испортились?.. Мы будем у вас через пять минут.

Полковник бросил трубку на аппарат и снял со стены плащ.

— Пойдемте, господин Ланг, в тринадцатую башню. Там снова приключилась какая-то чертовщина.

Они поспешно вышли из штаба, закрыв за собой дверь на ключ.

В первую минуту Гроздев не подумал о том, как трудно ему будет выбраться из комнаты. Он сразу же бросился к столу и, выдвинув ящики, стал рыться в бумагах. Немецкий язык он знал отлично и чтение документов его не затрудняло. Он перебрал уже несколько папок, но ничего интересного не обнаружил. Наконец, в нижних ящиках стола он нашел чертежи башни. К чертежам были приложены схемы распределения фотоэлементов и коротковолновых радиоустановок, которые, по всей вероятности, выполняли ночью функции фотоэлементов.

Окончив осмотр столов, Гроздев направился к шкафам. В одном из них он нашел стальной ящик, опечатанный сургучной печатью. Сорвав печать, Михаил открыл ящик. В нем лежали военные топографические карты. На одной из них красным карандашом был начерчен план расположения первой зоны и намечен пунктиром район второй зоны, в котором уже велась установка атомных батарей.

Карты были велики, и взять их с собой не было возможности. Михаил разостлал их под лампой и сфотографировал своим маленьким аппаратом.

Только после этого задумался Гроздев над тем, как выйти из штаба. Он подошел к двери и осторожно подергал ее. Дверь не поддавалась. Михаил осмотрел стены, но второго выхода не было. Осмотр пола и потолка оказался также безуспешным.

«Неприятная история, — подумал Гроздев, — я могу просидеть здесь черт знает сколько, а время дорого...»

Михаил переходил от стола к столу в поисках ключа, но найти его нигде не мог.

— Вот вы и попались в мышеловку, товарищ Гроздев, — невесело усмехнулся инженер. — Ждите теперь, когда вас выпустят на волю... Что, если постучать в дверь?.. Нет, это не годится, можно испортить все дело. Но что же делать, черт побери! Времени — четырнадцать часов. Мне нужно уйти отсюда засветло, пока не включают радиоустановки.

Бахгадзе, верно, и так уже беспокоится... А что, если позвонить?

Подумав, он снял телефонную трубку.

— Тринадцатую башню, — сказал строго.

Щелкнули переключаемые провода. Затрещал чей-то высокий, картавый голос:

— Тринадцатая слушает.

— Полковника! — прокричал Михаил.

— Сию минуту.

Слышно было, как позвали полковника. Через минуту он сердито ворчал в трубку:

— В чем дело? Что там у вас случилось?

— Немедленно вернитесь в штаб, полковник! Немедленно! — повелительно крикнул инженер и бросил трубку на стол. Затем он осторожно поднял ее снова и прислушался.

— Алло, алло! — надрывался полковник. — Кто говорит со мной, черт побери? Алло!

Кто-то картавил рядом:

— Мне кажется, господин полковник, что это был голос начальника штаба корпуса, господина Шлотгейма.

— Возможно, — пробурчал полковник, — мне тоже так показалось.

Трубка опустилась на рычаг аппарата. Монотонно загудел в проводах ток.

— Кажется, я нагнал страху на полковника, — засмеялся Гроздев и подошел к двери.

Спустя некоторое время в коридоре послышался шум.

— Дежурный! — кричал полковник. — Куда пропал дежурный, черт побери!

— Я здесь, господин полковник!

— Где начальник штаба корпуса, господин дежурный?

— Не знаю, господин начальник штаба. Очевидно, в штабе корпуса.

— Сейчас не время для острот, молодой человек, — строго оборвал полковник. — Немедленно же разыщите господина Шлотгейма.

Дежурный сломя голову бросился на лестницу. Полковник достал огромный носовой платок и вытер им вспотевшую лысину.

— Только бы он не ушел отсюда... — тревожно подумал Михаил, наблюдая за полковником в замочную скважину.

Полковник постоял немного и направился к двери штаба. Долго открывал ее, скрипя ключом и ругаясь. Наконец, дверь открылась.

Гроздев поспешно выскочил в коридор. Неслышно пробежав его, он быстро поднялся по лестнице.

Достигнув опушки леса, Михаил лег в траву и прислушался.

Невдалеке три лейтенанта рыли яму. Работали они медленно, неумело. Один из лейтенантов, худощавый юноша небольшого роста, говорил неокрепшим, совсем еще ребяческим басом:

— Ну, как же можно воевать без солдат? Понимаешь ты в этом что-нибудь, Курт?

Курт, широкоплечий и веснушчатый малый, усмехнулся.

— Тут и понимать нечего, Адольф. Опасная штука — нынешний солдат. Это тебе не времена Фридриха Великого.

— Но как же без пехоты? — недоумевал Адольф.

— Я бы не сказал, что у нас вовсе от нее отказались, — заметил третий, до сих пор молчавший лейтенант. Он протер квадратные стекла пенсне и глубокомысленно заявил: — Не забывайте, господа, что пехота является почти единственным родом войск, способным не только занять неприятельскую территорию, но и закрепить ее. Мне известно, господа, что в Берлинском институте мозга профессор Гартвиг производит какие-то исследования мозга немецкого солдата. Говорят, что путем впрыскивания в мозговую кору особых химических веществ профессор уничтожил у подопытных солдат способность рассуждать. Ходят слухи, что такие впрыскивания будут производиться всем солдатам ударных частей германской армии...

Гроздев выбрал момент, когда лейтенанты не глядели в его сторону, спустился в овраг и, пригнувшись, быстро

пошел к границе.

8. С донесением

Доктор Бахтадзе и красноармеец Гуцин с нетерпением ждали возвращения Гроздева. Облокотясь на бруствер вырытого ими окопа, они внимательно наблюдали в бинокль за местностью.

«Пора бы уже быть Мише, — вздохнув, подумал Яков. — Не случилось ли чего...»

Вдруг позади них раздался веселый смех.

— Кого это вы здесь высматриваете, уважаемые? — спросил знакомый голос.

Врач и красноармеец испуганно обернулись и, только пристально всмотревшись, заметили почти слившуюся с местностью фигуру Гроздева.

— Миша! — вскакивая, закричал Яков, но над ним тотчас же просвистала пуля, и он снова опустился на землю.

— С ума ты сошел, что ли? — закричал на него Гроздев.

— Значит, ты целехонек, — радостно говорил Бахтадзе.

— Ну, а как успехи?

— Успехи, Яша, отличные, но дайте мне, пожалуйста, чего-нибудь поесть, я страшно голоден.

Яков восхищенно смотрел на Гроздева и думал: «Вот какой человек — знает, что жить всего сутки осталось, и хоть бы что...»

— Что так смотришь на меня, Яша? — улыбаясь, спросил Михаил. — Не нравится мне, что ты обреченным меня считаешь. Ведь в нашем распоряжении еще целые сутки, за это время черт знает что можно сделать. Мы еще проживем с тобой, Яша!

Бахтадзе грустно улыбнулся, а Гроздев подумал:

«Вот смеюсь, шучу, а смерти все-таки боюсь... не хочется умереть, да и не верится, что умру. Отца бы повидать... Как все-таки скверно кончать жизнь в двадцать восемь лет...»

Михаил резко потрянул головой, словно прогоняя мрачные мысли, и сказал весело:

— Разрешешь ли ты мне покушать что-нибудь, доктор? А то ведь на голодный-то желудок не дойдешь до того света...

— Категорически запрещаю тебе даже дотрагиваться до пищи. Все дело этим можешь испортить, — строго сказал Бахтадзе. — Алексей Васильевич приказал тебя голодным к нему доставить.

— В таком случае нам нечего терять зря время. Товарищ Гуцин, идите на заставу и предупредите начальника о нашем приходе.

Когда Гуцин ушел, Бахтадзе протер Гроздева спиртом. Дал надеть ему сапоги и шинель. В шинели и сапогах у Михаила был очень странный вид: он казался человеком без головы.

— Ну, пойдём, — сказал Яков.

Гроздев положил в карман шинели фотоаппарат и, пригнувшись, направился вслед за врачом.

На границе их ждал начальник заставы Ростовцев. Подздоровавшись, он повел Гроздева и Бахтадзе к низкому сараю, покрытому почерневшей соломой. Дорогой к ним присоединился Гуцин.

Пол сарая был завален старыми ящиками, разохшимися бочками с соломой. Спотыкаясь, пробрались разведчики в глубь сарая и помогли Ростовцеву откатить несколько бочек, под которыми оказалась массивная крышка. Подняв ее, Ростовцев спустился по металлической лестнице. При свете электрического фонаря видны были бетонированные стены коридора, уходящего глубоко под землю.

Вскоре вдалеке показался бледно-желтый свет и послышался шум каких-то машин. Идя в этом направлении, разведчики оказались в огромном подземном вестибюле, по бокам которого расположились платформы с однопутевыми путями, уходящими в темные отверстия тоннелей.

По одной из платформ ходил человек в синей шинели и металлическом шлеме.

— Товарищ дежурный, — обратился к нему Ростовцев, — этих товарищей нужно немедленно доставить в тридцать третий сектор.

Дежурный внимательно посмотрел на разведчиков и коротко ответил:

— Понятно.

Когда Ростовцев ушел, дежурный добавил:

— Электромагнитный поезд будет через полторы минуты.

В ожидании поезда разведчики рассматривали вестибюль. Он напоминал отчасти подземные вестибюли московского метро, но был гораздо больше их и не имел архитектурных украшений. Своды его были выложены огромными тюбингами, покрытыми звукопоглощающей изоляцией. Посредине вестибюля, против темного отверстия центрального тоннеля, стояло несколько артиллерийских орудий на гусеничных тягах. Пока разведчики рассматривали вестибюль, бесшумно подошел поезд.

— Пожалуйста, товарищи, — сказал дежурный, открывая дверцу в стене вагона, похожего на огромную сигару.

Внутри вагона было светло. Разведчики опустились на кожаные сидения и закурили. Гроздев был без фуражки и окраска головы его почти совершенно сливалась с цветом кожаной спинки сидения. Только блестящие глаза да папираса во рту отчетливо выделялись на этом фоне.

— Честное слово, Миша, — сказал Бахтадзе, — ты так до смерти напугать можешь непосвященного человека.

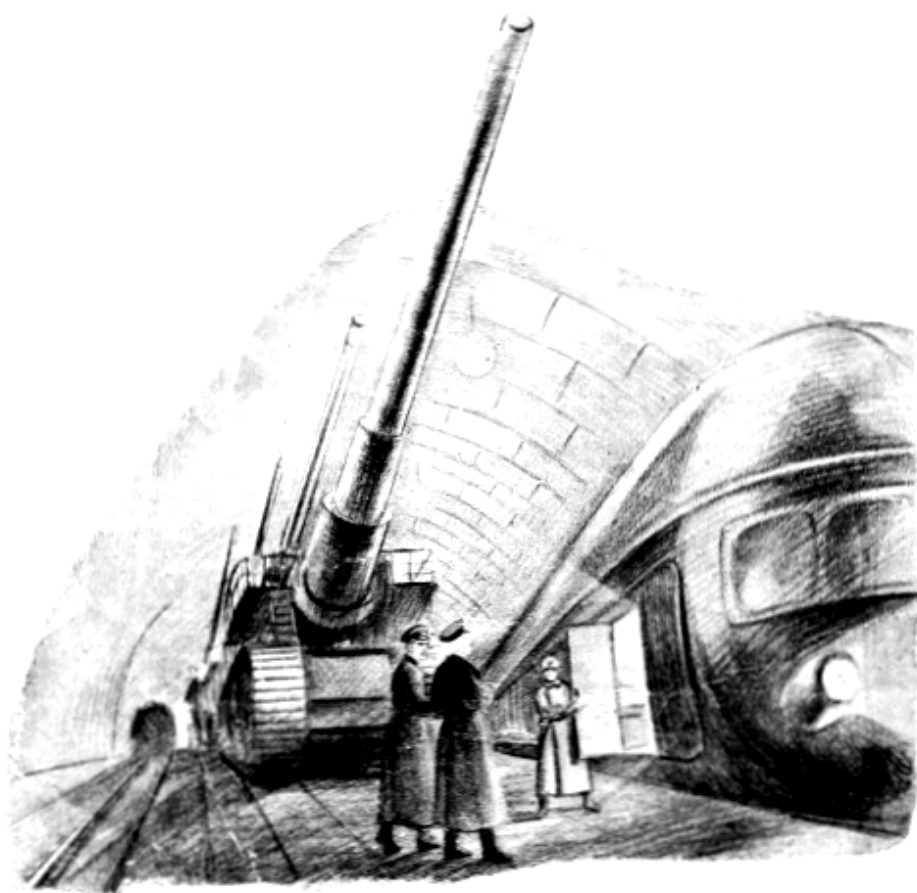
Михаил засмеялся, выпуская изо рта густые клубы дыма.

Спустя пятнадцать минут дверь вагона открылась, и человек в синей форме сказал:

— Сектор тридцать третий. Выходите, товарищи.

Разведчики вышли на платформу. Дежурный командир, очевидно, уже извещенный об их приезде, повел их через вестибюль к лифту.

Лифт привез разведчиков на тускло освещенную площадку, от которой шел вверх эскалатор.

Поднявшись на поверхность земли, разведчики заметили, что находятся во дворе штаба Н-ской дивизии.

9. Воздушный десант

Командир дивизии внимательно слушал доклад Гроздева, делая пометки на полях топографической карты. Начальник штаба дивизии, присутствовавший на докладе, изредка задавал инженеру короткие вопросы.

Когда доклад был окончен, начальник штаба встал и сказал уверенно:

— Я думаю, товарищ комдив, что немцев нужно бить с воздуха.

— Безусловно, — согласился комдив. — Сделайте все предварительные распоряжения и соберите в штабе командный состав дивизии.

Начальник штаба взял у Гроздева негативы снимков и вышел из кабинета.

Комдив предложил разведчикам папиросы и, обращаясь к инженеру, спросил:

— Как вы себя чувствуете, товарищ Гроздев?

— Отлично, товарищ комдив.

— Температура и пульс у него нормальные, — сказал Бахтадзе.

Комдив направился в темный угол кабинета и включил телевизор.

— Ильичев обещал мне спасти вашу жизнь, — сказал комдив.

В телевизоре послышался сухой электрический треск и нарастающий шум генерации. Овальное зеркало экрана осветилось голубым мерцающим светом. Затем на нем появилась фигура дежурного связиста.

— Соедините меня с Минской лабораторией, — сказал комдив в микрофон.

Экран вспыхнул розовым светом и потемнел. Спустя минуту на нем замелькали серые пятна.

Комдив настроил телевизор на другую волну. Мелькание прекратилось. С экрана смотрела на комдива молоденькая девушка.

— Дежурная лаборантка Орлова, — сказала она.

— Соедините меня, пожалуйста, с центральным корпусом и предупредите Ильичева, — попросил комдив.

На экране появился большой зал с паркетным полом. Два человека, в белых халатах, с пробирками и шприцами, стояли посреди зала. Один из них был доктор Ильичев. Он приблизился к экрану.

— Я слушаю вас, товарищ комдив, — сказал он.

Комдив поздоровался с Ильичевым и сообщил, что Гроздев у него в кабинете.

Доктор радостно приветствовал Михаила, расспросил о самочувствии и сказал:

— Я не терял даром времени, Миша. Мне, кажется, удалось получить противоядие. Мы только что собирались сделать впрыскивание антимимикрина двум собакам, выкрашенным мимикрином почти двое суток назад. Им осталось жить не более пятнадцати-двадцати минут. Вы можете понаблюдать за опытом.

Ильичев направился в глубь залы. Ассистент подал ему шприц.

— Подведите ко мне Джека, Иван Андреевич.

Ассистент отвязал от стола ремешок и подвел к Ильичеву собаку, которую почти нельзя было заметить. Тело ее было покрыто светлыми и темными ромбами, подобными паркетному полу залы.

Ильичев нагнулся и сделал два глубоких укола в спину собаки. Собака взвизгнула и легла на пол.

— Мы уже делали такой опыт, — говорил Ильичев, — но, по некоторым причинам, он не вполне удался. Теперь я почти не сомневаюсь в успехе.

Между тем ромбы на теле собаки, лежавшей без движения, начали слегка бледнеть. Вскоре они стали гораздо

светлее ромбов паркета. Контур собаки становился все более заметным.

— Вы видите, что делается с Джеком? — радостно спросил Ильичев, приближаясь к экрану. — Антимимикрин начинает действовать. Теперь у меня уже нет больше сомнения. Жизнь собаке я спас и при первом опыте, но тогда мне не удалось вернуть ей нормальную окраску. Теперь и эта задача решена.

— Вот и отлично, — сказал комдив. — Значит, я могу послать к вам товарища Гроздева с полной уверенностью в том, что жизнь его будет спасена.

— Безусловно, товарищ комдив, — уверенно заявил доктор.

Комдив выключил телевизор и обратился к Бахтадзе.

— Немедленно же направляйтесь с товарищем Гроздевым в Минск к доктору Ильичеву. Самолет для вас приготовлен.

Гроздев и Бахтадзе попрощались с комдивом и вышли из кабинета. В коридоре их ждал Гуцин.

— Ну как, товарищ инженер? — взволнованно спросил он, — спасет вас Ильичев?

— Спасет, спасет, товарищ Гуцин, — улыбаясь, ответил Гроздев. — Можете не сомневаться.

— А с фашистами как же?

— С фашистами? А с ними, товарищ Гуцин, наш воздушный десант займется сегодня ночью.

— Воздушный десант? — удивленно переспросил Гуцин.

Попрощавшись с инженером, он вышел из штаба и темными улицами военного городка торопливо добежал до казарм саперного батальона.

— Где лейтенант Лесниченко? — спросил Гуцин у дневального.

— В штабе батальона.

Не теряя времени, Гуцин направился к штабу. Еще издали увидел он своего лейтенанта в освещенном окне. Он сидел в маленькой штабной комнате и перелистывал какие-то списки. Гуцин доложил ему, что явился с разведки.

— Хорошо, — сказал лейтенант, — можете быть свободны. Идите отдыхать.

— Товарищ старший лейтенант, а наш взвод куда не назначается ночью? — смущенно спросил Гущин.

— Назначается, но вы можете спокойно отдыхать. Капитан освободил вас от ночной операции.

— Я прошу вас, товарищ старший лейтенант, разрешить мне принять в ней участие. Я знаю, что на эту операцию назначаются только парашютисты, а я — лучший парашютист в нашей роте.

— Но ведь вы устали после разведки.

— Ничуть, товарищ старший лейтенант. Целый день сидел с врачом Бахтадзе в окопе, поджидая инженера Гроздева... Это меня не могло утомить.

Подумав, лейтенант согласился и приказал Гущину идти ужинать и немедленно ложиться спать.

...В три часа ночи, по сигналу дневального, саперный взвод вскочил на ноги, бесшумно оделся и выстроился посреди казармы. Старший лейтенант Лесниченко объяснил боевую задачу. Саперы были включены в десантный отряд, который должен был вылететь на стратопланах к расположению первой зоны особого германского корпуса в 3 часа 33 минуты, ровно за 20 минут до восхода солнца. Затем затяжным парашютным прыжком бойцы должны спуститься на землю и уничтожить артиллерийскую прислугу противника.

По дороге к аэродрому Гущин узнал, что немцы уже выпустили десятка полтора снарядов по советской территории. Снаряды эти были колоссальной силы и величины. Упав, они сначала ползли по земле, словно гигантскими плугами вспахивая ее на двести метров, и только после этого взрывались со страшной силой.

На аэродроме шла бесшумная работа. Авиатехники готовили к полету десантные корабли супер-авиации. Из дивизионных складов подвозили на машинах кислородные баллоны и оружие. Командиры и экипаж кораблей примеряли электрические костюмы.

Вскоре начали готовиться к посадке. Почти весь десантный отряд, как заметил Гуцин, состоял из артиллеристов. Лишь после того, как началась посадка на аэродром, прибыл стрелковый полк. Вся эта масса людей бесшумно разместилась в восьмидесяти воздушных кораблях, кабины которых были герметически закупорены.

Набирая высоту, корабли увеличивали скорость. На высоте в четыре тысячи метров они летели со скоростью в четыреста километров в час, на высоте десяти тысяч метров — со скоростью в пятьсот пятьдесят километров, а достигнув шестнадцати тысяч метров, увеличили скорость до восьмисот километров. Сквозь толстые стекла Гуцин видел черное звездное небо и бледный диск луны. Земля была непроглядно темна. Она лежала где-то там, далеко-далеко внизу, и казалось, что стратопланы перелетят, перемахнут через нее и умчатся неизвестно куда... И становилось так жалко эту милую, родную землю, и еще сильнее возрастала ненависть к врагу, из-за которого всем этим замечательным советским людям пришлось бросить свое мирное дело и лететь в эту страшную ночь в логово бешеного, отвратительного зверя.

В 3 часа 23 минуты командиры десантных подразделений приказали надеть кислородные маски и проверить парашюты. Каждый боец, кроме автоматических пистолетов крупного калибра, был еще вооружен облегченным пулеметом, приспособленным для стрельбы с парашюта.

Через десять минут корабли были в пункте назначения. Десанту был отдан приказ — прикрепить себя ремнями. Пилоты выключили моторы, и стратопланы, словно оборвавшись, полетели вниз. На высоте десяти тысяч метров машины выровнялись. Парашютисты отвязали ремешки.

— Приготовиться! — скомандовали командиры десантных отрядов.

Парашютисты сосредоточились у нижних люков. С грохотом пролетел возле стратоплана снаряд, слегка задев его обшивку.

— Пошли! — скомандовали командиры.

Люди выпрыгивали из люков и, не раскрывая парашютов, летели к земле. Гуцин, пролетев метров триста благополучно, попал в страшный штопор. Поток холодного воздуха бешено вращал его. Центр вращения был где-то около шеи, так что ноги ходили по большому кругу, а голова по малому.

«Совсем паршивая штука», — подумал Гуцин.

Пытаясь выйти из штопора, он делал обратные рывки и выбрасывал правую руку. После долгих усилий ему, наконец, удалось выровняться. Теперь он летел сравнительно ровно, но скорость падения настолько увеличилась, что у него начала кружиться голова и заныло раненое плечо. Заметив под собой несколько шелковых куполов, Гуцин дернул за кольцо.

Медленно рассветало. Взглянув вверх, Гуцин увидел сотни голубых куполов, быстро спускавшихся на землю. Внизу ничего, кроме леса, не было видно. С большого расстояния он казался непроглядно густым.

Неподалеку от Гуцина пролетел артиллерийский снаряд. Очевидно, фашисты обстреливали десант из зенитных орудий. Гуцин подтянул стропы парашюта и почти вдвое ускорил спуск.

Теперь он был ближе к земле и мог заметить, что лес не такой уж густой, как это казалось раньше. Во многих местах виднелись просветы и какие-то огромные сооружения, похожие на башни.

Гуцин вставил диск в пулемет и нажал спусковой крючок. Весь воздушный десант открыл огонь по противнику. Ливень пуль обрушился на лес, срывал листву, оголяя деревья. Как только отчетливо стали видны орудийные башни, парашютисты стали забрасывать их ручными бомбами. Огонь фашистов ослабевал, очевидно, многие орудия уже были выведены из строя.

Когда до земли осталось всего сто метров, Гуцин замедлил падение и благополучно опустился на небольшую поляну. Здесь уже лежали три парашютиста и, окопавшись, обстреливали щели башни. Огромные орудия, торчавшие из бойниц, были беспомощны: на таком коротком

расстоянии стрелять из них по парашютистам было немислимо.

Фашисты не ожидали высадки десанта в своей оборонительной полосе. Они твердо были убеждены в том, что десант можно выбросить только в глубоком тылу противника. Это положение четко излагалось в военных уставах всех армий. Советское командование захватило врага врасплох. Оборонительная зона особого корпуса не имела зенитных пулеметов и была вооружена только тяжелыми зенитными орудиями, неспособными нанести воздушному десанту значительный ущерб.

Когда весь десант был на земле, командиры разбили бойцов на подразделения и окружили башни. Засевшие в башнях офицеры отстреливались из револьверов. Но парашютисты подошли к башням вплотную и принялись через бойницы бросать внутрь гранаты.

Вскоре фашисты стали сдаваться. Спустя полчаса вся первая зона особого германского корпуса была в руках десанта. Начальник десанта, полковник Пушкарев, приказал повернуть орудия на 180 градусов и подать воздушной эскадре сигнал высотными ракетами.

10. Разгром

Генерал Пеггендорф ходил по штабу, довольно потирая руки. Полковник Шлотгейм сидел на подоконнике. За окном, словно светлячки, плавали в темноте желтые огоньки фонарей. Сотрясая здание, тяжело ухало неподалеку огромное орудие.

— Хорошо, очень хорошо, — говорил генерал. — Замечательные, гуманные машины, эти пушки, полковник. Этот покойный изобретатель был, кажется, гениален. Его механизмы чертовски просты. Спокойно, неторопливо выбрасывают они через каждые три минуты пятнадцать тонн металла. Сейчас у нас действуют только пять пушек, в час но-

чи начнут действовать еще десять, к утру их будет около пятидесяти. Так как снаряды эти уходят в землю всего на метр, а затем идут параллельно ей на протяжении двухсот-трехсот метров, то к утру мы вспашем солидный кусочек советской земли.

Пеггендорф был возбужден. Он то ходил по комнате, то, присаживаясь на подоконник и поглядывая на часы, проверял промежутки между выстрелами. Все идет прекрасно, но вот... проходит пять... семь... десять минут, а выстрелов нет.

Генерал нажимает кнопку звонка. Вбегает дежурный.

— Что же это такое? — кричит генерал.

Дежурный не успевает ответить. Распахивается дверь. Бледный майор вытягивается перед генералом.

— Ваше превосходительство, орудия не могут больше стрелять. Что-то случилось с охладителями. Жерла накалились невероятно...

— Как накалились? Вы в своем уме?

Генерал заметался по комнате. Наконец, он остановился перед все еще стоявшим на вытяжку майором. Глухо сказал:

— Поставьте другие охладители. К работе привлечь весь гарнизон...

Всю ночь шла работа. Пеггендорф приказывал, кричал, бросался помогать работавшим и лишь мешал им. Вскоре выяснилось, что части охладителей и многих еще не собранных орудий изготовлены не по чертежам и не могут быть смонтированы.

— Что за чертовщина такая? — ругался Пеггендорф, рассматривая бракованные части. Нагнувшись, он освещал их сильным электрическим фонарем, и вдруг на резервуаре одного из охладителей прочел короткую надпись мелом:

«Мы не хотим войны с Советским Союзом».

Это привело генерала в бешенство. Шлотгейм опасался, что он задохнется от ярости.

— Что же нам делать, полковник? — хрипло спрашивал Пеггендорф. — Может быть, повернуть орудия и палить по своим рабочим, по солдатам?

— Стыдно так распускаться, ваше превосходительство, — строго сказал Шлотгейм, подавая генералу воду.

Пеггендорф внимательно посмотрел в глаза полковнику и, ничего не ответив, вышел из штаба.

Рассветало. В окно было видно, как генерал, большой, грузный, без фуражки, тяжело ступая, шел по двору.

Зазвонил телефон. Полковник снял трубку.

— Немедленно дайте господина командующего особым корпусом, — услышал Шлотгейм прерывающийся от волнения голос начальника штаба первой зоны.

— Командующего нет поблизости. У телефона начальник штаба корпуса. В чем дело?

— Господин начальник, первую зону занял советский воздушный десант... — прохрипел голос и умолк.

Все попытки полковника продолжить прерванный разговор оказались безуспешными. Расстегнув ворот мундира, Шлотгейм тяжело опустился в кресло.

Со свистом влетел в окно снаряд и пронизал противоположную стену. Вторым снарядом оторвало верхний угол комнаты. В просвете полковник увидел, как плыли по небу громадные корабли. Они шли на запад.

Примечания

Все включенные в антологию произведения, помимо отдельно оговоренных, публикуются по первоизданиям с исправлением очевидных опечаток, а также некоторых устаревших особенностей орфографии и пунктуации.

В. Динзе. Техника будущей войны

Впервые: *Вокруг света* (Ленинград). 1928. № 7.

В. Ф. Динзе (1886-1938) – журналист, преподаватель, популяризатор науки. Заведовал издательством «Прибой», редакцией ленинградского журнала «Вокруг света», руководил кафедрой иностранных языков в Автодорожном институте. Дважды арестовывался в 1920-х гг., в феврале 1938 г. был снова арестован, в октябре 1938 г. расстрелян.

В. Левашов. Танк смерти

Впервые: *Вокруг света* (Ленинград). 1929. № 9.

В. Левашов – автор четырех научно-фантастических рассказов, опубликованных в 1920-х гг.

Л. Лайцен. Гибель британского средиземноморского флота

Публикуется по: *Резец*. 1928. № 26. То же в кн. *Голая жизнь: Альманах революционных писателей Латвии, Эстонии, Финляндии и др. Л.*, 1928 (под назв. «Гибель Средиземноморского флота»).

Л. Лайцен (Лайценс, 1883-1938) – латвийско-советский писатель, поэт, революционный журналист. В 1928 и 1931 г. избирался депутатом Сейма от рабоче-крестьянского списка. С 1928 г. член КП Латвии. Неоднократно подвергался репрессиям в Латвии. В 1932 эмигрировал в СССР, назначен председателем латвийской ко-

миссии Международной организации революционных писателей. В 1937 г. был арестован и позднее расстрелян.

О. Гурьян. Рассказ 3-й. Война будущего

Отрывок из кн. *Война* (М., 1930).

О. М. Гурьян (Калабушкина, 1899-1973) – детская писательница и поэтесса, автор более 50 книг. Наиболее известна своими историческими повестями.

М. Ивенсен. Если будет война

Публикуется по отдельному изд.: М., 1932.

М. И. Ивенсен (Шор-Ивенсен, урожд. Симонович, 1903-1977) – советская детская поэтесса, переводчица, автор текстов песен.

С. Ерубаев. О будущей войне

Публикуется по изд.: *Антология современной казахстанской научной фантастики*. Т. 1. Алматы, 2012.

С. Ерубаев (1914-1937) – казахский писатель, журналист, литературовед. Выпускник Ленинградского института истории, философии и лингвистики. В 1930-х гг. работал в казахских газетах, преподавал в ВУЗах Алма-Аты. Скончался в 23 года от тяжелой болезни. Новелла Ерубаева *О будущей войне (Келесі соғыс туралы, 1934)* считается первым в казахской литературе научно-фантастическим произведением.

Е. Болтин. Отраженный налет

Впервые: *Техника – молодежи*. 1935. № 1.

Е. А. Болтин (1900-1981) – советский военный теоретик, военный историк. Участник Гражданской и советско-польской (1920) войн.

Позднее ст. руководитель кафедры ПВО, доцент кафедры истории гражданской войны Военной академии им. М.В. Фрунзе (с 1938). Зам. редактора *Военно-исторического журнала* (с 1939), отв. редактор газеты *Красная Звезда* (с мая 1940), автор книги *Очерки мировой войны: 1914-1918* (совместно с Ю. Вебером). В 1960-х годах – генерал-майор, глава отдела военной истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Заслуживает внимание его военно-фантастический очерк «УР» (1938), опубликованный под видом переводного французского сочинения «майора Рикара», где было предсказано немецкое наступление на Францию через Арденны.

М. Малков. Истребитель-таран

Впервые: *Техника-молодежи*. 1938. № 10.

М. С. Малков (1918-1998) – советский военный инженер-конструктор, инженер-подполковник. Работал в НИИ ЭРАТ ВВС СССР, в 50-е годы руководил разработкой МиГ-15бис (ИШ). В 1970-е гг. руководил в 70-е годы Экспериментальной студией электронной музыки, затем работал в Фонде М. Булгакова.

Л. Воронцов. Взрыв на пустом месте

Впервые: *Знание – сила*. 1938. № 8-9, август-сентябрь.

Г. Байдуков. Разгром фашистской эскадры

Впервые: *Знамя пионера* (Хабаровск). 1938. №№ 83-85, 87. То же в отдельном изд.: Ростов-на-Дону, 1938.

Г. Ф. Байдуков (1907-1994) – летчик-испытатель, Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации. Считается кавалером наибольшего числа орденов СССР (22). В 1936-37 гг. в составе экипажа В. Чкалова совершил беспосадочные перелеты Москва-о. Удд и Москва-Ванкувер через Северный полюс. Участвовал в советско-финской и Второй мировой войнах (комдив, командир авиакорпуса). После войны занимал командные должности в ВВС, в 1972-

1988 гг. научный консультант главкома войск ПВО. Автор нескольких мемуарных и беллетристических книг.

А. Олышванг. Крепость

Впервые: *Техника – смене* (Свердловск). 1938. №№ 32-33.

А. В. Олышванг (1874-1943) – инженер, конструктор, преподаватель, популяризатор науки, автор многочисленных научных трудов и ряда научно-популярных книг. Выпускник Петербургского электро-технического института. С 1919 г. преподавал в ВУЗах Екатеринбурга (Сведловска), был профессором Индустриального института, позднее – Политехнического.

Ф. Кожин. Магнитная стена

Впервые: *Техника – молодежи*. 1939. № 1.

Л. Рихтер. Отраженный налет

Впервые: *Техника – молодежи*. 1939. № 7-8.

Н. Томан. Мимикрин доктора Ильичева

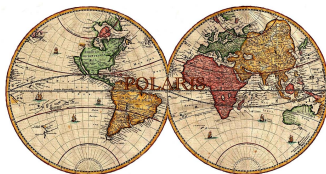
Впервые: *Вокруг света*. 1939. № 1-2.

Н. В. Томан (Анисимов, 1911-1974) – советский писатель, журналист, инженер-железнодорожник. Участник советско-финской и Второй мировой войн. Начал публиковаться в 1933 г. Автор многочисленных военно-патриотических рассказов, шпионских и милицейских детективов, научно-фантастических произведений.

Оглавление

В. Динзе. Техника будущей войны	6
В. Левашов. Танк смерти	15
Л. Лайцен. Гибель британского средиземноморского флота. <i>Пер. Э. Сильмана</i>	32
О. Гурьян. Рассказ 3-й. Война будущего	46
М. Ивенсен. Если будет война	55
С. Ерубаяев. О будущей войне. <i>Пер. Е. Сыздыкова</i>	61
Е. Болтин. Отраженный налет	97
М. Малков. Истребитель-таран	118
Л. Воронцов. Взрыв на пустом месте	123
Г. Байдуков. Разгром фашистской эскадры	136
А. Олышванг. Крепость	149
Ф. Кожин. Магнитная стена	159
Л. Рихтер. Отраженный налет	163
Н. Томан. Мимикрин доктора Ильичева	169
Примечания	219

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.